

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2/2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефедова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С. председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по науке Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой прикладной
институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
народонаселения экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
науками (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной
работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.

член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором Института
проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2020

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),

08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала

«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2020

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 15.04.2020.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 303/1-20

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амirit»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Соболева И.В.

Исследование социально-трудовой сферы в Институте экономики
РАН: история и современность 9

Караваева И.В.

Национальная экономическая безопасность в теоретических
исследованиях Института экономики РАН 27

Павленко Ю.Г.

Экономические проблемы научно-технического прогресса
в исследованиях Института экономики РАН 43

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Дерябина М.А.

Иерархические и сетевые социально-экономические структуры
с позиций общей теории организации 60

Павлов М.Ю.

Трансформация характера взаимодействия между трудом
и капиталом в условиях четвертой индустриальной революции ... 71

Ваславский Я.И.

Государственно-частное партнерство в контексте технологии
институционализации общественного выбора:
теоретический подход 83

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Корепанов Е.Н.

Наука в России – стагнация или эволюция? 97

Смирнова Н.В.

Инновационная активность российских вузов: проблемы
и возможности 109

Жихарева А.К.

Инновационные рейтинги российских регионов: методологические
особенности их формирования и практика применения 121

Магомаева Л.Р.

Цифровые инновации в современной экономике: сферы
внедрения и эффекты 137

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Коломиец А.Г.

К новому качеству управления государственными финансами 147

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Миграмян А.А.

Экономика Украины: влияние евроинтеграции и торгового
эмбарго с Россией 162

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Виноградов А.А.

Влияние политики количественного смягчения Европейского
Центрального банка на показатели рынка жилой недвижимости
в зоне Евро 181

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики РАН в 2019 году 195

CONTENTS

ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS)

Soboleva I.V.

A Study of the Social and Labor Sphere at the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS):
History and Modernity 9

Karavaeva I.V.

National Economic Security in Theoretical Studies of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) 27

Pavlenko Yu.G.

Economic Problems of Scientific and Technological Progress
in Research of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences (the RAS) 43

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Deryabina M.A.

Hierarchical and Network Socio-Economic Structures from
the Standpoints of the General Theory of Organization 60

Pavlov M.Yu.

Transformation of the Nature of the Interaction Between Labor
and Capital in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution 71

Vaslavsky Ya.I.

Public-Private Partnership in the Context of Technology
for the Institutionalization of Public Choice: a Theoretical Approach .. 83

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Korepanov E.N.

Science in Russia – Stagnation or Evolution? 97

Smirnova N.V.

Innovative Activity of Russian Higher Educational Establishments:
Problems and Opportunities 109

Zhikhareva A.K.

Innovative Ratings of Russian Regions: Methodological Features
of Their Formation and Practice of Application 121

Magomaeva L.R.

Digital Innovations in the Modern Economy: Areas of Implementation
and Effects 137

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Kolomiets A.G.

Toward a New Quality of Public Finance Management 147

WORLD ECONOMY

Migranyan A.A.

Ukraine's Economy: the Impact of European Integration
and the Trade Embargo with Russia 162

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Vinogradov A.A.

The Influence of the Quantitative Easing Policy of the European
Central Bank on Residential Real Estate Market Indicators
in the Euro Zone 181

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.V.

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS)
in 2019 195

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ РАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

В статье рассматриваются основные этапы развития исследований, проводимых в Институте экономики РАН по проблемам сферы труда, а также по социальным проблемам. Особое внимание уделяется вкладу основоположников школы трудовиков, работавших в ИЭ РАН во второй половине прошлого столетия.

Ключевые слова: социально-трудовая сфера, школа трудовиков, трудовой потенциал, рынок труда, человеческий потенциал, социальная политика.

JEL: B24, B31, J01.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10012

Весомый пласт исследований, проводимых в Институте экономики РАН, составляют исследования социально-трудовой сферы. В развитии этого направления можно выделить несколько этапов.

Становление и развитие школы трудовиков в советский период²

Первый, относительно небольшой во временном протяжении (1967–1972 гг.), но заслуживающий самостоятельного рассмотрения этап связан со становлением в Институте экономики собствен-

¹ Автор выражает благодарность Т.В. Чубаровой, М.И. Воейкову и М.Н. Федоровой за предоставленные ими материалы, которые были использованы при написании данной статьи.

² При написании этого раздела автор в значительной степени опирался на материалы Круглых столов, проведенных в Институте экономики РАН в связи с 70-летием Института [25].

ной школы экономистов-трудоустроителей, в рамках которой на несколько последующих десятилетий были заложены основные подходы к исследованиям проблем занятости и трудовых отношений. Представители этой школы стремились сочетать разработку теоретических основ воспроизводства рабочей силы в различных социально-экономических системах с анализом реальных процессов и проблем в сфере труда, а также с разработкой рекомендаций, направленных на повышение эффективности функционирования этой сферы.

Становление школы трудоустроителей началось с выделения в 1967 г. в структуре Отдела социалистического воспроизводства Сектора проблем труда. Непосредственным стимулом для его создания послужил обострившийся на тот момент дефицит трудовых ресурсов, что актуализировало проблему их рационального использования. Основу сектора составили признанные специалисты в области экономики труда, работавшие на тот момент в разных подразделениях Института, – Надежда Семеновна Маслова, Борис Цезаревич Урланис, Михаил Яковлевич Сонин, Лев Ефимович Маневич. В своих работах они заложили теоретико-методологический фундамент, позволивший следующим поколениям ученых развернуть исследования по широкому кругу проблем в области воспроизводства рабочей силы и развития социально-трудовых отношений как в условиях плановой экономики, так и в период социально-экономических трансформаций.

В фокусе научных интересов Н.С. Масловой изначально находились проблемы производительности труда. При этом уже в своей первой монографии «Производительность труда в промышленности СССР» [8] она увязывает возможности повышения производительности труда с научно обоснованной организацией материального стимулирования работников. В дальнейшем ее многолетние изыскания в области стимулирования труда были обобщены в монографии «Коллективные формы материального стимулирования в промышленности СССР» [9].

В работах М.Я. Сониной, главной из которых является его фундаментальный труд «Воспроизводство рабочей силы и баланс труда» [21], обосновываются механизмы обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами, затрагиваются проблемы измерения качества рабочей силы. Именно он заложил подходы к разработке баланса трудовых ресурсов – рамочной конструкции регулирования сферы труда.

Огромное и разноплановое наследие оставил Б.Ц. Урланис. Его монографии «Рост населения в Европе» (1941 г.) и «Войны и народонаселение Европы» (1960 г.) были переведены на многие иностранные языки. Огромный интерес вызвали монографии, где исследуются демографические проблемы советского общества: «Рождаемость и продолжительность жизни населения в СССР» (1963 г.), «Динамика и структура населения СССР и США» (1964 г.), «История одного поколения»

(1974 г.), «Проблемы динамики населения СССР» (1974 г.), «Эволюция продолжительности жизни» (1978 г.). Дважды, в 1962 г. и 1975 г., переиздавался разработанный им учебник «Общая теория статистики»³. И по сей день остаются актуальными идеи Б.Ц. Урланиса о связи экономики и демографии, позволившие ему обосновать необходимость выделения экономической демографии в качестве самостоятельной области исследований. Задача экономической демографии состоит в том, чтобы увязать тенденции воспроизводства трудовых ресурсов с демографическими процессами. Место связующего звена Урланис отводил показателю «занятость населения», который является одновременно демографическим и экономическим [28]. Анализируя тенденции воспроизводства трудовых ресурсов в увязке с демографическими процессами, Урланис обращает внимание на ряд тревожных трендов, которые и сегодня продолжают стоять в повестке дня: общее снижение рождаемости, громадные различия уровня рождаемости в разных регионах страны, в том числе в этническом разрезе, сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста.

Вновь созданный Сектор проблем труда возглавил Е.А. Маневич, на научном счету которого к 1967 г. было более 20 книг и брошюр, а также многочисленные статьи по проблемам воспроизводства рабочей силы в плановой социалистической экономике. К ведущим научным заслугам Маневича следует отнести последовательное отстаивание правомерности универсального закона возмещения затрат рабочей силы, который действует во всех общественно-экономических формациях, а также постановку вопроса о существовании при социализме скрытой безработицы. Оба этих аспекта получили отражение в его капитальном труде «Проблемы общественного труда в СССР», который, пройдя череду инстанций (вплоть до отдела ЦК КПСС) и ожесточенных дискуссий, увидел свет в 1966 г. [7].

Обоснование универсальности (всеобщности) закона возмещения затрат рабочей силы имело не только теоретическое, но и громадное практическое значение. Тем самым устанавливалась объективная основа организации системы заработной платы в плановой экономике. Позиция Маневича противостояла господствовавшему на тот момент среди отечественных экономистов и во властных структурах убеждению в возможности практически произвольно изменять пропорции оплаты труда, руководствуясь лишь целями и задачами текущего момента. Во многих случаях фонд оплаты труда формировался по остаточному принципу после распределения средств на текущие и стратегические потребности в материальных компонентах производственного процесса. Опираясь на теорию К. Маркса, Маневич дока-

³ Подробнее о творческом наследии Б.Ц. Урланиса см. [5].

зывает, что воспроизводство главной производительной силы – человека – предполагает не просто возмещение затраченных в процессе труда усилий, а создание возможностей для удовлетворения сформированных на данный исторический момент материальных и культурных потребностей. На практике это позволяло ставить вопрос об официальном утверждении прожиточного минимума и положило начало расчетам минимального потребительского бюджета, который негласно учитывался при формировании единой тарифной сетки, лежащей в основе организации заработной платы.

Довольно смелой для тех времен выглядела и постановка Маневичем проблемы существования на социалистических предприятиях скрытой безработицы, т. е. сознательно удерживаемой руководителями производства избыточной рабочей силы. Обратной стороной этого явления выступала общая нехватка трудовых ресурсов в экономике. Ученый ставит вопросы о высвобождении излишних работников и о создании институциональных механизмов, обслуживающих этот процесс, – особых структур, содействующих трудоустройству высвобождаемых работников (аналог современных центров занятости), и системы материальной поддержки на период поиска новой работы (по существу, пособий по безработице)⁴.

К моменту создания сектора у Е.Л. Маневича имелся уже опыт руководящей работы. На протяжении трех лет (1955–1958 гг.) он занимал должность первого заместителя директора по научной работе НИИ труда. За этот недолгий период он смог сформировать в только что созданном институте работоспособный научный коллектив, установить контакт с профильными министерствами и производственными структурами, что обеспечивало организационную поддержку и доступ к необходимой для исследовательской работы статистической и эмпирической информации.

Сектор проблем труда был сформирован преимущественно из исследователей, работавших на тот момент в разных подразделениях Института экономики РАН и занимавшихся проблемами развития социально-трудовой сферы. В его состав вошли Н.С. Маслова, М.Я. Сонин, Б.Ц. Урланис, Р.К. Иванова, И.С. Маслова, В.М. Москович, Н.В. Панкратьева, Л.С. Сбытова, Т.А. Бараненкова. Также были привлечены специалисты-трудовики из других организаций.

Важной вехой на пути формирования в Институте собственной школы исследований сферы труда стала коллективная монография «Основные проблемы использования трудовых ресурсов в СССР» [12], в которой рассматривались как теоретико-методологические, так и практические проблемы воспроизводства и рационального исполь-

⁴ Подробнее о творческом наследии Е.Л. Маневича см. [1].

зования ресурсов рабочей силы в народном хозяйстве. В фокусе авторов данного исследования была проблема обостряющейся нехватки трудовых ресурсов и поиск путей ее смягчения. С привлечением обширных эмпирических данных был обоснован вывод о том, что главной причиной дефицита являются не неблагоприятные демографические тенденции, а формирование на предприятиях устойчивого навеса избыточной рабочей силы. В качестве основных практических рекомендаций, наряду с ускорением научно-технического прогресса с упором на трудосберегающие технологии, были обоснованы перспективные направления совершенствования хозяйственного механизма, в том числе распространение Щекинского метода, который был впервые применен в 1969 г.

Постепенно Сектор проблем труда Института экономики стал выступать в качестве координатора исследований по проблемам социально-трудовой сферы в различных регионах страны. В 1970 г. в рамках Научного Совета «Социально-экономические проблемы народонаселения» при Президиуме АН СССР (председатель – член-корр. АН СССР Т.В. Рябушкин, зам. председателя – проф. Б.Ц. Урланис) была образована секция «Социально-экономические проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР» под председательством Е.Л. Маневича, ядро которой составили сотрудники Сектора проблем труда. Ее важнейшей задачей было научно-методическое обеспечение разработки раздела Комплексной программы научно-технического прогресса, посвященного проблемам использования трудовых ресурсов и занятости. Сектор отвечал за обобщение материалов, собираемых региональными подразделениями АН СССР. Это способствовало консолидации научных сил страны на решении актуальных проблем в сфере труда.

Второй этап (1973–1982 гг.) начинается с переориентации фокуса исследований Сектора проблем труда на проблемы производительности труда. Он был преобразован в Сектор производительности труда и трудовых ресурсов, который возглавил заслуженный деятель науки, чл.-корр. АН УССР, проф., д.э.н. Павел Алексеевич Хромов. Наиболее значимой работой в этом направлении стала выпущенная под его редакцией монография «Производительность труда в условиях развитого социализма» [13].

Возглавивший Институт экономики в 1971 г. член-корр. АН СССР Евгений Иванович Капустин придавал большое значение исследованию социально-экономических механизмов развития сферы труда, проблемам трудовой мотивации и стимулирования работников, воспроизводства рабочей силы. В связи с этим в Институте начала активно развиваться не только трудовая, но и социальная проблематика, затрагивался круг проблем, связанных с созданием условий для всесторон-

него развития человека как в сфере труда, так и в сфере потребления. Для исследования этого круга проблем в различных отделах Института было создано несколько самостоятельных секторов.

Социальный, связанный с развитием человека ракурс проблем стал активно исследоваться в рамках Отдела общих проблем политической экономии. В 1972 г. в его структуре был образован Сектор социально-экономических проблем труда под руководством директора Института Е.И. Капустина. Впоследствии руководство сектором перешло к д.э.н. Розе Константиновне Ивановой. В этом подразделении политэкономические вопросы изменения содержания, характера и условий труда, обусловленные научно-техническим прогрессом, исследовались с учетом к текущего этапа развития национальной экономики и с привлечением обширного статистического и эмпирического материала. Были выявлены серьезные проблемы в области содержания труда, связанные с сохранением неблагоприятной для человеческого развития структуры занятости, в том числе с крайне высокой долей монотонного конвейерного производства и ручного неквалифицированного труда, с медленным развитием прогрессивных тенденций изменения профессионально-квалификационной структуры занятости, что порождало социальные противоречия.

Проблема сокращения неквалифицированного ручного труда была выделена в специальное направление исследований [26; 31], в рамках которого анализировались отраслевая структура распространения ручного труда, факторы его сохранения и возможные способы сокращения. Было обосновано, что сокращение тяжелого ручного труда является одним из ключевых механизмов повышения эффективности экономики, а также доказана неэффективность доминировавшей в экономике практики, когда усилия государства направлялись преимущественно на смягчение неблагоприятных последствий тяжелых и вредных условий труда, а не на модернизацию производственных процессов в целях оздоровления условий труда. Проведенные расчеты показали, что затраты на компенсацию последствий неблагоприятных для рабочих условий производства превышают объем ресурсов, требуемых для улучшения этих условий.

В 1979 г. в Отделе общих проблем политэкономии социализма был сформирован Сектор экономических основ социалистического образа жизни и социальной структуры общества (в 1985 г. переименован в Сектор экономических проблем социалистического образа жизни), который возглавил д.э.н., профессор Польш Вячеславович Савченко⁵ – известный специалист в области социальных приоритетов нацио-

⁵ Впоследствии П.В. Савченко было присвоено звание «Раслуженный деятель науки РФ».

нальной экономики, социальноэкономических отношений человека, общества и государства. Стержнем всех его работ является человек как главная производительная сила, субъект производственных отношений и цель развития общества.

В отношении категории «образ жизни» среди ведущих исследователей Института существовали разные точки зрения. Так, Е.И. Капустин считал образ жизни политэкономической категорией. Заведующий Отделом общих проблем политической экономии социализма д.э.н., профессор Виктор Никитич Черковец не относил образ жизни к экономическим категориям. Ведущий теоретик русского кооперативного социализма, д.э.н. Владимир Григорьевич Венжер считал образ жизни социологической категорией. С учетом этих мнений были определены название сектора и его тематика.

В секторе проводились исследования роли социалистической системы производственных отношений в образе и стиле жизни, экономических основ и укрепления трудового характера социалистического образа жизни. Рассматривались вопросы планирования и прогнозирования количественных и качественных показателей уровня и качества жизни, социальной эффективности, социальной однородности общества, преодоления различий в образе жизни между классами и социальными группами, между городом и деревней, между работниками преимущественно умственного и преимущественно физического труда, формы социальной активности трудящихся. Для этих исследований были разработаны методические программы: Программа исследования экономических основ социалистического образа жизни, Программа исследования трудового характера социалистического образа жизни, Программа исследования социальной структуры общества, Программа исследования нетрудовых доходов, Программа исследования основ адаптации человека к рынку. Таким образом, в круг исследовательских интересов сотрудников сектора входила и социальная проблематика в сфере труда.

Еще одним аспектом исследований сферы труда стала проблема социалистического соревнования, интерес к которой в 1970-е годы значительно возрос. Был образован специальный Научный совет АН СССР и ВЦСПС по проблемам социалистического соревнования, председателем которого стал директор Института экономики, член-корр. РАН Е.И. Капустин. Проводились многие конференции, симпозиумы, в том числе с участием ученых из стран – членов СЭВ. В Институте экономики социалистическое соревнование первоначально исследовалось преимущественно как соревнование предприятий в системе хозяйственного механизма. Однако вскоре на базе Сектора социально-экономических проблем труда была создана группа под руководством д.э.н. Михаила Илларионовича Воейкова, в задачи которой входило

изучение соревновательных механизмов в сфере труда. Затем она была преобразована в самостоятельный Сектор социалистического соревнования. Важнейшей заслугой исследовательского коллектива сектора стало последовательное отстаивание позиции, что социалистическое соревнование нельзя сводить к моральной, этической категории. Был сделан вывод о наличии у социалистического соревнования экономической конкурентной основы. В области практических рекомендаций это стало серьезным обоснованием необходимости материального стимулирования по итогам трудового соревнования. Сегодня такой подход нашел отражение в концепции внутреннего рынка труда.

Социальная и трудовая проблематика получила дальнейшее развитие и в рамках Отдела социалистического воспроизводства. В 1973 г. в Отделе был создан Сектор проблем народного потребления и сферы услуг под руководством Э.М. Агабабяна, а в 1977 г. из Сектора производительности труда вновь был выделен в самостоятельное подразделение Сектор использования трудовых ресурсов под руководством Е.Л. Маневича. В этот сектор перешли Б.Ц. Урланис, И.С. Маслова, Н.И. Татарина, Т.А. Бараненкова, Н.В. Панкратьева, К.А. Лайнер, В.М. Москович.

Таким образом, школа трудовиков в Институте экономики сложилась в значительной степени на базе работ политэкономов, которые изучали сферу труда в увязке с исследованием отношений собственности, распределительных отношений, социальной политики, что качественно отличает ее от прикладных, ориентированных на специфику отдельных отраслей исследований, которые проводились в таких ведомственных институтах, как НИИ труда Госкомтруда СССР и НИИПиН при Госплане СССР. Вместе с тем теоретические выводы специалистов Института, как правило, базировались на экономико-статистических расчетах и доводились до разработки практических рекомендаций.

Начало следующему этапу положило создание в 1982 г. самостоятельного Отдела экономических проблем труда под руководством д.э.н., профессора Дмитрия Николаевича Карпухина⁶ – одного из ведущих российских ученых в области исследования проблем труда и социального развития. С 1971 по 1982 г. Д.Н. Карпухин был директором НИИ труда Госкомтруда СССР. В новый отдел вошло четыре сектора: Сектор производительности труда, который возглавил Д.Н. Карпухин, Сектор использования трудовых ресурсов под руководством Е.Л. Маневича; Сектор характера и содержания труда (новое название Сектора социально-экономических проблем труда)

⁶ Впоследствии Е.Н. Карпухину было присвоено звание «Расслуженный деятель науки РФ».

под руководством Р.К. Ивановой и, несколько позже, Сектор трудовых отношений под руководством М.И. Воейкова. Таким образом, большинство сотрудников, занимающихся проблемами социально-трудовой сферы в разных подразделениях Института, были воссоединены в одном отделе, что позволяло разрабатывать согласованную программу исследований.

С образованием Отдела позиции школы трудовиков Института значительно укрепились. В 1980-е годы здесь работали многие известные специалисты по проблемам труда и занятости населения, в числе которых А.В. Барышева, А.З. Дадашев, Н.М. Краева, Н.К. Кульбовская, З.В. Куприянова, В.Н. Минеев, Л.С. Ржаницына, А.И. Страхов, М.С. Токсанбаева, Т.В. Чечелева, Г.Г. Шишкова. Исследования коллектива нашли отражение в подготовленных под руководством Д.Н. Карпухина трех коллективных монографиях и многочисленных докладах, охвативших широкий спектр как теоретико-методологических, так и злободневных практических проблем развития социально-трудовой сферы. В них подробно рассматривались факторы роста производительности труда и барьеры, тормозящие этот процесс, а также изменения характера, содержания и условий труда, проблемы воспроизводства и рационального использования трудового потенциала.

В годы перестройки Отдел экономических проблем труда Института неоднократно претерпевал структурные изменения, но продолжал оставаться координатором научных исследований социально-трудовой сферы, которые проводились в разных регионах страны. Он был инициатором и организатором крупных проектов, объединявших усилия специалистов, занимающихся проблемами развития социально-трудовой сферы и воспроизводства трудового потенциала в отдельных союзных республиках и в стране в целом. В их числе следует назвать всесоюзные координационные совещания по проблемам труда в 1984 г. в Москве и в 1986 г. в Тбилиси, Всесоюзную научно-практическую конференцию «Улучшение использования трудовых ресурсов в трудообеспеченных регионах» в Ташкенте в 1986 г.

Наиболее значимым событием стала Всесоюзная научно-практическая конференция «Трудовой потенциал советского общества» (Суздаль, 1987 г.), организационный комитет которой возглавляли Д.Н. Карпухин и заведующая Сектором занятости и трудового потенциала И.С. Маслова⁷. В работе конференции, которую открывал директор Института академик Леонид Иванович Абалкин, приняли

⁷ Д.э.н., профессор Инга Сергеевна Маслова – один из ведущих специалистов в области проблем занятости. Под ее научным руководством в разные годы были подготовлены и защитили кандидатские диссертации 12 молодых ученых. Дважды она являлась консультантом докторантов-соискателей, прикрепленных к ИЭ РАН.

участие как известные специалисты по проблемам труда из различных исследовательских центров и вузов страны, так и представители административных структур, в том числе председатели Государственных комитетов по использованию трудовых ресурсов большинства союзных республик, многие из которых выступили с докладами. Ключевые доклады «Трудовой потенциал советского общества» и «Направления совершенствования условий воспроизводства трудового потенциала» были подготовлены специалистами Отдела экономических проблем труда Института.

Конференция способствовала дальнейшему укреплению связей исследователей Института с административными структурами, отвечающими за сферу труда и занятости, что позволило в последующий период социально-экономических трансформаций развернуть довольно активное сотрудничество с органами по труду и с Государственной службой занятости на договорной основе. В условиях резкого сокращения государственного финансирования академической науки именно разработка конкретных проблем социально-трудовой сферы по заказам государственных структур способствовала, по крайней мере частично, сохранению научного потенциала Института.

Исследования социально-трудовой сферы в постсоветский период

С началом трансформационных процессов перед исследователями социально-трудовой сферы встали принципиально новые задачи, связанные с научным осмыслением изменений в трудовых отношениях в связи с переходом к рыночной экономике, механизмов адаптации населения к новым условиям занятости, а также с разработкой рекомендаций по государственному регулированию сферы труда в условиях системного кризиса. Подготовленная под руководством И.С. Масловой коллективная монография «Российский рынок труда» [14] явилась одной из пионерных работ, в которых разрабатывались вопросы теории и методологии изучения российского рынка труда, давалась характеристика его отличительных черт на этапе становления рыночной экономики, анализировались новые тенденции в движении спроса на рабочую силу и ее предложения в отраслевом и территориальном разрезах. Особое место в книге было отведено новому для национальной экономики феномену открытой безработицы. Монография содержала предложения по формированию инфраструктуры регулирования рынка труда в трансформационной экономике. Идеи этой работы составили один из опорных камней для разработки Институтом стратегии реформирования российской экономики и регулирования социальных процессов в условиях перехода к рынку.

В начале 1990-х годов И.С. Маслова одна из первых опубликовала серию статей методологического характера по вопросам рынка труда, социальным аспектам банкротства предприятий, занятости, трудового и человеческого потенциала, подготовленных с учетом изменившихся условий хозяйствования. Однако не менее важной стороной деятельности возглавляемого ею подразделения была разработка подходов к решению острых проблем российского рынка труда, наиболее важных для органов государственного управления. Сектор имел устойчивые связи с Министерством труда России, Министерством экономики, а также с новой структурой, созданной для поддержки лишившихся работы граждан, – Федеральной службой по труду и занятости. В период 1993–1998 гг. под научным руководством Масловой были выполнены 12 крупных договорных работ по заказу государственных структур и крупных работодателей (Газпрома, Промстройбанка и др.).

Параллельно и при поддержке корифеев школы трудовиков Института в 1990-е годы произошло становление нового коллектива, нацеленного на исследование проблем в сфере труда в переходной экономике на микро- и мезоуровне. В 1991 г. в Отделе общих проблем политической экономии была сформирована группа под руководством к.э.н. Татьяны Яковлевны Четверниной для участия в проекте Госкомстата и Международной организации труда по изучению гибкости российского рынка труда в промышленности и процессов его адаптации к требованиям рыночной экономики. В основе исследования лежало справедливое убеждение в том, что за макроэкономическими изменениями обязательно должны стоять структурные преобразования на уровне предприятий, реформирование подходов к управлению, в том числе и к управлению трудовыми отношениями внутри производственных единиц.

Проведенные исследования показали, что поскольку в период шоковой терапии задачи структурных реформ внутри предприятий не попали в разряд приоритетных, на мезоуровне не были сформированы механизмы стимулирования труда и роста его производительности. В результате предприятиям оказалось трудно, а в наиболее тяжелые годы попросту невозможно реагировать на сигналы рынка, что явилось важным фактором спада производства в 1990-х годах. Анализ деятельности промышленных предприятий стал отправным пунктом исследования инновационных механизмов в промышленности. При этом в специальном фокусе исследований были социальные инновации, затрагивающие сферу труда.

В 1995 г. в Институте был создан Отдел экономической социологии и рынка труда, в который вошел коллектив под руководством к.э.н. Т.Я. Четверниной, получивший статус сектора. В Секторе работали к.э.н. Н.И. Дунаева, к.э.н. Л.Д. Лакунина, к.э.н. С.В. Ломоносова,

к.э.н. А.А. Московская, к.э.н. П.Г. Смирнов, к.э.н. Э.Н. Соболев, к.э.н. И.В. Соболева, к.э.н. Н.О. Тодэ, к.э.н. Т.А. Чадова. Наряду с регулярным мониторингом тенденций развития внутреннего рынка труда в промышленности России, который сотрудники сектора проводили с 1991 по 2001 гг., в секторе велись исследования по ряду других направлений. Важнейшим из них стало исследование особенностей развития безработицы в условиях перехода к рыночным отношениям в сфере труда.

В 1993 г. сектором было проведено первое в России обследование безработного населения, обращавшегося в центры занятости за содействием в поиске работы. Это позволило создать серьезную эмпирическую базу для оценки эффективности различных направлений работы службы занятости, для формирования социологического портрета безработных. В дальнейшем исследование было дополнено экономико-статистическим анализом особенностей формирования средств Фонда занятости на федеральном и региональном уровнях, сложившейся на тот момент системы социальной защиты безработных, программ активной политики на рынке труда [29]. Важнейшим результатом исследований стало методологическое обоснование использования показателя общей (рассчитанной по методологии Международной организации труда), а не регистрируемой, как это практиковалось в России в начале 1990-х годов, безработицы при оценке состояния рынка труда. Было показано, что показатель регистрируемой безработицы характеризует прежде всего не реальные тенденции развития этого рынка, а масштабы государственного регулирования сферы занятости [18].

Еще одним направлением исследований в изменившейся социально-экономической ситуации стал анализ эволюции места и роли профсоюзов и развития социального партнерства. Эта проблема особенно актуальна в связи с появлением альтернативных профсоюзов и с резким изменением статуса традиционных.

Коллектив активно сотрудничал с международными организациями, занимающимися вопросами социальной защиты населения и трудовых прав работников. В 1997 г. для программы развития ООН им был подготовлен «Доклад о развитии человеческого потенциала в России» [6]. Еще одним важным международным проектом стала адаптация к российской специфике инструментария проекта Международной организации труда, посвященного исследованию социально-экономической защищенности населения в сфере труда.

За годы своего существования (1995–2005 гг.) сектором был накоплен огромный опыт проведения экономико-социологических исследований, сформирована обширная эмпирическая база, разработан и апробирован базовый инструментарий проведения опросов по проблемам развития социально-трудовой сферы, на которые специалисты Института, работающие по данному направлению, опираются до сих пор.

В 2005 г. произошло объединение Института экономики с Институтом международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН). До 1990 г. ИМЭПИ носил название Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС АН СССР). Здесь сложились собственные методологические и организационные подходы к исследованию социальных проблем, в том числе в сфере труда. Эти исследования развивались по двум направлениям. С одной стороны, была система организации работы «страна-сектор». При этом в каждом секторе, занимавшемся той или иной страной, были сотрудники, курировавшие социальные вопросы. С другой стороны, эти вопросы изучались в так называемых проблемных подразделениях. Существовал Отдел общих социально-экономических проблем, в составе которого выделялись сектора воспроизводства, хозяйственных реформ, статистики и аграрных проблем. В работах каждого из них в той или иной степени затрагивались социальные проблемы.

В конце 1970-х годов интерес к социальной проблематике сильно возрос. Сектор воспроизводства организовал два крупных международных симпозиума, где были представлены доклады по общим проблемам социальной политики и по проблемам высвобождения и перераспределения рабочей силы в условиях хозяйственных реформ. В 1978 г. в отделе, возглавляемом д.э.н. Рубеном Николаевичем Евстигнеевым, был создан Сектор экономических проблем социальной политики, который возглавила д.э.н. Людмила Серафимовна Дегтярь. В разное время в нем работали к.э.н. Г.А. Яременко, к.э.н. Е.С. Лучкина, к.э.н. Т.В. Жилкина, к.э.н. Т. Зимакова, к.э.н. Н. Захарова, к.э.н. Е.Е. Шестакова, к.э.н. А. Ершов, к.э.н. П.А. Владиславлев, А. Тыжнов, к.э.н. Т.В. Чубарова, к.э.н. Т.В. Соколова и др.

Большая работа проводилась с коллегами из социалистических стран. Это давало дополнительный источник информации и импульс развитию исследований, анализу современных тенденций социального развития. Итогом сотрудничества становились масштабные коллективные монографии с учеными из стран социалистического лагеря, в которых чувствуется влияние иных методологических подходов по сравнению с господствовавшими в большинстве работ отечественных исследователей[22; 23].

С началом перестройки сотрудники Института активно включились в разработку новой социальной проблематики, используя свои знания в области международного опыта – всегда подчеркивали взаимосвязь экономической и социальной политики. Автор одной из ключевых монографий по обобщению тенденций развития сферы труда Л.С. Дегтярь[4] стала участником дискуссии по актуальным проблемам и перспективам социального развития страны, развернувшейся на страницах журнала «Коммунист» в 1986 г.

В 2001 г. для консолидации социальных исследований в Институте (уже переименованном в ИМЭПИ РАН) был создан Центр исследований социальных проблем. В названии специально была подчеркнута исследовательская составляющая – на этом настаивал бывший тогда директором института академик А.Д. Некипелов. Помимо Сектора экономических проблем социальной политики туда вошли сотрудники Сектора миграции (к.э.н. И.А. Малаха, Д.Л. Архангельский) и группа, возглавляемая к.э.н. Алексеем Павловичем Седловым, пришедшим из Института проблем занятости. Руководителем Центра стала к.э.н. Татьяна Владимировна Чубарова.

В задачи Центра входили изучение социальных процессов в России в контексте сравнительных исследований мирового опыта, прежде всего стран Центральной и Восточной Европы и СНГ, а также разработка теории социальных исследований и методологии ее практического применения для формирования социальной политики. Исследовались такие вопросы, как развитие социальной сферы в условиях переходного периода и судьба советской модели социальной политики, роль государства в решении социальных проблем, взаимоотношения традиционных социальных партнеров, перспективы частного сектора и неправительственных организаций в социальной сфере, механизмы определения приоритетов социального развития.

В этот период усилилась российская направленность исследований. Оценивались перспективы и результаты реализации программ в отдельных областях социальной сферы, в том числе их влияние на жизненный уровень населения и поведение домашних хозяйств, трудовые отношения, на социальную интеграцию уязвимых групп населения, миграционные потоки. Особое внимание уделялось развитию здравоохранения как составной части социальной политики государства и перспективам пенсионной реформы [3; 27].

В 2004 г. при активном участии сотрудников Центра в ИМЭПИ РАН была проведена масштабная международная конференция, посвященная анализу итогов социальных изменений в постсоциалистических странах [10].

После объединения институтов в 2005 г. социальная и трудовая проблематика была в основном сосредоточена в двух тесно сотрудничающих между собой подразделениях – в Секторе развития человеческого потенциала (с 2010 г. – Лаборатория социально-трудовых отношений, с 2015 г. – Центр политики занятости и социально-трудовых отношений) под руководством И.В. Соболевой и в Центре экономической теории социального сектора под руководством Т.В. Чубаровой, который объединил Центр исследований социальных проблем ИМЭПИ РАН и Сектор ИЭ РАН под руководством Н.Г. Гловатской.

В подразделении И.В. Соболевой в этот период проблематика воспроизводства трудового потенциала была расширена за счет введения в предмет исследования дополнительных социальных ракурсов. Обосновывалась необходимость отхода от неоклассической трактовки человека преимущественно как экономического ресурса в пользу человекоориентированной парадигмы общественного развития, что в современных условиях является не только этическим, но и экономическим императивом. При этом ключевой становится концепция человеческого потенциала, в рамках которой подходу, получившему широкое распространение среди исследователей в первые годы социально-экономической трансформации и основанному на приоритетности рыночных механизмов и индивидуальных интересов, противопоставляется более широкий подход, учитывающий многообразие интересов, аспектов и механизмов воспроизводства [19].

Важными направлениями исследования Лаборатории социально-трудовых отношений выступали также изучение эволюции российской трудовой модели [16; 17], исследования в области неформальных отношений в сфере труда и соблюдения трудовых прав работников [20], гендерные аспекты занятости [2]. Было показано, что в современной смешанной экономике сведение человеческого потенциала к рыночной категории «человеческий капитал» ограничивает возможности не только теоретического анализа, но и практического воздействия на важнейшие воспроизводственные подсистемы, выходящие за пределы рыночных отношений.

Центр Т.В. Чубаровой в целом сохранил свою исследовательскую направленность. В контексте экономической теории государства проведено теоретическое обоснование функций общественного сектора и необходимости инвестиций в социальную сферу, активно разрабатывалась проблематика развития отраслей социальной сферы, прежде всего здравоохранения. Особую роль в работе Центра играют комплексные исследования в области экономики культуры [11].

С 2013 по 2016 гг. оба подразделения работали над общей темой государственного задания «Формирование новой модели социальной политики», интегрирующей три направления: политику в сфере труда и занятости, укрепление социальной защиты населения и обоснование подходов к реформированию социальных отраслей национальной экономики. В ходе ее разработки совместными усилиями был проведен анализ современных теорий формирования социальной политики и проблем ее практической реализации, рассмотрены особенности современного этапа развития социального государства, выявлены ключевые вызовы для социальной политики в сфере труда. На основе анализа опыта развитых стран в выработке новых концептуальных подходов в области реализации социальных прав граждан показана

необходимость активизации социальной политики, как условия развития человеческого потенциала общества. Проанализирован вклад в социальное развитие общества основных отраслей социального сектора – образования, культуры и здравоохранения, а также доказана необходимость их модернизации.

В результате проведенных исследований сформулированы предложения, направленные на разработку эффективных механизмов регулирования социально-трудовой сферы. Обосновано, что в центр внимания должна быть поставлена не политика сохранения занятости любой ценой, а создание новых рабочих мест, эффективных как с точки зрения продуктивности, так и с точки зрения качества занятости и оплаты труда.

В ближайшем будущем подразделениям Института, разрабатывающим социальную проблематику, предстоит новый этап исследований проблем воспроизводства человеческого потенциала национальной экономики в динамично меняющихся социально-экономических и технологических реалиях, генерирующих качественные сдвиги во всех областях жизни и, не в последнюю очередь, в социально-трудовой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараненкова Т.А. Ефим Львович Маневич: ученый и гражданин (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 6. С. 138–153.
2. Баскакова М.Е., Соболева И.В., Чубарова Т.В. Социально-экономическая защищенность женщин в сфере труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 85–100.
3. Григорьева Н.С. Социальная политика: гендерный аспект. М.: Олита, 2004.
4. Дегтярь Л.С. Трудовой потенциал общества и социальная политика. М.: Наука, 1984.
5. Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? Доклад для обсуждения на заседании Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Б.Ц. Урланиса / Отв.ред. И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2006.
6. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: ПРООН, 1997.
7. Маневич Е.Л. Проблемы общественного труда в СССР. М.: Экономика, 1966.
8. Маслова Н.С. Производительность труда в промышленности СССР. М.: Госполитиздат, 1949.
9. Маслова Н.С. Коллективные формы материального стимулирования в промышленности СССР. М.: Наука, 1966.
10. Модели системной трансформации и социальная цена реформ: опыт России, СНГ и стран ЦВЕ (материалы международной научной конференции) / Отв. ред. С.П. Глинкина, Т.В. Чубарова. М.: ИМЭПИ, 2005.
11. Музычук В.Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. СПб.: Нестор-история, 2013.

12. Основные проблемы использования трудовых ресурсов в СССР. М.: Наука, 1971.
13. Производительность труда в условиях развитого социализма / Под ред. П.А. Хромова. М.: Наука, 1976.
14. Российский рынок труда / Отв. ред. И.С. Маслова. М.: ИЭ РАН, 1993.
15. Садовничий В.П., Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Современное здравоохранение: от традиций к инновациям. М.: Наука, 2012.
16. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы. М.: ИЭ РАН, 2008.
17. Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI века). М.: ИЭ РАН, 2012.
18. Соболева И., Четвернина Т. Масштабы безработицы в России и способы ее измерения // Вопросы экономики. 1999. № 11. С. 99–113.
19. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
20. Соболева И.В. Серая зона российского рынка труда: масштабы и подходы к сокращению // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 36–46.
21. Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы и баланс труда. М. Госполитиздат, 1959.
22. Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы / Под ред. К. И. Миккульского. М.: Наука, 2001.
23. Социальная политика предприятия / Под ред. Л.С. Дегтярь. М.: Наука, 1986.
24. Социальная сфера в современной экономике: вопросы теории и практики» / Отв. ред. Т.В. Чубарова. СПб.: Нестор-История, 2015.
25. Социальная эффективность и трудовые отношения // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2000. С. 233–285.
26. Социально-экономические проблемы сокращения ручного труда / Отв. ред. Р.К. Иванова и Г.Г. Шишкова. М.: Наука, 1986
27. Теория и методология исследований социальных проблем» / Под ред. Р.С. Гринберга и Т.В. Чубаровой. М.: Наука, 2005.
28. Урланис Б.Ц. Народонаселение. Исследования, публицистика. М.: Статистика, 1976.
29. Четвернина Т.Я. Становление системы защиты от безработицы в современной России. М.: Наука, 2004.
30. Чубарова Т.В. Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес государство. СПб.: Нестор история, 2011.
31. Шишкова Г.Г. Политэкономические проблемы сокращения ручного труда. М.: Наука, 1987.
32. Яременко Г.А. Распределение и потребление в социалистических странах. М.: Наука, 1981.

ABOUT THE AUTHOR

Soboleva Irina Viktorovna – doctor of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
irasobol@gmail.com

A STUDY OF THE SOCIAL AND LABOR SPHERE AT THE INSTITUTE
OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS):
HISTORY AND MODERNITY

The article discusses the main stages of development of research, conducted at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) on the problems of the world of work, as well as on social problems. Particular attention is paid to the contribution of the founders of the Trudoviks school (school of laborers), who worked at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE of the RAS) in the second half of the last century.

Key words: *social and labor sphere, Trudovik school (school of laborers), labor potential, labor market, human potential, social policy.*

JEL: B24, B31, J01.

И.В. КАРАВАЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель сектора экономической безопасности
ФГБУН Институт экономики РАН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

В статье рассматриваются основные направления развития теоретических исследований проблем экономической безопасности в Институте экономики РАН. Показано, как за относительно короткий период теоретических исследований в данной области – менее четверти века – в отечественной экономической науке происходило формирование авторских концептуальных подходов к обоснованию и характеристике категории «экономическая безопасность» в работах ученых ИЭ РАН – Л.И. Абалкина, В.К. Сенчагова и др. Представлен процесс реализации теоретических разработок стратегии национальной экономической безопасности в практике государственного управления и обеспечения защиты экономических интересов и социальной стабильности российского общества. Акцентируется внимание на актуализации исследований в области социально-экономической безопасности в современной экономической науке. Обозначены теоретические подходы к определению новых приоритетов в стратегии национальной экономической и социально-экономической безопасности, а также роль академической науки в их разработке.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, социально-экономическая безопасность, стратегия экономического развития, риски экономического и социального развития.*

JEL: H110, H560, A130.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10013

Понимание экономической безопасности как объективного явления национального уровня впервые появилось в условиях глобального экономического кризиса конца 1920–1930-х годов в США в процессе поиска путей выхода из Великой депрессии. Начиная с 1933г. администрация Ф.Д. Рузвельта проводила экономическую политику, получившую название Новый курс (New Deal), цель которой состояла в выводе страны из масштабного экономического кризиса. В рамках Нового курса Ф.Д. Рузвельт создал специальный государственный орган – Комитет по экономической без-

опасности (Committee on Economic Security, CES). Основными мерами по обеспечению национальной экономической безопасности стали: совершенствование государственного регулирования, направленное на ограничение недобросовестной конкуренции, формирование анти-монопольного законодательства, а также реализация государственной социальной политики – финансовой поддержки безработного и нетрудоспособного населения США.

Впоследствии тематика национальной экономической безопасности получила свое дальнейшее развитие в академических исследованиях и в научной публицистике развитых стран мира в связи с глобальным нефтяным кризисом 1973-го г., а затем и с мировым экономическим кризисом семидесятых годов XX в. В России начало активного обращения к тематике национальной экономической безопасности следует отнести к периоду 1990-х годов, когда возникли потребности в разработке принципиально новых подходов к защите национальных экономических интересов в условиях жесточайшего системного кризиса.

Формирование и развитие направления «национальная экономическая безопасность» в исследованиях Института экономики РАН

В тематику Института экономики РАН теоретические исследования проблем экономической безопасности прочно вошли начиная с 1994–1995 гг. Приоритетное влияние на развитие этой области исследований в отечественной экономической науке оказали работы Л.И. Абалкина, в том числе те, которые были написаны им еще до официального закрепления в терминологии российской государственной политики категории «экономическая безопасность», так и те, которые были опубликованы в период создания Совета Безопасности Российской Федерации и принятия Федерального закона «О безопасности»¹. В этих работах [1; 2; 3] Л.И. Абалкин, всегда очень чуткий к тому, что происходило за шторами его академического кабинета, исследовал актуальнейшие для переходной экономики России возможности определения и парирования угроз формирующейся постсоветской экономике и новому социальному устройству российского общества.

Одной из первых работ Л.И. Абалкина по данной тематике стала статья «Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение» [1], вышедшая в журнале «Вопросы экономики» в декабре 1994 г., что практически совпадает с началом научной разработки этой темы

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

в Институте экономики РАН. В данной статье академик Абалкин определил экономическую безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [1, с. 12].

А уже в 1999 г. в выпущенной в издательстве «Экономика» под научной редакцией акад. Абалкина «Экономической энциклопедии» [2] и в монографии Л.И. Абалкина «Россия: поиск самоопределения. Очерки» (М.: Наука, 2002 г.) [3] были представлены концептуально сформировавшиеся серьезные теоретические обоснования подходов к развитию данной проблемы. В частности, в первом разделе своей монографии, в очерке «Экономическая и социальная безопасность. Угрозы и их отражение (концептуальные подходы, долг и функция государства, современные угрозы)», академик Абалкин писал, что «экономическая безопасность органически включена в систему государственной безопасности вместе с такими ее слагаемыми, как обеспечение надежной обороноспособности страны, поддержание социального мира в обществе, защита от экономических бедствий» [3, с. 85]. Он подчеркивал: «Здесь все взаимосвязано: не может быть военной безопасности при слабой и неэффективной экономике, как не может быть ни военной безопасности, ни эффективной экономики в обществе, раздираемом социальными конфликтами» [3, с. 85].

Чрезвычайно важно то, что Леонид Иванович рассматривал обеспечение экономической безопасности как неотъемлемую обязанность и функцию российского государства. Еще на рубеже XX и XXI вв. им был поставлен *вопрос о необходимости и возможности включения стратегии национальной безопасности в концепцию государственного управления и планирования*. Л.И. Абалкин подчеркивал, что задачей государства является четкое определение современных для каждого этапа развития внешних и внутренних угроз национальной экономике. При этом базовая деятельность государства в этой области определяется им как «...разработка стратегии экономической безопасности, придание ей нормативного характера в процессе принятия политических и хозяйственных решений, включение в механизм управления общественными процессами индикаторов, сигнализирующих о появлении угроз, эффективные меры по их отражению – таковы главные направления деятельности государства как гаранта экономической и социальной безопасности страны» [3, с. 94].

В целом значение работ Л.И. Абалкина в формировании теоретических взглядов на проблемы национальной экономической безопасности следует характеризовать как первый и крайне важный этап теоретических исследований в этой области отечественной науки. При этом необходимо отметить, что с самого начала своих исследований по данной тема-

тике Леонид Иванович уделял особое внимание и социальной составляющей экономической безопасности, также как и В.К. Сенчагов, но несколько позже.

Сегодня при исследовании различных внешних и внутренних негативных воздействий на национальную экономику, системных рисков для развития национальных и региональных социумов, коррупционных аспектов воздействия на отечественный бизнес и проявление недобросовестной конкуренции категория «экономическая безопасность» уже традиционно используется и признана научным сообществом. Она вошла в вузовские учебники, в правительственные документы и законодательные акты. Экономическая безопасность сегодня – это и область знаний, и неизменная составляющая экономики. *Наиболее обобщенно ее характеризуют как процесс устойчивого развития экономики, формирующий неоспоримую способность страны сопротивляться внешним и внутренним негативным воздействиям.*

Однако рассматривая категорию «экономическая безопасность», и Л.И. Абалкин, и В.К. Сенчагов писали о ее внутренней структуре, включающей в качестве важнейших составляющих:

- *экономическую независимость*, которая в условиях международного разделения труда не носит абсолютного характера, но означает сохранение неизменной возможности контроля государства за национальными ресурсами [4, с. 90];
- *стабильность и устойчивость* национальной экономики, предполагающую защиту собственности во всех ее формах, создание условий и гарантий для предпринимательской активности [4, с. 93];
- *способность к саморазвитию и прогрессу*, когда инновационное развитие становится необходимым и обязательным условием устойчивости и самосохранения национальной экономики [4, с. 86].

Особое внимание Л.И. Абалкин уделял такому обязательному условию обеспечения экономической безопасности государства, как создание в стране обстановки доверия народа к власти: «...это ключ, который позволит снять противоречия ...экономического и социального роста, сделать его необратимым» [4, с. 108]. Здесь уже сделан шаг к включению в неотъемлемое единство экономической и социальной безопасности также внутренней политической стабильности, выражающейся в высоком доверии подавляющего большинства населения руководству страны, в отсутствии значительных оппозиционных сил, в удовлетворенности большинства населения своей жизнью. В качестве факторов, обеспечивающих доверие народа к власти, здесь позиционируется множество показателей, характеризующих экономическую и социальную составляющую этой категории: приемлемые темпы экономического роста

и уровня доходов населения, последовательное снижение уровня бедности, наличие доступных и качественных услуг медицины, образования, структур социальной поддержки, а также обеспеченность жильем, бытовая комфортность и т.д. Нельзя не согласиться с академиком Абалкиным в том, что потеря внутренней политической стабильности, потеря доверия народа к власти из-за низких экономических и социальных показателей намного более разрушительны для национальной безопасности, чем ставшие привычными западные санкции, внешнеполитические русофобские настроения и иные внешние негативные воздействия.

Исходя из этих позиций, логично прийти к следующему выводу: поскольку экономическая безопасность государства и его территорий представляется как единство безопасности общества, региональных социумов, человеческой личности, а также государственных и общественных институтов, постольку правомерно говорить о социальных аспектах экономической безопасности и о правомерности исследований явления «*социально-экономическая безопасность*». Данное понятие, в расширительной трактовке концепции экономической безопасности, более точно отражает не только взаимозависимость, но и равнозначность защиты и позиций национального предпринимательства, и национальной экономики в целом, так и национального социума [5, с. 8].

Главным условием и отправной точкой обеспечения реализации всех базовых направлений экономической безопасности остается ее финансовая составляющая. Также как и при реализации плана Рузвельта в начале 1930-х годов в США, где впервые возникло понятие «национальная экономическая безопасность», также как и в условиях холодной войны 1960–1970-х годов XX в., когда решался вопрос национальной безопасности СССР, так и сейчас в основе обеспечения экономической безопасности РФ лежит формирование необходимой финансовой базы, т. е. необходимых объемов финансирования, способных:

- обеспечить формирование инвестиционной структуры отечественной экономики в соответствии со стандартами современного этапа НТР;
- предоставить средства на трансформацию социальной структуры российского общества – на резкое сокращение уровня бедности, улучшение жилищных условий, повышение качества всех ступеней образовательной системы и системы здравоохранения, на стимулирование населения к капитализации доходов и развитие предпринимательской деятельности.

Весь опыт истекших лет, анализ фундаментальных проблем под-сказывают, что экономическая безопасность, включающая в себя

и необходимые социальные аспекты, не растворяется в национальной безопасности и даже не локализуется достаточно формально в принятой Стратегии обеспечения экономической безопасности до 2030 г., но трансформируется в *самостоятельное теоретическое направление научных исследований*. Это потребует системного осмысления и перевода проблемы институтов и механизмов обеспечения комплексной экономической безопасности в сферу стратегического планирования, ее органического встраивания в систему проектно-стратегических институтов социального государства, которым, согласно Конституции, является Российская Федерация.

Многолетние исследования и опыт передовых стран показывают, что обеспечение экономической безопасности в стратегическом развитии страны – это многогранная комплексная проблема, которая предполагает:

- активные управленческие действия со стороны органов государственной власти с целью устойчивого социально-экономического развития России, общества, индивидуальности/личности;
- доминирование профилактических и предупредительных мероприятий в обеспечении экономической безопасности;
- постоянное совершенствование методов борьбы с противоправной экономической деятельностью.

Обеспечение социально-экономической безопасности, рассматриваемое в стратегическом контексте, возможно лишь при условии сочетания комплекса мер, который включает в себя широкий спектр направлений взаимосвязанного развития экономики и социума как во внутренней, так и в международной сферах.

Следует также подчеркнуть, что в настоящее время сложилось четкое категориальное определение экономической безопасности, которое в работах исследователей Института экономики РАН трактуется существенно шире и объемней, чем только как процесс стабильного и устойчивого развития экономики. Базовым ее условием является также включение социального фактора, поэтому *мы вправе говорить о явлении национальной социально-экономической безопасности*.

Социально-экономическая безопасность – это область научного знания, в рамках которой изучается совокупность факторов и условий развития национальной экономики, способных обеспечить конкурентоспособный экономический рост, эффективное удовлетворение общественных потребностей национального социума, высокое качество управления, защиту экономических и социальных интересов на международном, государственном и личном уровнях. Социально-экономическая безопасность является составной частью безопасности национальной, формирует ее экономический фундамент и гарантирует социально-политическую стабильность в обществе.

Реализации теоретических разработок стратегии национальной экономической безопасности в управленческой практике

Важным стимулом развития теоретических исследований проблем экономической безопасности стало поручение Институту экономики РАН от Совета Безопасности РФ и от Министерства экономического развития РФ выполнить некоторые работы для этих ведомств, касающиеся проблем экономической безопасности. Это происходило во второй половине 1990-х годов прошлого века. Л.И. Абалкин, бывший тогда директором Института экономики РАН, поручил выполнение этой работы Центру финансово-банковских исследований, возглавляемому В.К. Сенчаговым.

Интересна предыстория появления этой темы в плане научных исследований Института экономики РАН. В 1995 г. Совет Безопасности РФ провел всероссийскую конференцию по проблемам экономической безопасности. К участию в этом форуме были приглашены губернаторы, мэры крупных городов и ученые, в том числе от Института экономики РАН были приглашены Л.И. Абалкин и В.К. Сенчагов. Профессор Сенчагов дал серьезное теоретическое обоснование рассматриваемой проблемы, а его доклад был отмечен как верно характеризующий ситуацию с формированием экономических рисков в стране. В итоге Советом Безопасности Российской Федерации и Минэкономразвития РФ были сформированы заказы фундаментальной науке по разработке данной тематики, и Институт экономики РАН в числе первых получил эти заказы.

Таким образом, теоретические исследования проблем экономической безопасности вышли из чисто научных рамок на уровень подготовки государственных программных документов. В.К.Сенчагов стал членом Научного совета Совета Безопасности РФ. А тема «Экономическая безопасность» стараниями В.К. Сенчагова и при поддержке Л.И. Абалкина была возведена ВАК РФ в ранг тем для защиты кандидатских и докторских диссертаций и заняла прочное место в ряду отечественных теоретических исследований в экономической науке.

Важным направлением работы Института экономики РАН также стала ежегодная аналитическая оценка Прогноза социально-экономического развития страны и проекта федерального бюджета Российской Федерации. Теперь эта оценка стала даваться с учетом защиты от угроз экономической безопасности. В результате был сделан важный теоретический вывод о том, что именно характер федерального бюджета в определяющей мере влияет на изменения уровня экономической безопасности. Следует отметить, что эта, совершенно новая для переходной экономики теоретическая позиция обоснования

тесной взаимосвязи характера федерального бюджета и состояния национальной экономической безопасности стала важным направлением в теоретических исследованиях различных аспектов данной проблемы. И сегодня экспертная оценка проекта федерального бюджета ежегодно проводится Институтом экономики РАН во многом именно с этих позиций.

Существенным вкладом теоретических исследований Института экономики РАН в управленческую практику стала также разработка и принятие в 1996 г. Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основные положения)² – первого государственного документа, посвященного проблемам национальной экономической безопасности. Эта стратегия разрабатывалась в аппарате Совбеза, при активном участии В.К. Сенчагова и других сотрудников Института экономики РАН, особенно в части некоторых теоретических положений. Крайне важным было положение этой стратегии о том, что без обеспечения экономической безопасности практически невозможно решить ни одну из задач, стоящих перед страной, как во внутригосударственном, так и в международном планах.

Необходимо также отметить, что в базовом разделе этой стратегии была дана характеристика следующих угроз экономической безопасности: увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности; деформирование структуры российской экономики; возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов; криминализация общества; применение методов недобросовестной конкуренции. Как видим, эти угрозы актуальны и сейчас.

В государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации были также впервые сформулированы критерии и параметры состояния экономики, отвечающие требованиям эффективного развития экономики страны. Этими критериями в соответствии с позицией Л.И. Абалкина и В.К. Сенчагова являются: способность экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства; приемлемый уровень жизни населения; устойчивость финансовой системы; рациональная структура внешней торговли; поддержание научного потенциала страны; сохранение единого экономического пространства, создание условий, исключающих криминализацию общества, обеспечение необходимого государственного регулирования экономических процессов [3;4]. Таким образом, в стра-

² Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725 (дата обращения: 04.12.2019).

тегии были заложены базовые теоретические определения критериев, определяющих безопасное состояние национальной российской экономики, необходимое для ее развития, которые, к сожалению, так и не достигнуты до сегодняшнего дня.

Логичным дополнением данного обоснования стало формирование в Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации системы индикаторов и механизмов экономической политики, направленной на обеспечение экономической безопасности. Здесь особое значение приобрело требование мониторинга факторов, определяющих угрозы экономической безопасности, а также разработка нормативных и пороговых (предельных) значений экономической безопасности по ее основным критериям.

Также в этот период были осуществлены весьма полезные преобразования в системе государственного управления: например, поручение Минэкономики в ежегодном прогнозе социально-экономического развития разрабатывать раздел о динамике уровня экономической безопасности. И в течение ряда лет эти условия соблюдались. Было также принято решение о создании в ряде министерств и ведомств административных подразделений, специально занимающихся проблемами экономической безопасности. В Минэкономики и в некоторых других ведомствах это было сделано.

Следует отметить, что реализация Указа Президента России №608 от 29 апреля 1996 г. о Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации была рассчитана на 3–5 лет действия, как указывалось в самой стратегии. В итоге деятельность административных подразделений, специально занимающихся проблемами экономической безопасности в ряде министерств, была охарактеризована как экономически успешная и в ситуации снятия остроты проблемы экономической безопасности в 2008 г. завершена.

Следующий же вариант Стратегии экономической безопасности был разработан и принят только в 2017 г. [5] и оказался недостаточно эффективным. Сегодня уже и во властных структурах, и в экономической науке и публицистике на повестке дня остро стоит вопрос о корректировке действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в условиях сложнейших экономической, социальной и политической ситуаций в стране.

Развернулась широкая дискуссия о направлениях корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на основе определения современных национальных приоритетов экономического и социального развития. При этом параллельно широко обсуждается вопрос о необходимости включения уже скорректированной Стратегии национальной безопасности в концепцию государственного стратегического планирования, формируемую сегодня на наших глазах.

О необходимости определения новых приоритетов национальной экономической и социальной безопасности

Сегодня направления научных исследований Института экономики РАН в области экономической безопасности существенно расширились. Они охватывают наиболее острые проблемы обеспечения экономической и социальной безопасности России в современном мире: исследуются вновь возникшие внешние факторы, негативно влияющие на экономическую безопасность России; усиление санкционного давления, в том числе в высокотехнологичных секторах; сохраняющаяся зависимость экономики страны от методов формирования цен на энергоносители. Очевидно, что в современном мире обострились и дифференцировались кризисные явления, стала более жесткой борьба за интеллектуальные ресурсы.

В этих условиях Россия позиционируется как глобальный игрок, а ее экономическая и социальная безопасность рассматриваются через призму формирования новых межгосударственных коалиций. Вопросы экономической и социальной безопасности приобретают сегодня все большую актуальность. Это обусловлено сложившимися тенденциями в политическом, экономическом и социальном развитии, которые формируются под воздействием разнонаправленных трендов в развитии мирохозяйственных связей, новыми демографическими, технологическими, экологическими и другими вызовами.

Новыми гранями оборачивается процесс международной экономической глобализации, который формирует целый комплекс экономических, социальных, демографических, экологических рисков. Постоянно усложняется геополитическая и геоэкономическая обстановка. Широким фронтом разворачиваются санкционные войны. Растет давление на Россию со стороны США, Великобритании и поддерживающих их государств. Чтобы выжить в этом турбулентном мире и занять достойное место в мировой экономической системе, Россия должна, наконец, преодолеть экономический застой и перейти к динамичному росту с темпами, опережающими мировые. В то время как наше правительство постоянно борется за поддержание экономической и, прежде всего, финансовой стабильности, все больше людей осознает, что реформирование ключевых сфер жизни в стране важнее, чем минимизация уровня инфляции и неизменяемость налоговых ставок [5, с. 195–196].

Традиционные и вновь возникшие направления парирования угроз национальной безопасности, исследуемые в работах сотрудников института, позволяют оценить риски и конкретизировать проблемы обеспечения социально-экономической безопасности России-

ской Федерации, наметить подходы к устранению сформировавшихся внешних и внутренних рисков с использованием планового, бюджетного, ценового и административного регулирования.

Рамки научных исследований ученых Института экономики РАН за последние несколько лет существенно расширились и сегодня включают самый широкий спектр направлений [4; 7; 8; 9; 10; 11], в том числе:

- проблемы институциональных основ формирования и обеспечения национальной безопасности в контексте глобальных вызовов современному российскому обществу, включая политические, демографические, миграционные и пр. вопросы;
- пространственные проблемы развития российской экономики, необходимость учета социально-экономических особенностей развития регионов с целью определения факторов и условий их экономической и социальной безопасности;
- императивы повышения национальной продовольственной безопасности России в совокупности с обеспечением устойчивого развития в условиях ухудшения экологической ситуации;
- организационно-правовые условия реализации требований экономической безопасности в системе государственного стратегирования и планирования и еще целый комплекс проблем.

Очевидно, что базовые проблемы экономической безопасности нашей страны оказывают и в будущем, несомненно, будут оказывать решающее влияние на определение внутренней, включая региональную, и внешней политики России, на развитие методов государственного управления и совершенствование его социальных аспектов.

Как видим, *при относительно небольшом для отечественной экономической науки периоде развития теоретических исследований в области оценки и регулирования процессов национальной экономической безопасности были достигнуты значительные успехи.* Опыт практической реализации теоретических разработок за последние годы также был существенно расширен³. Буквально за несколько последних лет в стране

³ Аналитические и экспертные материалы, подготовленные по запросу федеральных органов законодательной и исполнительной власти в 2017–2019 гг.: Информационно-аналитические материалы ИЭ РАН «О научно обоснованных подходах к формированию национальной системы управления рисками экономической безопасности» по распоряжению ООНРАН для подготовки ежегодного доклада Президенту РФ по проблемам национальной экономической безопасности от 18.10.2017 №14000 – 2113 325; Научно-аналитическая записка по проблемам состояния экономической безопасности в рамках реализации национального стратегического приоритета «Экономический рост» по запросу ФАНО России от 9.02.2018 г. №007 36 07/13 о подготовке предложений к ежегодному докладу Правительства РФ Президенту РФ о состоянии экономической безопасности; Замечания и предложения ФГБУН Институт экономики Российской академии наук по проекту Федеральной концепции системы управления

были приняты новые важные для развития методов реализации национальной экономической безопасности документы: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁵.

Сегодня перед Институтом экономики РАН очередной раз стоит задача сохранить, нарастить, систематизировать, а главное – предложить обоснованные подходы к реализации результатов теоретических исследований в области национальной социально-экономической безопасности в ее новой, расширительной трактовке.

В таких условиях на первый план со всей очевидностью выходит необходимость выстраивания парадигмы стратегического управления, основанной на системе среднесрочных планов и на выборе приоритетов социально-экономической безопасности, а также инструментов и механизмов их реализации.

В первую очередь это Стратегия социально-экономического развития РФ, которая в значительной мере является определяющей для других документов стратегического планирования. В соответствии с 172-ФЗ Стратегия социально-экономического развития РФ и Стратегия национальной безопасности РФ должны быть согласованы и взаимосвязаны, так как концептуальные положения в сфере обеспечения

рисками (ФСУР) в области экономической безопасности, разработанные по заданию ФАНО России от 01.03.2018 № 007-33-07/17 для Департамента стратегического развития и инноваций Министерства экономического развития РФ; Предложения Института экономики РАН, подготовленные в соответствии с планом работы Секции по проблемам стратегического планирования научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации (Пр-247 от 20.02.2019 г.), по теме «О методических рекомендациях по реализации стратегических национальных приоритетов в сфере обеспечения национальной (экономической) безопасности в документах стратегического планирования»; Аналитическая записка «О научных подходах к определению стратегических национальных приоритетов при корректировке Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подготовленная по заданию ООН РАН №14000-2113/251 от 28.08.2019; Предложения Института экономики РАН по теме «Прогноз рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности РФ на 2021-2026 гг. с учетом факторов, негативно влияющих на национальную безопасность в области науки, технологий и образования». Подготовлены в соответствии с запросом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за №МН – 81/23. ДСП от 30.10.2019 г. и пр.

⁴ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/.

национальной безопасности «основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости стратегии национальной безопасности Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации»⁶ (ч. 5 ст. 18 172-ФЗ) [3].

В этой ситуации задачей российской академической науки становится разработка новых научных подходов к определению стратегических национальных приоритетов, необходимых в условиях концептуальной корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. А поскольку уровень экономической безопасности крайне подвижен во времени, характер и перечень вызовов и угроз меняются часто, объективно необходимо ставить вопрос о разработке и законодательном закреплении механизма последовательной корректировки стратегических национальных приоритетов РФ. Это станет логичным продолжением предложений проф. В.К. Сенчагова [10] относительно обязательного присутствия в каждой государственной программе специального раздела о воздействии данной программы на реализацию требований национальной экономической безопасности с указанием:

- какие риски ожидаемы в период реализации программы и как они могут быть компенсированы;
- какие именно требования стратегий безопасности реализуются в данной программе;
- какие показатели предельных величин установлены по этим требованиям, и в какой мере реализация соответствующей программы обеспечивает достижение зафиксированных значений или приближение к ним.

* * *

Необходимо помнить, что характер и перечень вызовов и угроз национальной экономической безопасности объективно меняется в соответствии с изменением экономической и социальной ситуации как извне, так и внутри страны.

Более того, в условиях пандемии 2020 года мы наблюдаем абсолютно новое явление: очевидный приоритет социальных интересов общества в ликвидации угроз жизни и здоровья населения по отношению к сохранению экономической устойчивости и обеспечению экономического роста. В условиях эпидемиологического кризиса на наших глазах происходит активный процесс перераспределения максимально возможного объема производственных ресурсов с экономических на социальные цели. Впервые практически всеми странами соци-

⁶ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

альный фактор воспринимается не как некое дополнение к обеспечению национальной экономической безопасности, а ее неотъемлемая приоритетная составляющая. Более того, мировыми политическими лидерами, представителями общественности, предпринимательским сообществом со всей очевидностью осознается и повсеместно обсуждается противоречие социальных и экономических интересов в рамках явления «национальная экономическая безопасность» и ведутся активные поиски возможностей для снятия этих противоречий.

Для экономической науки это означает необходимость скорейшего развития теоретических позиций национальной экономической безопасности в соответствии с изменившейся экономической действительностью. Уже сейчас очевидно, что необходима:

- разработка адекватной новому состоянию национальной экономической безопасности системы оценочных показателей, индикаторов и регуляторов;
- которые смогут быть положены в основу модернизированной концепции национальной экономической безопасности с учетом новых внешнеэкономических и внутренних социально-политических условий, вызовов и угроз функционированию национального хозяйства;
- необходимо также и проведение новой серии эффективных управленческих реформ на федеральном, субфедеральном и местном уровнях. При этом уже очевидно, что эти реформы должны быть направлены на выстраивание взаимосвязанной системы стратегического и среднесрочного планирования, включая институты быстрого реагирования мобилизационного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–16.
2. Экономическая энциклопедия / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1999.
3. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука, 2002.
4. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: АНК ИЛ, 2013.
5. Караваева И.В., Лев М.Ю. Развитие стратегии экономической безопасности (итоги проведения ежегодной международной научно-практической конференции «Сенчаговские чтения») // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 194–204.
6. Караваева И.В., Иванов Е.А. Стимулирование совокупного спроса как инструмент преодоления угроз социально-экономической безопасности России // Страховое дело. 2017. № 5. С. 3–12.
7. Абалкин Л.И. Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010.

8. Сенчагов В.К. Как обеспечить экономическую безопасность России // Российская Федерация сегодня. 2007. № 6.
9. Сенчагов В.К. Обеспечение финансовой безопасности в условиях глобализации // Вестник РАЕН. 2011. №3.
10. Городецкий А. Экономическая безопасность России: новая стратегия в новых реалиях // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 1. С. 8–23.
11. Бухвальд Е.М., С.П. Сазонов, Г.В. Федотова и др. Императивы повышения национальной безопасности России в контексте современных глобальных вызовов. Волгоград, 2018.
12. Караваева И.В., Иванов Е.А. Стабильность или развитие: что сегодня может обеспечить экономическую безопасность России? // Федерализм. № 1. 2019. С. 118–134. elibrary.ru/item.asp?id=37265406.
13. Караваева И.В., Коломиец А.Г., Лев М.Ю., Колпакова И.А. Финансовые риски социально-экономической безопасности, формируемые системой государственного управления в современной России // ЭТАП. Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 2. С. 45–65. etap.instet.ru/images/etap/Summary_rus_ETAP_2_2019.pdf.
14. Экономическая безопасность. Финансы. Банки. М.: Финстатинформ, 1996.
15. Экономическая безопасность. Производство. Финансы. Банки. М.: Финстатинформ, 1998.
16. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002.
17. Экономическая безопасность России. Общий курс / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005.
18. Экономическая безопасность России. Общий курс / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009.
19. Стратегия экономической безопасности при разработке индикативных планов социально-экономического развития на долго- и среднесрочную перспективу / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 2009.
20. Глобальный финансовый кризис: безопасность финансовой сферы России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: ИЭ РАН, 2010.

ABOUT THE AUTHOR

KARAVAEVA Irina Vladimirovna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Head of the Economic Security Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
ikaravaeva30@yandex.ru

NATIONAL ECONOMIC SECURITY IN THEORETICAL STUDIES OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS)

The article discusses the main directions of development of theoretical studies of economic security problems at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS). It is shown how, in a relatively short period of theoretical research in this area – less than a quarter of a century – in the domestic economic science, the authors developed con-

ceptual approaches to substantiating and characterizing the category of "economic security" in the works of scientists of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE of the RAS) – L.I. Abalkin, V.K. Senchagov et al. The process of implementing theoretical developments of the national economic security strategy in the practice of public administration and ensuring the protection of economic interests and social stability of Russian society is presented. Attention is focused on updating research in the field of socio-economic security in modern economic science. Theoretical approaches to determining new priorities in the strategy of national economic and socio-economic security, as well as the role of academic science in their development are outlined.

Key words: *economic security, socio-economic security, economic development strategy, risks of economic and social development.*

JEL: H110, H560, A130.

Ю.Г. ПАВЛЕНКО

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

В статье дан ретроспективный анализ экономических проблем научно-технического прогресса и инновационной экономики, представленных в трудах ученых Института экономики начиная с 70-х годов прошлого века и до настоящего времени. Акцентируется важность накопления нематериальной части национального богатства, взаимосвязи его материальной и духовной составляющих. Представлена методология планирования НИОКР, включающая механизмы распределение затрат и классификацию методов планирования, сохраняющая свою актуальность и сегодня. Анализируется научно-технический потенциал страны, а также вопросы управления знаниями в контексте их экономической оценки. Рассмотрены проблемы формирования национальной инновационной системы, государственной активности и нового качества управления в инновационном развитии.

Ключевые слова: экономика, научно-технический прогресс, научно-технический потенциал, инновационная система, научные разработки, экономика знаний.

JEL: O10, O32, O33, O38, P31.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10014

Юбилей Института экономики РАН, которому в текущем 2020 году исполняется 90 лет, – хороший повод оглянуться назад и обратиться к исследованиям и публикациям сотрудников Института, посвященным разработке актуальных проблем отечественной экономики. В науке, как и в других сферах человеческой деятельности, важен принцип преемственности, но не только он. Для науки большое значение имеют так называемые заделы, содержащие идеи, ждущие своей реализации и развития. Особенно полезна инвентаризация прошлых наработок в кризисные периоды развития общества, в условиях глубоких системных трансформаций.

Экономика НТП в период «развитого социализма»

Нынешний юбилей Института – не первая круглая дата в его истории. В прошлом, в рамках подготовки к очередным юбилеям, проходили научные мероприятия, встречи ученых института, их выступления с докладами на «круглых столах», организованных в рамках научных направлений. Одно из главных научных направлений было связано с проблематикой научно-технического прогресса и, начиная со второй половины 60-х годов прошлого века, находилось в центре внимания ученых Института, впрочем, как и ученых других стран. Именно тогда в ИЭ АН СССР был создан сектор под руководством доктора экономических наук М.А. Виленского, а затем и Отдел экономических проблем научно-технического прогресса, руководимый впоследствии членом-корреспондентом АН СССР Л.М. Гатовским. В задачи Отдела входило комплексное исследование экономических проблем научно-технического прогресса. В Отделе работал целый ряд крупных российских ученых: О.И. Волков, С.И. Голосовский, Ю.А. Зыков, К.И. Клименко, Н.К. Кульбовская, Г.А. Лахтин, Д.С. Львов, В.И. Павлюченко, Д.М. Палтерович, С.В. Пирогов, И.В. Рахлин, Г.С. Салибеков, К.И. Таксир, В.Г. Фельзенбаум, С.А. Хейнман. Отдел экономических проблем научно-технического прогресса ИЭ АН СССР играл важную организационную и координирующую роль в рамках соответствующего научного направления в Академии наук СССР и за ее пределами. Одним из ведущих ученых-теоретиков, занимавшихся исследованием экономических проблем НТП, был Л.М. Гатовский, член Государственного комитета СССР по науке и технике, председатель научного совета по экономике научно-технического прогресса, директор Института экономики АН СССР с 1965 по 1971 гг. Его перу принадлежат фундаментальные монографии по данной тематике. В 1979 г. издана коллективная монография ведущих ученых Отдела, подготовленная под редакцией Л.М. Гатовского и с его участием в качестве автора.

В первой монографии Льва Марковича, вышедшей в 1971 г., рассматриваются фундаментальные проблемы, которые, на наш взгляд, не перестают быть актуальными и сегодня, в условиях иной экономической и институциональной реальности. Речь идет о трактовке науки, техники, производства как единого комплекса, о науке как непосредственной производительной силе, об экономической эффективности новой техники, наконец, о стимулировании научно-технического прогресса и его взаимосвязи с экономической эффективностью, прибыльностью предприятий, фирм (в прежней терминологии – хозяйственного расчета предприятий) [1]. Следующая монография Л.М. Гатовского «Очерки политической экономии»

посвящена теоретическому, политико-экономическому осмыслению феномена научно-технического прогресса. Автор исследует экономическую природу научно-технического прогресса, единство элементов научно-технического прогресса в рамках системы «наука-техника-производство-потребление». В монографии также затрагиваются вопросы, касающиеся критериев экономической эффективности новой техники, принципов построения единой экономической системы проектирования, планирования, учета и стимулирования создания новой техники [2], разработка которых необходима для принятия управленческих решений и в наше время.

В коллективной монографии «Эффективность научно-технического прогресса», вышедшей в 1978 г. под редакцией Л.М. Гатовского, рассматриваются основные направления совершенствования управления НТП. В первой главе монографии, посвященной методологическим вопросам комплексного управления научно-техническим прогрессом, Л.М. Гатовский отмечает, что «необходимо завершить создание единой системы трудоустройства и информации о потребности в рабочей силе, обеспечивая за счет государства переквалификацию кадров. При этом должны широко применяться принципы материальной заинтересованности работников, высвобождаемых на одних участках и направляемых на другие, где в них ощущается потребность. Такая организация рационального использования рабочей силы послужит стимулом для ускорения технического прогресса, поскольку новая техника прежде всего ведет к экономии рабочей силы, что будет играть важную роль в условиях приближающейся демографической ситуации, связанной с напряженностью баланса трудовых ресурсов» [3, с. 48]. Как представляется, организация рационального использования рабочей силы в условиях непростой демографической ситуации и сегодня, как и 40 лет тому назад, требует серьезной научной проработки, а содержащиеся в публикациях предложения не потеряли своей актуальности.

Одним из ведущих ученых Института, длительно и успешно работавшим над экономическими проблемами научно-технического прогресса, являлся С.А. Хейнман, возглавлявший Сектор исследований материально-технической базы научно-технического прогресса. С.А. Хейнман был выдающимся ученым с непростой личной и научной судьбой. В 1939 г. он пришел на работу в Институт экономики АН СССР, где защитил кандидатскую диссертацию на тему «Методологические проблемы жизненного уровня». Однако в октябре 1941 г. он был репрессирован по сфальсифицированному обвинению. Среди статей, по которым ученому был вынесен приговор (8 лет исправительно-трудовых лагерей), – статья за вредительство (бюджетные обследования, которыми руководил С.А. Хейнман в ЦСУ СССР, пока-

зывали снижение уровня жизни населения) и за антисоветскую агитацию (в публикации в газете «Правда» он упомянул об отставании СССР от США и Канады по производительности труда в промышленности) [4, с. 5]. К сожалению, отмеченное С.А. Хейнманом 80 лет назад отставание в уровне жизни и производительности труда не преодолено и сегодня и остается актуальной проблемой. При этом акцентирование внимания на данной проблеме и радикальные предложения по ее решению, исходящие из научных кругов, и сегодня не всегда с пониманием и поддержкой воспринимаются в руководящих инстанциях. Что касается С.А. Хейнмана, то в 1954 г. он был полностью реабилитирован и вернулся в науку.

В этот период в центре внимания ученого и возглавляемого им коллектива сектора находились теоретические исследования различных аспектов научно-технической революции, периодизации и перспектив ее развития; проблемы материально-технической баз, закономерностей ее формирования в условиях НТР. Им был выпущен ряд фундаментальных монографий, в том числе «Научно-техническая революция сегодня и завтра», изданная в 1977 г., посвящена исследованию сущности, этапов и перспектив развития НТР. Она переведена на английский и французский языки [5]. Другая работа (написана в соавторстве) – «Строительство материально-технической базы коммунизма», хотя и отражала идеологические реалии того времени, однако основное внимание акцентировала, разумеется, не на коммунизме. Речь в работе шла о теории и методологии исследования структуры общественного производства и взаимосвязи последней с научно-техническим прогрессом. При этом особо отмечалась специфика современного развития, характеризующаяся наличием прямых и обратных связей между двумя важнейшими составляющими общественного производства: материальным производством и сферой «нематериального» производства. По мнению автора, сфера нематериального производства не только производит услуги, но и распространяет знания и духовные блага. Особо выделялись проблемы накопления нематериальной составляющей национального богатства, его научного, образовательного и культурного потенциалов [6].

Материально-техническая база в работах С.А. Хейнмана предстает как важнейшая составляющая производственного, научно-технического, экономического и, в определенной мере, духовного потенциалов общества [4, с. 214]. Что касается развития науки и научно-технических кадров, то они, по мнению С.А. Хейнмана, являются частью духовного потенциала общества [4, с. 215]. В свою очередь духовный потенциал выражается в духовных и интеллектуальных возможностях людей – главной производительной силы общества, и при этом

он является составной частью экономического потенциала. Духовный потенциал – это прежде всего совокупность знаний, которыми обладает общество, включает он и квалификацию совокупного работника [4, с. 216].

С.А. Хейнман подчеркивал, что исследование роли и влияния НТП на общественное производство и его структуру требует изучения прямых и обратных связей между двумя важнейшими составляющими общественного производства – материальным и «нематериальным» производством, включая сферу науки [4, с. 217]. Таким образом, ученый обратил внимание на тесную взаимосвязь материального и духовного производства, материального производства и, говоря современным языком, отраслей гуманитарной сферы.

В дальнейшем проблемы развития нематериальной сферы и ее взаимосвязей с материально-технической базой экономики находились в центре внимания коллектива ученых сектора под руководством Н.Г. Гловацкой. Представляется, что проводимые в Институте экономики в настоящее время исследования экономических проблем гуманитарной сферы (науки, образования, культуры), обосновывающие принципиальную важность данной сферы для успешного развития экономики, во многом опираются на идеи С.А. Хейнмана, развивают их, тем самым демонстрируя преемственность в развитии отечественной экономической науки.

С 1966 по 1972 гг. в Отделе научно-технического прогресса работал Д.С. Львов, будущий академик РАН (с 1994 г.) и академик-секретарь Отделения экономики РАН (с 1996 г.). В центре внимания его исследований – методологические проблемы экономической оценки качества продукции. В дальнейшем, уже работая в ЦЭМИ РАН, Д.С. Львов выпустил монографию, посвященную управлению техническим развитием [7]. Хотелось бы напомнить, что качество в современной экономике – важнейшее условие ее конкурентоспособности и одновременно результат успешного технического развития.

Важное место в работах сотрудников Отдела экономических проблем НТП отводилось методам стоимостной (экономической) оценки достижений науки и техники. В частности, Ю.А. Зыковым под руководством М.А. Виленского была разработана методика социально-экономической эффективности новой техники, учитывающая наряду с экономическим эффектом социальные и экологические последствия производства и использования новой техники. Был также предложен метод взаимоувязки народно-хозяйственного и хозрасчетного эффектов новой техники на основе установления оптимальных цен на эту технику.

Хронической проблемой плановой советской экономики являлась слабая заинтересованность отечественных предприятий в реализации,

как тогда говорили, «достижений научно-технического прогресса». На то были свои причины. Во-первых, внедрение новой техники сопровождается на начальных его этапах дополнительными затратами. Во-вторых, такое внедрение требует комплексного подхода, совместимости отдельных образцов новой техники со всей технологической цепочкой, чего не всегда удавалось добиться. В-третьих, в условиях тотальной монополизации производства в плановой экономике эффективность не являлась жизненно необходимым условием для выживания предприятий. Все это приводило к парадоксальным ситуациям, когда, например, будучи абсолютным лидером по созданию промышленных роботов в начале их появления, наша страна оказалась далеко в хвосте по мере распространения их производства и применения во многих странах мира.

Конечно, в современных условиях рыночной экономики многие факторы, которые определяли содержание разработок Отдела, существенно изменились. Речь идет о резком сокращении участия государства в инвестиционном процессе, об увеличении числа возможных участников проектов и, соответственно, вариантов положительных эффектов от участия для каждого из них. Появилась и необходимость учета инфляционных процессов. Кроме того, принцип возвратности вложенных средств (в плановой экономике он не соблюдался, хотя и имелся в виду) требует учета рисков и неопределенности, сопровождающих реализацию проекта [8, с. 153].

Вместе с тем некоторые подходы и принципы оценки эффективности новой техники остались актуальными и сегодня, также как и некоторые явления, сопровождавшие развитие плановой экономики, о которой говорилось выше. Речь идет о низких темпах внедрения новой техники и ее обновления, а зачастую также о неэффективном ее использовании и «встраивании» в производственно-технологические цепочки, что и в настоящее время мешает переходу российской экономики на более высокий технологический уровень. В связи с этим весьма актуальным представляется анализ эффективности внедрения новой техники, содержащийся в одной из работ Ю.А. Зыкова, в которой акцент сделан на необходимости комплексного, системного подхода при оценке ее эффективности. По словам Ю.А. Зыкова, производственное использование техники более высокого качества или принципиально новых ее видов часто требует новых видов сырья и материалов, рабочей силы более высокой квалификации, новой организации производства и т. п. Экономия от использования новой техники есть результат применения всех нововведений в целом, и лишь определенная часть экономии приходится на эту технику. Наличие экономии при использовании технологии, элементом которой является новая техника, еще недостаточно для

того, чтобы сделать вывод об эффективности последней, поскольку возможный убыток от внедрения такой техники может быть перекрыт экономией за счет других элементов той же технологии. Определение верхнего предела индивидуальных затрат на изготовление новой техники служит средством для выделения той части общей экономии от использования новой технологии, которая приходится на эту технику, и помогает выяснить, действительно ли ее выпуск эффективен [3, с. 120–121].

Говоря о работе Отдела экономических проблем научно-технического прогресса в период так называемого застоя, нельзя не упомянуть о Секторе экономики науки. Первоначально сектор возглавлял бывший тогда еще кандидатом экономических наук С.В. Пирогов, а затем (до 1983 г.) – д.э.н. Г.А. Лахтин. К сожалению, этот сектор постигла судьба Отдела НТП, который постепенно был расформирован и ликвидирован.

Представление о работе Сектора экономики науки дает коллективная монография, подготовленная под редакцией Г.А. Лахтина [9]. Монография состоит из 3-х разделов, достаточно всесторонне охватывающих проблематику экономики науки. В ней речь идет, во-первых, о взаимосвязи науки и общественного производства, о вопросах планирования науки и научно-технического развития. Во-вторых, рассматриваются вопросы формирования научного потенциала, его кадровой, материально-технической, информационной составляющих. Наконец, отдельное направление исследований, представленное в публикации, – проблемы совершенствования механизмов управления научно-исследовательской деятельностью. Речь идет об оплате труда работников науки, о хозрасчетном (в современной терминологии – о рыночном) финансировании отраслевых организаций науки, об экономической эффективности НИОКР – научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, об инвариантности научно-производственных циклов, их зависимости от классов разработок, критерии для классификации которых были предложены авторами.

Хотелось бы обратить внимание на проблематику планирования науки и научно-технического развития, которую активно и плодотворно разрабатывал в секторе Е.Н. Блюков. Им, в частности, предложена методология планирования НИОКР, включающая механизмы распределение затрат по стадиям научно-технического цикла, которая и сегодня, как нам представляется, имеет важное теоретическое и практическое значение. Е.Н. Блюков исходил из того положения, что современное планирование должно по своему внутреннему, функциональному содержанию стать систематической научно-исследовательской работой. Им были сформулированы основные принципы

такого планирования, обеспечивающие повышение научной обоснованности планов по науке, технике и развитию производства. Один из таких принципов звучит следующим образом: затраты, связанные с усилением методов планирования НИОКР, должны окупаться выигрышами, которые получаются за счет повышения качества плана, и в первую очередь за счет выбора наиболее перспективной тематики [9, 37–38].

Е.Н. Блюковым предложена развернутая классификация методов планирования (представлена в монографии). Классификация построена на основе изучения и реконструкции автором наблюдаемого разнообразия форм, методов, процедур и показателей планирования. В основу классификации положен принцип нарастания неопределенности потенциальных объектов плана НИОКР. Разные по своей функциональной сущности НИОКР требуют разных методов планирования. Непосредственно переходя к тематическому планированию, необходимо нормативно определить пропорции между основными функционально-структурными звеньями науки: поисковыми исследованиями, научно-исследовательскими работами, конструкторскими и технологическими разработками, работами по материально-производственной реализации научно-технических достижений. Решение данной задачи должно служить основой для распределения ресурсов сферы науки между ее функциональными звеньями и предшествовать процессу формирования тематического плана [9, 40–41]. В Институте с помощью его коллег была издана авторская монография Е.Н. Блюкова, знакомящая с его научным наследием [10].

В рамках анализа структуры научно-технического потенциала и пропорций научно-производственного цикла в Секторе экономики науки исследовались вопросы экономического содержания и практического применения показателя отраслевой наукоемкости. Показатель рассчитывался, во-первых, как отношение затрат на НИОКР к объему валовой (товарной) продукции отрасли за год. Второй способ заключался в исчислении соотношений трудовых ресурсов отраслевой науки и производства: отнесение общего числа работников отрасли, учитываемых в составе категории «наука и научное обслуживание», и численности промышленно-производственного персонала. Практическое значение показателя – в его использовании при сравнительных оценках уровня научно-технического развития объектов различного уровня агрегирования, а также в качестве норматива затрат на НИОКР в перспективном планировании развития ресурсов науки и техники. Учитывая отставание современной России в области научно-технического развития, практическое значение данного показателя не только сохраняется, но и возрастает. Данный показа-

тель заслуживает внимания как индикатор, способствующий мобилизации научно-технического потенциала на достижение целей развития российской экономики [11].

Говоря об оценке теоретического наследия, созданного учеными Отдела НТП Института экономики РАН в доперестроечный период, отметим, что ряд их положений и разработок не потеряли актуальности и сегодня. Так, заслуживают внимания теоретические и практические аспекты опыта планирования и прогнозирования НТП. Исследование проблем управления НТП в советский период в Институте проводилось в контексте функционирования плановой экономики, где НТП выступал как объект централизованного государственного планирования и прогнозирования, а ускорение НТП рассматривалось как решающее условие повышения эффективности производства. В плановой экономике государство было главным субъектом финансирования научно-технического и экономического развития на всех уровнях управления. Большое значение для ее решения имело экономическое прогнозирование НТП, которое позволяло в процессе формирования и осуществления планов реализовать наиболее эффективные варианты развития [8, с. 150–151].

Институт экономики принимал активное участие в подготовке Комплексной программы научно-технического прогресса СССР, которая разрабатывалась Академией наук СССР, Госкомитетом по науке и технике СССР, Госстроем СССР на 20 лет (по пятилетиям) и представлялась в Совет Министров СССР и Госплан не позднее, чем за два года до начала очередной пятилетки. Каждые пять лет в Комплексную программу вносились дополнения и уточнения, и она составлялась на новое двадцатилетие. Эта программа являлась предплановым документом, определяющим цели развития науки и техники на длительную перспективу (20 лет), приоритетные научно-технические проблемы, подлежащие разработке в этот период, и ожидаемые социально-экономические последствия от их реализации. Программа служила научной основой для формирования долгосрочных и перспективных планов и целевых комплексных программ.

Известно, что принципиальным условием прибыльности выпуска продукции, в частности в машиностроении, как в плановой, так в рыночной экономике, является ее новизна и качество. Продукция советского машиностроения далеко не всегда выдерживала конкуренцию на мировом рынке. Ученые ИЭ РАН СССР – Д.С. Львов, Ю.А. Зыков, С.А. Хейнман и др. – в своих работах, предлагали экономические механизмы, которые, по их мнению, способствовали бы повышению технического уровня и, соответственно, конкурентоспособности отечественной продукции. Такие предложения, в частности, сводились к тому, что новизна и социальные компоненты техники должны опе-

режать на первых стадиях ее производства динамику экономических показателей. Предполагалось, что в дальнейшем, при массовом выпуске продукции, такое опережение должно окупиться. В связи с этим были предложены коэффициенты опережения новизны экономических показателей на разных стадиях производства (создание опытных образцов, мелкосерийный выпуск, серийный выпуск, массовое производство). На последней стадии (массовое производство) экономическая отдача, т. е. разница между ценой реализации и затратами, становится положительной и постепенно нарастает, так что общий период выпуска, начиная с опытного образца, должен сопровождаться резко положительным экономическим итогом. Описываемая проблема актуальна и в настоящее время, когда перспектива получения краткосрочной прибыли заставляет предпринимателей отказываться от технически совершенных проектов и копировать либо устаревшую зарубежную технику, на которую уже давно получена лицензия, либо производить отечественную продукцию, на которую пока есть спрос, но в скором времени он ослабнет. Распространенной практикой является ситуация, когда предприятия работают в условиях краткосрочных временных горизонтов, без технического задела на будущее. Неудивительно, что данное обстоятельство еще более увеличивает наше техническое отставание от экономически развитых стран [8, с. 100–101].

В условиях наблюдаемого оттока населения из восточных и северных районов страны особую актуальность приобретают вопросы, касающиеся специфики региональной технической политики, которым в своих работах уделяли внимание ученые Института экономики в 70-е годы. Суть их предложений сводилась к тому, что в России, в районах, характеризующихся сложными природными условиями и высокой оплатой труда (Север, Дальний Восток, Сибирь), а также в наиболее трудоемких отраслях (угольная, горнорудная промышленность) необходима ускоренная механизация и автоматизация производства в рамках единой научно-технической политики. Без такой политики государство и регионы теряют большие средства на финансирование повышенного фонда заработной платы. К тому же в условиях нехватки компенсационных средств на заработную плату начинают происходить негативные миграционные процессы [8, с. 101].

Экономика НТП и инновационная экономика в годы радикальных реформ

В 1982 г. Отдел НТП возглавил В.П. Логинов, с 1987 г. ставший заместителем директора Института. По словам В.П. Логинова, в годы радикальных рыночных реформ данное научное направление оказа-

лось несколько в тени проблем, непосредственно связанных с формированием рыночных отношений в российской экономике. Однако впоследствии, в силу объективных обстоятельств, к которым следует отнести нарастающее отставание России от высокоразвитых стран в научно-технической сфере, постепенно возвращается интерес и внимание к проблематике научно-технического прогресса и к проблемам становления инновационной экономики в стране [8, с. 97].

В конце 90-х – в 2000-х годах внимание ученых обновленного Центра инвестиций и инноваций Института было направлено на выработку комплексной стратегии развития экономики России в наступившем XXI столетии. Результаты проведенных исследований отражены в ряде монографий [12; 13; 14; 15; 16]. В публикациях содержится ряд предложений по всестороннему развитию инвестиционной и инновационной активности в стране. Так, в рамках предлагаемой стратегии перехода к инновационной экономике на период с 2016 по 2025 г. среди приоритетных направлений выделяются следующие: во-первых, повышение уровня накопления человеческого капитала в целях компенсации последствий неблагоприятной демографической ситуации, а также «утечки мозгов» из науки и старения научных кадров; во-вторых, создание эффективной финансово-налоговой системы с приоритетным стимулированием научно-инновационной деятельности; в-третьих, решение проблемы восстановления и увеличения основного капитала путем его накопления на основе создания механизма простого и расширенного воспроизводства основных фондов с помощью реализации целенаправленной инвестиционно-амортизационной политики [15, с. 294–295]. К сожалению, отмеченные направления и по сей день сохраняют актуальность.

В работах, вышедших в вышеуказанный период, обосновывается необходимость сохранения и наращивания инновационно-технологического потенциала в тех областях, где страна еще сохранила передовые позиции в мире. Помощь в восстановлении фундаментальной науки могли бы оказать: более разветвленная система грантов, с повышением оплаты по ним; лучшее обеспечение институтов вычислительной техникой; и, наконец, повышение заработной платы ученых. Отраслевая наука, лишившись органов управления (министерств) и источников финансирования и оказавшись в очень тяжелой ситуации также нуждается в целом ряде мер стимулирующего характера [8, с. 106].

Проблематика экономики научно-технического прогресса в современных условиях находит свое развитие и в таких новых направлениях исследований, как экономка знаний и управление знаниями. Крупнейшим специалистом в нашей стране в области управления знаниями являлся Б.З. Мильнер, широко известный в мире ученый в обла-

сти теории организации и управления. С 1987 г. он занимал должность первого заместителя директора Института. Б.З. Мильнер глубоко и всесторонне исследовал управленческие аспекты научно-технического прогресса.

В последние годы своей жизни Б.З. Мильнер особое внимание уделял разработке новой научной дисциплины – управление знаниями. Данный термин был введен в научный оборот в 1986 г. Карлом Виигом (Karl Wiig), американским ученым и консультантом по управлению. Перу Б.З. Мильнера принадлежит первая в России монография по управлению знаниями («Управление знаниями». М.: ИНФРА-М, 2004). Согласно приводимой в работе оценке, экономическая ценность знаний, которыми обладают работники, превосходит остальные ресурсы большинства организаций, а нематериальные активы современных корпораций составляют большую часть их рыночной стоимости. Отсюда актуальность задачи исключительной важности – научиться управлять знаниями. Именно решению этой задачи посвящена книга Бориса Захаровича, в которой рассматриваются роль знаний в современном производстве, методы их накопления и распространения, их структуризация, функция управления знаниями, методы оценки интеллектуальных активов и эффективности их использования, программы применения знаний, феномены обучающихся и интеллектуальных организаций [17, с. XIV].

Говоря о месте и роли науки в экономике знаний, Б.З. Мильнер в другой своей работе «Экономика знаний и новые требования к управлению» отмечает, что в современных условиях наука перестает быть автономно функционирующей отраслью и встраивается в систему производства и диффузии знаний. Она становится частью комплексной системы, способной содействовать производству знаний, а также преобразовывать знания в новые технологии, продукты и услуги, которые находят своих реальных потребителей на национальных или глобальных рынках [18, с. 47].

В Институте продолжают исследования экономических проблем развития науки. Анализируется научно-технический потенциал страны и эффективность его использования. Отмечаются некоторые негативные процессы в данной области. Так, весьма значительный рост расходов на технологические инновации (ТИ) в ряде отраслей не сопровождается заметным увеличением объемов производства в целом по экономике. По мнению Е.Н. Корепанова, это связано с тем, что затраты на ТИ повсюду направлены на поддержание достигнутого уровня производства. Реализуется принцип «всем сестрам по серьгам». Такое распределение, по его мнению, неправомерно уже по той причине, что уровень проводимых исследований и разработок (ИР) по большинству приоритетных направлений в России далек от мирового.

Очевидно, что для ликвидации отставания необходимо прежде всего развернуть фундаментальные и поисковые прикладные исследования. Сегодня 73,6% общего объема фундаментальных исследований выполняется в государственном секторе, 20,0% – в секторе высшего образования и только 6,2% – в предпринимательском секторе. Однако именно в предпринимательский сектор направлена большая часть расходов на ИР по приоритетным направлениям (60,0%), тогда как в государственный сектор только 30,7%. Иными словами, вместо преодоления отставания по приоритетным направлениям происходит его закрепление [19, с. 53–55].

В настоящее время проблематика НТП разрабатывается в рамках исследования закономерностей развития инновационной экономики и промышленной политики в одноименном Центре. Много внимания в качестве организатора и непосредственного исследователя уделяет данной проблематике нынешний директор Института Е.Б. Ленчук. Центральной категорией анализа здесь выступает национальная инновационная система как целостная система, способная генерировать поток инвестиций, содействовать структурной перестройке экономики и изменить технологический облик страны. По мнению ученых Института, инновационная система, к сожалению, в нашей стране до сих пор так и не заработала [20, с. 34].

Одна из причин такого положения состоит в наличии парадоксальной ситуации, когда формирование национальной инновационной системы проходило при полном отрицании промышленной политики. Лишь последние пять-шесть лет государственная промышленная политика перестала быть запретной темой, а в последние три-четыре года стало приходить осознание необходимости ее выработки. В то же время выстраиваемая система научно-технологических и структурных приоритетов, разработка программных документов в сфере научно-технической, инновационной и промышленной политики продолжают сохранять автономность и не взаимосвязаны между собой [21, с. 34]. Как результат происходит деиндустриализация экономики, подавляющая мотивацию перехода на инновационную модель экономического роста. Сокращается спрос на технологические инновации, и как следствие – национальная инновационная система в силу сворачивания промышленного производства лишается важнейшего элемента, формирующего спрос на технологические инновации [20, с. 45].

Кардинальное улучшение ситуации должно опираться на ряд обоснованных положений, например, на то, что без мощной государственной активности в решении задач инновационного развития не обойтись. Это подтверждается и опытом других стран, добившихся успеха и вышедших на траекторию инновационного роста, которые

сделали это благодаря активному участию и поддержке государства [21, с. 35]. Для этого на государственном уровне должны создаваться новые высокотехнологичные секторы экономики и обновляться традиционные. Мировой опыт показывает, что ориентация на развитие только наукоемких секторов экономики не может обеспечить системной устойчивости национальной экономики, особенно в крупных диверсифицированных системах. Подтверждается это и российской практикой нулевых годов, когда узкий круг высокотехнологичных отраслей, поддерживаемых в рамках проводимой экономической политики в тот период, не позволил сформировать критическую массу инвестиционных проектов, которые смогли бы существенно повлиять на динамику экономического роста. Кроме того, устаревающая производственная база традиционных секторов промышленности становится непреодолимой преградой на пути развития высокотехнологичных отраслей. Необходим выбор структурных приоритетов промышленной политики, базирующийся на инвентаризации имеющихся промышленных мощностей, тщательном анализе существующих научно-технологических заделов, прогнозах научно-технологического и социально-экономического развития. Только после того, как будут сформулированы четкие цели, задачи и приоритеты промышленной политики, под них должны создаваться соответствующие инструменты и институциональные механизмы поддержки [21, с. 36–37].

Необходимо также более четко определиться с технологическими приоритетами развития цифровой экономики. Прежде всего они должны быть закреплены за технологическими направлениями, без которых цифровизация невозможна, – это электроника, и в первую очередь микроэлектроника, а также робототехника и искусственный интеллект [22, с. 19].

Следует отметить, что инновационный сценарий развития был закреплен в Стратегии инновационного развития России до 2020 г., разработанной еще в 2011 г. Вместе с тем анализ инновационного развития на национальном и региональном уровнях демонстрирует дисфункции в управлении. Проявляется неэффективность существующего подхода к формированию национальной инновационной системы как суммы региональных инновационных кластеров. Необходимо выстраивание национальной инновационной системы на базе стратегий инновационного развития регионов и экономики в целом [23, с. 92]. При этом важно не только формировать институты развития науки, инновационной деятельности и промышленного развития, обеспечивающие эффективное взаимодействие между государством, бизнесом и научным сообществом, но также продолжать поиск эффективных методов государственного управления в данных сферах. Речь должна идти о новом качестве управления инновационными процессами [21, с. 37].

С нашей точки зрения, анализ не реализованных в прошлом возможностей, в том числе зарубежного опыта реформирования экономики, очень важен для определения тех узловых точек, где в наибольшей степени концентрируются эффективно используемые ресурсы и где вложенные средства могут дать наибольший эффект. Целью этих исследований в конечном счете становится разработка обоснованной и подкрепленной опытом развитых стран стратегии развития, способной придать новое качество российской экономике.

В контексте актуализации трудов ученых-экономистов Института, подготовленных в прошлом, нет, наверное, нужды в пространном обосновании того, что неуправляемость, стихийность не являются обязательными атрибутами рыночной экономики, во всяком случае, если речь идет об успешной и эффективной ее модели. Это означает, что высокопрофессиональные наработки наших ученых, которые исходили из рассмотрения научно-технического прогресса как объекта управления и одновременно как комплексной системы, тесно взаимодействующей с остальными системами и подсистемами хозяйства, а также институтами экономики и общества, должны быть востребованы современной российской наукой и социально-экономической практикой. Более того, наработки прошлого заслуживают творческого осмысления и развития с тем, чтобы служить одной из основ поступательного движения науки и управленческой практики.

И наконец, в последние годы все чаще в литературе встречается утверждение о том, что современные технологии основываются и, можно сказать, эксплуатируют научные достижения фундаментальной (и не только) науки прошлого. Как следствие, речь может идти о замедлении научно-технического прогресса, о недостатке новых прорывных открытий, которые могли бы в будущем стать основой ускоренного развития экономики. Очевидно, в данной ситуации растет значение развития науки, включая фундаментальную, и, соответственно, растет актуальность проблематики эффективного управления научно-техническим прогрессом в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гатовский Л.М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971.
2. Гатовский Л.М. Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма. М.: Наука, 1974.
3. Эффективность научно-технического прогресса / Под ред. Л.М. Гатовского. М.: Наука, 1978.

4. Эффективность национальной экономики: источники роста, потери и резервы. Сборник избранных трудов С.А. Хейнмана / Под ред. акад. Л.И. Абалкина. В 2-х т. М.: ИЭ РАН, 2008. Т.1.
5. Хейнман С.А. Научно-техническая революция сегодня и завтра. М.: Политиздат, 1977.
6. Строительство материально-технической базы коммунизма / Редкол.: Л.М. Гатовский, С.А. Хейнман и др. В 2-х т. М.: Экономика, 1982. Т. 1.
7. Львов Д.С. Эффективное управление техническим развитием. М.: Экономика, 1990.
8. Экономические исследования института: итоги и перспективы М.: ИЭ РАН, 2000.
9. Основы управления наукой. Экономические проблемы. М.: Наука, 1983.
10. Блюков Е.Н. Функциональная организация системы «наука – производство» (концепция интенсивного развития). М.: ИЭ РАН, 1999.
11. Лахтин Г., Павленко Ю. Показатель отраслевой наукоемкости // Вопросы экономики. 1984. № 2. С. 34–42.
12. Экономические реформы в России: итоги и перспективы. М.: ИЭ РАН, 1997.
13. Возрождение экономики России. Путь в XXI век / Отв. ред. В.П. Логинов. М.: Наука, 2000.
14. Россия – 2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999.
15. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. М.: Экзамен, 2004.
16. Развитие инновационно-инвестиционного потенциала России / Отв. ред. Н.А. Новицкий. М.: ИЭ РАН, 2009.
17. Мильнер Б.З. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М, 2003.
18. Мильнер Б.З. Экономика знаний и новые требования к управлению // Управление знаниями в инновационной экономике / Под ред. Б.З. Мильнера М.: Экономика, 2009. С. 34–49.
19. Корепанов Е.Н. Парадоксы в науке и инновациях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 47–53.
20. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / Под ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетея, 2016.
21. Ленчук Е.Б. Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №1. С. 27–39.
22. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9–21.
23. Филатов В. Национальный и региональный аспекты формирования инновационной политики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 92–99.

ABOUT THE AUTHOR

Pavlenko Yuri Grigorievich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science- the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
yupavl83@mail.ru

ECONOMIC PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS IN RESEARCH OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS)

The article gives a retrospective analysis of the economic problems of scientific and technological progress and innovative economics, presented in the writings of scientists of the Institute of Economics from the 70s of the last century to the present day. The importance of the accumulation of the intangible part of national wealth, the interrelationship of its material and spiritual components is emphasized. A research and development planning methodology is presented, including cost allocation mechanisms and a classification of planning methods, which remains relevant today. The scientific and technological potential of the country is analyzed, as well as knowledge management issues in the context of their economic assessment. The problems of the formation of a national innovation system, state activity and a new quality of management in innovative development are considered.

Key words: *economics, scientific and technological progress, scientific and technological potential, innovation system, scientific developments, knowledge economy.*

JEL: O10, O32, O33, O38, P31.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

М.А. ДЕРЯБИНА

кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ И СЕТЕВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ С ПОЗИЦИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ¹

В статье анализируются методологические основы и механизмы организации структурной устойчивости социально-экономических систем. Рассматриваются особенности организации вертикальных и горизонтальных производственно-хозяйственных связей как иерархических и сетевых взаимодействий. Иерархии как способ организации связей и отношений в экономике анализируются с позиций «Всеобщей организационной науки» А. Богданова, позволяющей методологически объяснить исторические истоки современных организационных структур. Показано, что структурная устойчивость системы поддерживается как с помощью консервативной «скелетной» ее части, так и путем организации горизонтальных, «отношенческих» взаимодействий.

Ключевые слова: иерархии, сетевые структуры, формы организации, структурная устойчивость системы, центральное звено иерархии.

JEL: B31, L22, P00, P50.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10015

В последние десятилетия в условиях непрерывного усложнения, роста нелинейности и неопределенности развития социально-экономических процессов соотношение иерархических и сетевых принципов организации экономики и общества неуклонно сдвигается в сторону доминирования сложных сетевых структур [1]. Этот устойчивый современный тренд в мировой экономике никак не противоречит тому, что в той или иной форме горизонтальные,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме «Феномен мезо-уровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

сетевые способы организации всегда, практически на всех этапах развития производственно-хозяйственных и социальных взаимодействий, сосуществовали с вертикальными, иерархическими способами организации [2].

Понимание сущности, природы изменчивости и вектора развития современных форм организации как всеобщих организационных понятий невозможно вне общемировоззренческих представлений об организации как об универсальной эволюционной схеме Бытия, способе ее структурной устойчивости. Так ее понимали и трактовали В. Вернадский и А. Богданов, а в наше время Д. Чернавский, С. Курдюмов, Б. Мильнер. Характерно, что во введении к фундаментальному труду А. Богданова о всеобщей организационной науке концепция автора квалифицируется как «исследование общих законов организации независимо от конкретной природы элементов, составляющих системы» [3, с. 32], и специально отмечается способность устанавливать «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек» [3, с. 78].

Таким образом, казалось бы, ультрасовременный социально-экономический тренд опирается на глубокую предысторию. У всех подходов и теоретических осмыслений организационных процессов, независимо от исторического времени, существует некая методологическая общность – системность. Системно рассматривается как сам конкретный предмет организации, так и способ организационного процесса. Универсальный язык научного анализа, будь то естественные или гуманитарные науки, «обязательно будет включать язык теории динамических систем» [4, с. 88]. При этом базовые модели математического описания универсальной сути явлений должны обязательно удовлетворять требованию «структурной устойчивости» [4, с. 87]. Структура, структурная устойчивость – это уже не одна лишь из общих характеристик системы, но, прежде всего, свойство ее организации. Структуру организации системы можно (и нужно) анализировать с различных методологических позиций, причем каждый методологический аспект отражает некую конкретную иерархию системных свойств. Это может быть иерархия информационных уровней [4], иерархия процессов и методов принятия решений [5], иерархия уровней управления социально-экономической системы (традиционные микро-, макро- и средний уровень управления иерархически организованной экономики) [9], иерархические формы организации и управления в рамках отдельных предприятий и производственно-хозяйственных комплексов. Общим для большинства этих типов иерархий является построение по принципу отношений власть–подчинение.

Иерархические структуры социально-экономических систем

Понимание иерархии как системного свойства системы, в т. ч. и экономической, предполагает наличие неких уравнивающих системных понятий. Так, в синергетике противоположным иерархии системным понятием, как правило, считается самоорганизация. Однако противоположность эта сама по себе включает более глубокую внутреннюю логическую противоречивость. Критически анализируя чисто синергетический подход Г. Хакена к иерархии и самоорганизации [6], В.И. Маевский называет оба понятия «феноменами, находящимися во взаимной внутрисистемной связи», т. е. не исключаяющими, а обуславливающими существование друг друга [7, с. 22–23]. Указанная внутрисистемная связь, помимо отношений власть-подчинение, реализуется и получает свою устойчивость как структура за счет еще одного важнейшего принципа организации – отношений взаимодействия, взаимодополнения, взаимного поддерживания. Поэтому при анализе конкретных организационных характеристик структурной устойчивости системы речь всегда идет о том или ином соотношении как вертикальных и горизонтальных производственно-хозяйственных связей, так и иерархических и сетевых рыночных и управленческих взаимодействий.

Указанные элементы структурной устойчивости систем по мере своего исторического развития обогащались соответствующими качественными свойствами. Так, иерархические отношения власть-подчинение из отношений простого силового принуждения и подчинения обретали легитимный характер за счет утверждения обязательных четко сформулированных правил поведения, принятия решений, способов контроля и ответственности за их соблюдение, придававших рациональный характер процессам организации. Складывалась адекватная институциональная структура, функционально поддерживающая способ организации. Исторически одновременно формировались уравнивавшие иерархию и противостоящие ей горизонтальные связи, организационно структурирующие не властные, а «отношенческие» (по О.Уильямсону) взаимодействия, ставшие прообразом нынешних сетевых структур [8, с. 210–221].

Анализ современных организационных процессов предполагает не только умение уловить «то общее, что скрыто под многообразием специальных оболочек», но и увидеть изначальные основы, базовые категории и алгоритмы действий, исторически возникавшие по мере накопления организационного опыта человечества. А идея единства всеобщих организационных методов является методологическим посылом для такого анализа. Поэтому наука о законах и процессах системной организации в экономике и обществе, границы структур-

ной устойчивости и изменчивости организации – извечно актуальный цивилизационный запрос. Важнейшим исследовательским аспектом на протяжении многих лет, несомненно, остается вопрос о природе и развитии иерархий.

Иерархии как способ организации. В фундаментальном труде А.А. Богданова (Малиновского) «Тектология: Всеобщая организационная наука» содержится именно такой анализ системной организации, основные понятия и методы которого остаются актуальными также и для объяснения современных организационных трендов. Теория Богданова, базирующаяся на идее единства всеобщих организационных методов, во многом предвосхитила идеи кибернетики и синергетики, фактически сформулировала положения системного подхода и теории самоорганизации, а позднее легла в основу концепции устойчивого развития. В «Тектологии» в качестве основополагающего выдвигается принцип динамического равновесия системы, постоянно взаимодействующей с внешней средой (развитый потом в синергетической теории динамических систем) [4] и накапливающей в результате этого взаимодействия потенциал неравновесности и неустойчивости. «Структурная устойчивость», по Богданову, достигается в результате неизбежных организационных перестроек с помощью их адекватных форм. Если рассмотреть существо таких организационных форм, то легко обнаруживаются аналогии с современными организационными трендами. В развитие упоминавшегося повышения и понижения устойчивости системы, т. е. изменения ее общей организованности (или дезорганизованности), Богданов подробно рассматривает организационные механизмы, обеспечивающие структурную устойчивость. Создана большая стройная теория, в которой среди прочего можно увидеть прообразы того, что сегодня квалифицируется как иерархии и сети.

Иерархии с позиций организационной науки рассматриваются в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как способ организации такой структуры связей и отношений, которая обеспечивает единство частей системы для достижения определенных целей, т. е. иерархия создается как форма целенаправленного единства. Во-вторых, иерархия выступает как способ организации, выстраиваемой для оформления отношений власть-подчинение. Единство этих аспектов организационного процесса Богданов называл эгрессией, имея в виду процессы, трактуемые в современной терминологии как создание внутренне единой устойчивой иерархической структуры.

Иерархичность организации не означает гомогенности возникающих структур. Внутренние связи и взаимодействия элементов этих структур подчиняются вектору процессов, которые Богданов называл «активностями» (порождающими «энергии») и «сопротивлениями» (растрачивающими «энергии») [3, с. 140–150]. При этом «сопротивле-

ние» элементов не является чем-то особым, отдельным, самостоятельным. Это та же активность, противопоставленная другой активности [3, с. 144]. Не случайно организационная наука Богданова считается предтечей синергетики. Удивительно похожа на его положения об энергии активностей и сопротивлений теория корреляций И. Пригожина [10, с. 138–140]. Отсюда следует важный вывод: более высокий уровень организации достигается в тех случаях, когда соединение элементов в систему содержит меньше противоречий и сопротивлений, чем их простое сложение². Сам процесс организации поэтому рассматривается как постоянный и непрерывный процесс поиска необходимых изменений³.

Иерархичность организации неоднородна, что важно не только с методологических позиций, но и требует учета в процессе выбора вариантов практических организационных решений. А. Богданов выделяет «два специальных случая», «два типа, играющие большую роль в организационном развитии». Первый тип организации – это концентрация активностей, создающая возможность максимального их накопления в одной системе. Второй тип по преимуществу фиксирует активности, закрепляет их в данной форме, обуславливает максимальную прочность системы [3, с. 385].

Центральное звено иерархии. Для понимания природы иерархии необходимо уловить особенности этого типа организации, которые обеспечивают не просто взаимодействие элементов, а показывают источник субординации этих элементов в системе. Только поняв это, можно объяснить обязательное наличие центрального звена в иерархии, функции которого отличаются от других элементов. Этот элемент – носитель «централистической связи», «центральный» (по Богданову) – оказывает преобладающее влияние на другие элементы, обеспечивая упомянутую выше «эгрессию». В качестве частного случая такого «эгрессивного центра» можно рассматривать руководителя в группе людей [3, с. 386]. Активности всех элементов системы под воздействием центрального звена в совокупности превышают простую сумму их активностей. Механизм достижения этого – способность центрального звена притягивать активности других элементов и снижать, гасить их сопротивления [3, с. 388–389].

² И организационная наука, и синергетика на основании этого делают вывод, важный для понимания системности: организованное целое оказывается больше простой суммы своих частей именно потому, что в нем создаются новые «активности», новая энергия за счет корреляций между элементами, соединяющимися более успешно, чем противостоящая им энергия сопротивления.

³ Идея об организации как постоянном процессе внутренних изменений получила развитие в работах Й. Шумпетера, рассматривавшего процессы инноваций как системные изменения в организации (технологические, управленческие и пр.).

Необходимость центрального звена иерархической системы в не меньшей степени обусловлена ее взаимодействием с внешней средой. При этом равновесие системы во взаимодействии с ее внешней средой всегда лишь относительное. Чем выше уровень организованности иерархической системы, тем лучше она ассимилирует активности из внешней среды и противостоит ее разрушительным влияниям. Чем ниже уровень организации системы, тем медленнее идут эти процессы, и система ослабевает. Выводы для вектора развития иерархических социально-экономических систем: в революционные эпохи, в эпохи крупных социально-экономических перемен происходит процесс преобразования систем «в виде едва заметной авторитарности» в «организации вполне строгой авторитарной дисциплины, твердой власти» [3, с. 395].

Другое следствие наличия в иерархии обособленного центрального звена – возможность для этого звена произвольно отклоняться от равномерности и равноправия в отношениях с периферическими звеньями, что и является базовым условием отношений власть-подчинение и возникающего неравенства в специфических активностях отдельных элементов системы. Создаваемые властью центра активности могут быть более благоприятны для одних звеньев системы и менее благоприятны для других. Богданов выделяет две группы социально-экономических активностей – те, которые направляются на производство, и те, которые относятся к потреблению [3, с. 396–397]. Если внешние и внутренние условия неблагоприятны для развития первых активностей и благоприятны для вторых, возникает основа для эксплуатации с возрастанием неравенства. Центральный элемент имеет возможность отнимать жизненную энергию у подвластных периферических элементов иерархической системы. Это отрицательное воздействие постоянно истощает систему, накапливаясь до разрушительных размеров и угрожая возникновением кризисов из-за нарушения ее устойчивости.

Теоретически возможен и другой вариант иерархических системных отношений. Когда сила эксплуатации возрастает не слишком быстро, а внешние и внутренние условия развития благоприятны для трудовых активностей, социальная энергия системы увеличивается, одновременно увеличивается ее сопротивление вредным воздействиям (в т. ч. и усилению эксплуатации). В этом случае разрушительные последствия действий центрального элемента формируются параллельно с развитием трудовых активностей, а процессы вырождения идут в ином направлении – разрушается не вся социальная система, а только ее центральный уровень, господствующие группы и классы [3, с. 397–398]. Кроме того, исследование уровней «организованности» иерархии (по терминологии Богданова) показывает, что по мере удлинения и усложнения цепочек взаимосвязанных элементов в иерархи-

ческой системе, низшие звенья все меньше и меньше определяются центральным комплексом. Ослабление системных связей обнаруживается на критических этапах развития или наступающего разложения иерархической системы. И что особенно важно, это ослабление, нередко облекающееся в форму противоречий и конфликтов, становится источником «бесплодных растрат энергии, понижающих жизнеспособность организации»⁴. Вся история развития человеческой цивилизации является свидетельством того, как «усиление подобных противоречий обычно вело к разложению и крушению авторитарных группировок» [3, с. 400–401].

Организация структурной устойчивости системы. Внутренняя организация развивающейся системы содержит в себе механизмы сохранения и поддержания устойчивости в условиях развития и изменений. Развивающаяся система не может постоянно пребывать в стабильном, устойчивом состоянии – «типичный ход» развития системы предполагает ее непрерывную реакцию на разрушительные воздействия внешней среды. Вместе с тем есть предел этим разрушительным воздействиям, чтобы система сохранилась как таковая. Защитная само-сохраняющая реакция обеспечивается специфической структурой самой системы и присущим этой структуре свойством специфически реагировать на внешние воздействия. Богданов видел в структуре, в природе системы две части: во-первых, наиболее организованную, но менее устойчивую по отношению к некоторым разрушительным воздействиям «пластичную» часть; во-вторых, менее организованную, но более устойчивую «скелетную» часть. Диалектика изменчивого развития предполагает, что процессы роста и усложнения будут сильнее и быстрее совершаться в пластичной части, как более высокоорганизованной и более способной к ассимиляции новых сущностей. Скелетная часть системы, менее приспособленная к изменениям, связывает пластичную часть, стремится удержать ее в рамках своей формы, т. е. задержать рост системы и ограничить ее развитие [3, с.421]. Из всего этого Богданов делает чрезвычайно важное, и по сей день актуально звучащее заключение. В социально-политических и экономических системах необходимо понимать, какое содержание они организационно закрепляли, насколько это содержание сохранилось или изменилось, соответствует ли наличная форма наличной сумме содержания, насколько она прочна и своевременно ли ее разрушение. Когда

⁴ На самом деле процесс сложнее. При продвижении по эгрессивной цепи от центра к периферии понижение организованности и ослабление влияния центрального элемента сопровождаются появлением «иных активностей», порождающих иную цепь взаимодействий, т. е. «другую систему со своими особыми соотношениями» [3, с. 400].

такое понимание существует, «сами собой получаются практические и научно обоснованные директивы» [3, с. 426].

Исследуя механизмы структурной устойчивости «в организациях людей», т. е. в политических и социально-экономических системах, Богданов отмечал значимость «формальных» функций скелетных рамок. Сейчас мы называем эти рамки институтами. Функции скелета выполняют господствующие идеи, нормы, учреждения, «сознательно устраиваемые» организации, каковыми могут быть частные предприятия, союзы, научные учреждения. Скелетными рамками выступают официальные программы, уставы, регламенты, технические или тактические директивы. При этом особо значимы прочность этих форм и их соответствие задачам организации. Вместе с тем «в высшей степени редко при выработке форм подобных организаций ставится вопрос о степени эластичности этих форм, о легкости их вариаций с дальнейшим ростом и развитием системы». Тем самым создается почва для противоречий и растраты сил (активностей) из-за негибкости системы. Примеры этого можно найти в истории почти каждой организации, пережившей значительную прогрессивную эволюцию⁵. Таким образом, формальные институты, фиксирующие скелетные структуры, «консервативнее, чем их социально-трудовая основа – пластичная часть социальной системы: они сохраняются еще тогда, когда она их уже переросла; и неизбежен такой период, в котором они становятся стеснением и препятствием для ее прогресса» [3, с. 428–429].

Необходимость горизонтальных сетевых взаимодействий. В случае, когда динамичная пластичная часть системы приходит в противоречие с консервативной скелетной ее частью, позитивное развитие и закрепление новых элементов структуры системы нуждается в механизмах, уравнивающих эти процессы. Речь идет об упоминавшейся выше неизбежности формирования горизонтальных, «отношенческих» связей, поддерживающих структурную устойчивость системы. Именно поэтому вертикальные, иерархические способы организации экономики практически на всех этапах развития в той или иной форме сосуществовали с горизонтальными сетевыми производственно-хозяйственными и социальными взаимодействиями.

Сетевые отношения являются результатом и формальным отражением объективно существующих в системе кооперативных взаимодействий (корреляций, по Пригожину, взаимодействий активностей,

⁵ Богданов приводит примеры неблагоприятных внутренних разногласий и расхождений в политических организациях, когда «скелетно-неподвижные» нормы требовали огромных усилий и долгой борьбы по проведению необходимых для развития реформ [3, с. 428–429]. Очевидна аналогия с современными бюрократическими «скелетами» и трудностями в продвижении новых «пластичных» элементов системы.

по Богданову) между ее элементами. Это отличает смысл взаимодействий в сетевой структуре от процессов в иерархической структуре, в которой, как было показано, объединяющими и координирующими системными связями являются отношения власть-подчинение. Из характера взаимодействий вытекает и главное отличие иерархической и сетевой организации этих взаимодействий, а именно наличие (в иерархиях) или отсутствие (в сетях) управляющего центра. Горизонтальные кооперативные отношения в сетях, основанные на взаимном влиянии членов (корреляции элементов), имеют свою внутреннюю структуру и действующие в сети механизмы, обеспечивающие многообразие кооперационных связей при одновременном поддержании устойчивости всей структуры.

При отсутствии в сети единого формально централизованного звена управления они могут быть организованы по-разному в зависимости от степени внутренней координации не за счет властных, а за счет лидерских функций отдельных звеньев сети. При этом лидеров может не быть совсем, или лидерские (координирующие) функции могут быть минимальными. Это так называемые плоские сетевые структуры. В реальной хозяйственной жизни более широкое распространение получили иные, объемные структуры с частичными лидерами, функции которых ограничены некими специфическими сферами деятельности. В сложных системах таких частичных лидеров может быть множество, но ни один из них не образует властной пирамиды, типичной для иерархических структур. Разумеется, подразделение по признаку плоскости или объемности сети в какой-то степени условно: организации находятся в постоянно развивающихся и меняющихся условиях, меняется поведенческий и лидерский потенциалы. Но при этом неизменными остаются коренные свойства сетевой организации: во-первых, отсутствие жесткой иерархии, равенство и возможность проявить частичные лидерские свойства; во-вторых, постоянная взаимная поддержка и сотрудничество участников сети в общих интересах [11, с. 15–17, 38–41].

В социально-экономических системах вертикальные (иерархические) и горизонтальные (сетевые) структуры находятся в постоянном взаимодействии. Организационный облик этих структур меняется под действием множества факторов внутренней эволюции и воздействия внешней среды. Возникают так называемые структуры-медиаторы в качестве посредников между иерархией и сетью. При этом сетевая структура может включать соответствующее организационное звено для контактов с иерархией, или же иерархия может иметь в своем составе звено, ведающее контактами с сетевыми партнерами [11, с. 130–133]. Потенциальная роль подобных структур-посредников заключается, во-первых, в налаживании непротиворечивых связей

между иерархиями и сетями, во-вторых, в самостоятельном эффективном распределении производственно-хозяйственных и управленческих функций между обоими основными типами структур конкретных организаций.

* * *

Организация современной постиндустриальной экономики несравненно сложнее той, для которой выстраивал свой анализ А. Богданов. Современные рынки, фирмы и иерархии организуются сложнее и разнообразнее, чем это в свое время новаторски описывали неoinституционалисты (Williamson, 1975; Уильямсон, 1996). В наши дни и глобализированная экономика, и суверенные экономики порождают новые принципы и формы организации – продуктовые производственные и стоимостные цепочки, финансово-промышленные группы и альянсы, инновационные кластеры и многие другие формы, постоянно возникающие в современном распределенном производстве. Теория экономической организации как наука о внутренней структуре субъектов экономики и их взаимосвязях постоянно развивается. При этом «организационная точка зрения» (по Богданову) необходима как для научного теоретического понимания особенностей любого этапа развития общественного производства, так и для принятия грамотных, эффективных практических решений. В этой связи представляется важным наличие методологического ключевого звена в организационном анализе. Так, у неoinституционалистов в их теории экономической организации базовой единицей анализа была рыночная транзакция («вначале были рынки»). В общей теории организации Богданова методологически важным положением для понимания причины изначальных, глубинных организационных изменений является категория «активностей» и их динамика. Аналогично в синергетике базовой, первоначальной категорией являются корреляции элементов (Пригожин). Современная организационная наука не располагает каким-то одним, четким и однозначным определением единицы организационного анализа. Упоминавшаяся нелинейность, сложность и динамичность социально-экономического развития позволяет лишь наметить основные тренды в формировании этой понятийной категории. Пока же в качестве базовой категории организации можно попытаться выделить общность целеполагания и необходимость согласованной адаптации к меняющейся внешней среде [9, с. 52–58].

ЛИТЕРАТУРА

1. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015.
2. Дерябина М.А. Горизонтальные и вертикальные структуры в экономике: эволюция теоретических оснований // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 9–23.
3. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / Научн. ред. Г.Д. Гловели. М.: ЛЕНАНД, 2019.
4. Чернавский Д.С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: ЛЕНАНД, 2017.
5. Саати Т.Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. М.: ЛЕНАНД, 2019.
6. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // В кн. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
7. Маевский В.И. Мезоуровень и иерархическая структура экономики // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 18–29.
8. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
9. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2012.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2014.
11. Олескин А.В. Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: ЛЕНАНД, 2016.
12. Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. FreePress: NewYork, 1975.
13. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996.

ABOUT THE AUTHOR

Deryabina Marina Aleksandrovna – Candidate of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

HIERARCHICAL AND NETWORK SOCIO-ECONOMIC STRUCTURES FROM THE STANDPOINTS OF THE GENERAL THEORY OF ORGANIZATION

The article analyzes the methodological foundations and mechanisms of organizing the structural stability of socio-economic systems. The features of the organization of vertical and horizontal industrial and economic ties as hierarchical and network interactions are considered. Hierarchies as a way of organizing of ties and relations in the economy are analyzed, from the standpoints of A. Bogdanov's "General Organizational Science", which allows methodologically to explain the historical origins of today's organizational structures. It is shown that the structural stability of the system is maintained both with the help of the conservative "skeletal" part of it, and by organizing of horizontal, "relational" interactions.

Key words: *hierarchies, network structures, forms of organization, structural stability of the system, the central link in the hierarchy.*

JEL: B31, L22, P00, P50.

М.Ю. ПАВЛОВ

кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, кафедра политической экономики

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХАРАКТЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается изменение характера отношений между трудом и капиталом в результате трансформации общественных институтов, экономических отношений и технологических основ экономики. Показано, что если в индустриальной экономике происходил процесс перехода от формального подчинения труда капиталу к его реальному подчинению, то в постиндустриальный период наблюдается обратный процесс – переход от реального подчинения труда капиталу к формальному.

Ключевые слова: четвертая индустриальная революция, Вторая волна, теория эксплуатации, подчинение труда капиталу, интеллектуальный капитал, творчество.

JEL: A10, O15, O33, P48.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10016

В условиях машинного производства трудовые отношения зависят от характера производственного процесса, задаваемого используемыми технологиями. В индустриальном обществе (по терминологии Э. Тоффлера, обществе «Второй волны» [11]) производственный процесс характеризуется разделением труда, кооперацией и координацией, контролем выполнения норм, обучением работе с техникой и оборудованием (умения и навыки). Однако в условиях четвертой индустриальной революции (развитие киберфизических систем, цифровизация) выдвигаются новые требования со стороны индустриального производства, когда знания и интеллектуальные способности человека начинают играть ведущую роль в экономическом развитии.

Четвертая индустриальная революция формирует иные процессы и отношения производства, распределения и потребления, отличные от процессов и отношений в материальном производстве и сфере услуг [1]. Так, «потребление» знания одним человеком, как правило, не исключает его потребления другим человеком, в отличие от товаров и услуг, типичных для этапа развития экономики до революции знаний. Возрастание роли знаний и информации приводит к тому, что трансформируется труд и трудовые отношения. В процессе труда возрастает

значение творческого потенциала, креативных способностей работника, формируется «класс интеллектуалов» [4]. На первый план выходит нематериальная мотивация (возможность саморазвития и самореализации, достижения принципиально новых результатов), результатами и средствами трудового процесса становятся информация, знания, интеллект¹.

Традиционные факторы производства – земля и физический капитал – были ограниченными и нередко недоступными для низших классов общества. Информация, данные, знания принципиально не ограничены и физически намного более доступны, поэтому трансформируется социальная стратификация. С одной стороны, наблюдаются процессы демократизации и гуманизации, средства производства становятся доступными для некогда низших классов. С другой стороны, происходит некое новое «огораживание», но не земли, а интеллектуальных ресурсов. Иерархические структуры сменяются сетевыми, но в сетях тоже возможно неравенство: образуются узлы, агрегаторы в сетях превращаются в монополии и диктуют свои условия рядовым участникам. Также происходит перераспределение доходов в пользу собственников интеллектуального капитала и рост интеллектуальной ренты.

Э. Тоффлер писал, что рыночное индустриально-технократическое общество (общество «Второй волны») развивалось по «скрытому коду», по шести основным принципам, выстраивающимся в некую единую схему, – *стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация* [17, с. 39–41, 52–76, 114–131; 11, с. 94–116]. Этот «скрытый код» определял деятельность человека во всех сферах жизни. «Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны» [11, с. 94]².

1. *Стандартизация* означает формирование стандартов трудовых отношений: нормирование оплаты труда, типовые расценки, одинаковые режимы работы, трудовые контракты с одинаковыми отпусками и одинаковыми льготами. Стандартными стали квалификационные

¹ Авторы книги «Бизнес в стиле фанк» отмечают: «Рабочие владеют основными средствами производства. Революция, точнее, ее первая часть, закончена. Рабочие – программисты, разработчики нового программного обеспечения во Франкфурте, судостроители на верфях в Ставангере, креативщики в китайских рекламных агентствах, и-тэ-эровцы в Сиднее, фабричные рабочие в Лос-Анджелесе, продавцы опционов в Сингапуре все время используют свои мозги и только иногда свою мускульную силу, чтобы создавать новые блага. В современных компаниях от 70 до 80% всего, что делается людьми, делается при помощи их интеллекта. Основное средство производства – это скромное серое вещество весом приблизительно 1,3 кг. Это человеческий мозг». [10, с. 2–3; 9, с. 31].

² Помимо работ Э. Тоффлера существуют многочисленные исследования по организации труда, управлению производством в индустриальной экономике, где все это научно описано [13].

требования, положения об аттестации, критерии повышения оклада и многое другое. У индустриальных работников сформировались стандартные представления, в соответствии с которыми они выстраивали жизнь и передавали их своим детям.

2. *Специализация* в обществах «Второй волны» в огромной мере стала определять не только материальное производство, но отношения между людьми и самих людей. Даже здоровье трансформировалось скорее в «продукт, предлагаемый врачом и чиновниками здравоохранения, чем как результат разумной заботы пациента о себе самом» [17, с. 101]. Человек стал «специалистом», «профессионалом», частичным и односторонним. Г. Форд по этому поводу однажды отметил, что удивительно, но как только ему требуется пара рабочих рук, он получает всего рабочего в придачу [15].

3. *Синхронизация* превратилась в господствующий принцип вследствие того, что машинный парк индустриального общества был очень дорогим, поэтому во главу угла ставилось максимально возможное его использование, продолжительность и непрерывность его работы. Для этого необходимо было обеспечить бесперебойное снабжение сырьем, заготовками, обслуживанием, ремонтом и, разумеется, работниками, занятыми в основном производстве. Основная доля издержек приходилась на покупку оборудования, и надо было в полном объеме возместить эти издержки. Рынок диктовал жесткие требования к эффективности, поэтому графики работников оказались заложниками требований рынка. Общество «Второй волны» установило свои жесткие ритмы. Режим с «девятью до пяти» (с «девятью до шести с часовым перерывом») стал определять образ жизни человека. Помимо времени начала и окончания рабочей смены синхронизации подверглись выходные дни и отпуска.

Синхронизацию реализовывали не только капиталистические страны, но также и социалистические. В конце 1920-х – начале 1930-х годов вместе с машинами из стран капитализма неявно проникли и идеи синхронизации. Чтобы машины не простаивали, был изменен календарь. Неделя стала пятидневной с четырьмя рабочими днями и одним выходным [7]. Важной причиной введения пятидневной недели со скользящими выходными выступала необходимость не допустить простоя машин в выходные дни. Работники делились на 5 групп. Так обеспечивалась бесперебойность и безостановочность производства. Новая рабочая неделя просуществовала недолго – немногим более года. Ее так и не удалось синхронизировать с выходными днями других работников, а также с расписаниями рабочих дней в других странах.

4. *Концентрация* возникла вследствие экономии от масштаба³. Содержание одной большой машины в одном месте обходилось

³ В неоклассике существует понятие положительного эффекта масштаба, выражающегося в снижении затрат на единицу продукции при одновременном увеличении

дешевле, чем содержание множества маленьких, разбросанных по разным местам. Принцип концентрации оказался настолько значимым, что ему не смогла противостоять даже система реального социализма.

5. *Максимизация.* В соответствии с концепцией Э. Тоффлера «большой» означает «эффективный». По его словам, не только в экономику, но и в другие сферы жизни общества «Второй волны» проникла «болезнь навязчивой “макрофилии” – разновидность техасской страсти к огромным размерам и постоянному росту» [11, с. 107].

Одна из системных проблем современного общества заключается в том, что люди стремятся получить то, что впоследствии не в состоянии содержать, обслуживать и даже просто использовать. В результате этого общество в целом несет большие потери. Люди сначала слепо максимизируют, а потом оказываются не в силах справиться с тем, что они максимизировали. Целые бизнес-империи, которые еще вчера были одними из самых крупных, в короткий срок могут прекратить свое существование, как это случилось с инвестиционным банком Lehman Brothers. Банкротство огромной корпорации Enron оставило множество работников не только без работы, но и без пенсий. Заметим, что эти банкротства сегодня связаны также со сдвигами в самом характере труда и с развитием новых высоких технологий в производственных и бизнес-процессах.

6. *Централизация* закономерно породила противоречие между центром и периферией. Огромные ресурсы человечество стало расходовать впустую – только на то, чтобы занять и удержать позиции поближе к центрам. Сельская местность стала стремительно пустеть, а города, имеющие статус крупных центров, сталкиваются с все большим количеством и масштабом проблем. Это транспортные заторы, загазованность, загрязненные водоемы и в целом плохая экологическая обстановка, а также дороговизна жилья и дороговизна жизни. Чтобы занимать и удерживать позиции в центре, человек должен быть «мотивированным» и «амбициозным», что нередко подразумевает агрессию, а не мирную гармоничную жизнь. Все это закономерно требовало защитных мер – от систем безопасности до целых частных армий, что переводило впустую огромные ресурсы.

Рассмотренные принципы позволяют лучше понять отношения между человеком и капиталом, анатомию реального подчинения труда

размеров предприятия и объемов производства [5]. Соответственно, при увеличении количества работников, обеспечении их сплоченной работы издержки единицы продукции на массовом производстве будут сокращаться. К. Маркс пишет о производительности труда группы рабочих следующее: «уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного работника. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного работника, выполнять одни из его подфункций» [6, с. 516–517].

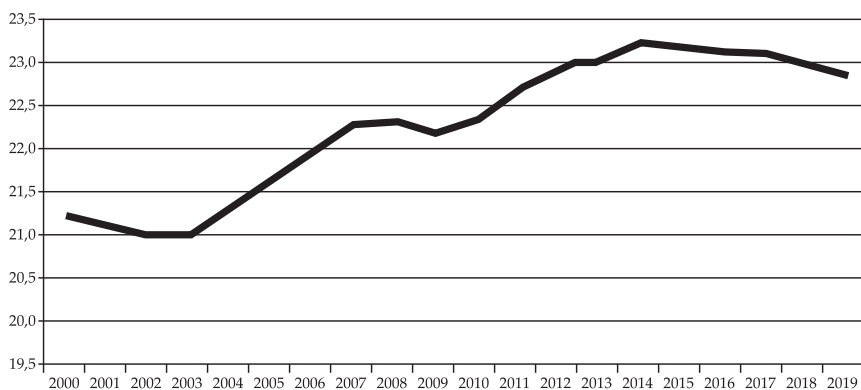
капиталу. Важно, что эти принципы для человека являются внешними, неподвластными. Они порождают и устойчиво воспроизводят отчуждение. От наемного работника отчуждается труд, капитал превращает его в автомат, биоробот, практически лишенный возможности самостоятельного целеполагания⁴.

Закономерно возникает вопрос о том, могут ли новые поколения (например, так называемое «поколение Z») без революционных преобразований экономики и социума принципиально изменить отношения между трудом и капиталом. Скорее всего, эти поколения будут расти и жить в условиях господства цифровых технологий, хотя индустриальная занятость людей не торопится пока уступать свои позиции. Если в 1990-е годы занятость в промышленности колебалась в пределах 21,3–21,9%, то в период с 2000 по 2019 гг. колебания стали еще больше. В 2014 г. доля занятых в промышленности достигла 23,22%. И хотя к 2019 г. наблюдается снижение этой доли до 22,83%, тем не менее данный показатель выше, чем в 1990-е (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Доля занятых в промышленности в мире 2000–2019 гг. (%)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
21,21	21,11	20,98	21,01	21,32	21,63	21,98	22,27	22,30	22,16
2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
22,35	22,68	22,91	23,03	23,22	23,18	23,11	23,07	22,95	22,83

Источник: статистические данные Всемирного Банка. Занятость в промышленности (% от общей занятости) (World Bank Data. Employment in industry (% of total employment)). Статистические данные Всемирного Банка. Занятость в промышленности (% от общей занятости). Декабрь 2019, основано на данных MOT.data.worldbank.org/indicator/SL.IND.EMPL.ZS (дата обращения: 26.02.2020).

Рис. 1. Доля занятых в промышленности в мире (%)

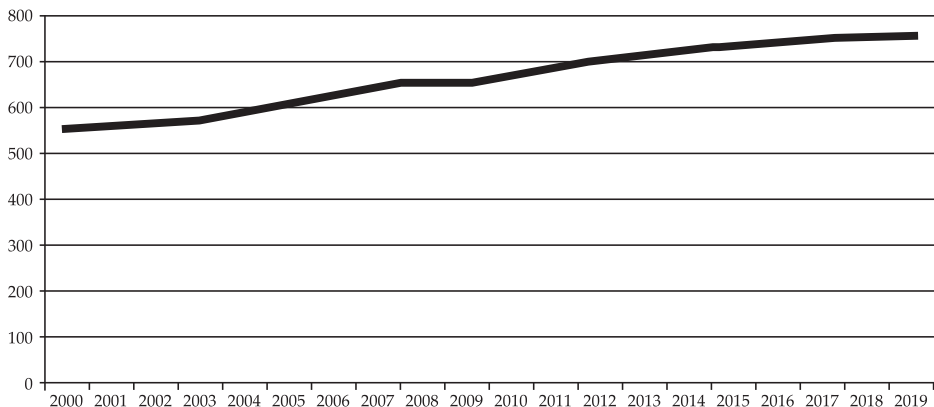
⁴ См.: [6, с. 189].

Важно отметить, что общее число занятых в промышленности в мире растет (см. табл. 2 и рис. 2). Возможно, ситуация изменится с массовой роботизацией, но пока преждевременно утверждать, что так называемое «поколение Z» живет в мире, не определяемом либо слабо определяемом индустрией и индустриальными отношениями.

Таблица 2

Общее число занятых в промышленности в мире (тыс. человек)

2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
556622	561467	564886	573732	593535
2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
612567	632619	651319	659915	658394
2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
671100	689018	704037	716295	731740
2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
739184	745095	754618	758561	761787

Источник: составлено автором по: статистические данные Всемирного Банка. Занятость в промышленности (% от общей занятости) (World Bank Data. Employment in industry (% of total employment)). Статистические данные Всемирного Банка. Занятость в промышленности (% от общей занятости). Декабрь 2019, основано на данных MOT. data.worldbank.org/indicator/SL.IND.EMPL.ZS (дата обращения: 26.02.2020)); статистические данные MOT (ILO Data. Appendix D. Tables of labour market indicators worldwide, by country income group and by region/subregion // World Employment and Social Outlook: Trends 2019 International Labour Office. Geneva: ILO, 2019. P. 84–85. www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_670542.pdf (дата обращения: 26.02.2020)).

Рис. 2. Общее число занятых в промышленности в мире (тыс. человек)

В процессе эволюции капитала возникают две противоречивые тенденции.

1. Возрастание значения знаний.

По мере появления новых машин ценность каждой из них уменьшалась в соответствии с законом убывающей предельной отдачи. С идеями, знаниями ситуация обратная: до эпохи капитализма, до эры машин человечество накопило множество технических идей и знаний, которые несложно было воплотить в новой технике. Технические идеи были подсмотрены у живой природы, появилась даже специальная наука – бионика. Новые знания и идеи становились все более ценным ресурсом. Соответственно, все ценнее становились работники, способные их генерировать и воплощать в новых разработках. Относительная ценность капитала снижалась (вследствие тенденции нормы прибыли к понижению), относительная ценность интеллектуального труда росла.

2. Дематериализация капитала.

Рассмотрим эволюцию кругооборота капитала. В схеме Д-Т-Д' самым проблемным звеном для капиталиста является товар. Деньги как всеобщий эквивалент намного легче обменять на рынке, чем товар. В рыночной экономике деньги нужны всем, товары – далеко не всем и не всегда. У товаров есть и другие характеристики, снижающие их привлекательность для капиталиста. Они могут иметь ограниченный срок реализации, быть дорогими в доставке к потребителю, пользование ими может потребовать специального обучения, для их производства может потребоваться длительный производственный цикл (например, для продукции сельского хозяйства принципиально важен вегетативный период).

Однако снятие диалектического противоречия товара привело к появлению двух новых видов товаров. Это цифровые товары (Д-ЦТ-Д') и финансовые инструменты (Д-ФИ-Д'). Последние привели к возникновению феномена финансиализации, т.е. к опережающему росту финансового сектора и его определяющей роли в экономических процессах.

По многим характеристикам эти виды товаров намного предпочтительнее для капитала, чем промышленные товары. Главное – они дематериализованы. В них низка доля физических ресурсов, а значит, выше доля других составляющих (символов). Новые виды товаров, лучше соответствуя идее капитала как постоянно возрастающей стоимости, будут все больше подрывать влияние промышленного капитала в экономике, заставляя его внедрять цифровые технологии везде, где это только возможно, приводя к росту «цифровизации» экономики. Поскольку в этих новых товарах выше доля символов, а с символами работают прежде всего люди, возрастает роль людей. В резуль-

тате этого появилось немало оптимистичных заявлений, например, о «креативном классе». Казалось бы, уменьшается как формальное (растет число «самозанятых»), так и реальное подчинение труда капиталу, поскольку профессионалы, особенно яркие творческие таланты, все больше диктуют свои условия капиталу. В интеллектуальной деятельности, опосредуемой индивидуальным творческим трудом человека, рамки, в которых происходят производственных процессы и развиваются соответствующие отношения, становятся более свободными, размытыми [2]. Если в индустриальной экономике кооперационные связи представляли значительную часть отношений в производстве, то в экономике, основанной на знаниях, они виртуализируются, т.е. реализуются с применением информационно-коммуникационных технологий. Широкое распространение получают различные виды дистанционной и виртуальной занятости. Творческий работник, благодаря таким формам занятости, приобретает большую свободу выбора режима труда и отдыха, имеет возможность эффективно выстроить процесс труда, увеличивая качество результата труда и повышая свою производительность.

Широко и активно распространяется основанное на творческой и интеллектуальной деятельности производство [3, с. 15], в котором отношения между работником и работодателем менее детерминированы и формализованы. Использование в промышленном производстве новейших информационных технологий изменяет характер материального производительного труда, превращая существенную часть трудового процесса в управление информационными потоками [1, с. 7]. При этом работник, имеющий дело с информацией, фактически сам себя делает субъектом своего труда, превращая свою трудовую деятельность в самосозидание. Сущность такого труда – кооперация и коммуникация между пользователями информации (работниками), которые в совокупности порой значат больше, чем количество затрачиваемого труда⁵.

Спектр интеллектуальных продуктов и инновационных технологий в настоящее время расширяется, сами технологии усложняются. Все более широкое распространение получают новые формы взаимодействия экономических агентов. Например, сформировался собирательный образ, характеризующий отношения новой эпохи. Он тщательно разбирается в книге Д. Тапскотта и Э. Уильямса [10]. В него включаются общая деятельность людей с совпадающими

⁵ Так, Ф. Фукуяма, говоря о потенциале и эффективности деятельности корпорации, отмечает важную роль социальной коммуникации, реализующейся как в рамках взаимодействия различных субъектов внутри корпорации, так и между ними и внешней средой [12, с. 52].

интересами, открытость инноваций и творческого процесса, предоставление доступа другим, включение в работу всех заинтересованных людей, сетевые модели. Взаимодействие здесь происходит по принципу равенства, сотрудничества, творческого моделирования. Авторы назвали эту новую «смесь» 3-его тысячелетия «викиномикой». Присущую индустриальным экономическим отношениям конкуренцию сменяют принципы совместной деятельности и массового сотрудничества. Новая модель заработка, называемая «Викиномика», «Открытые инновации», пиринг-модель⁶, позволяет эффективно использовать мысль вместо физического труда, становится возможной в больших масштабах. Эта модель позволяет огромному количеству людей, не выходя из дома, участвовать в конкурсах и получать премии⁷.

Однако здесь существует противоречивая тенденция – генерация символов переходит от работников к машинам. Огромные усилия брошены на разработку систем искусственного интеллекта, призванных заменить людей, на автоматизацию и роботизацию не только рабочих мест в промышленности, но и в сфере услуг, в сфере цифровой экономики. Если эти усилия увенчаются успехом, будет наблюдаться тренд существенного снижения занятости в промышленности, можно будет говорить о новой модели экономики.

Даже Интернет все больше становится Интернетом вещей. Всерьез уже обсуждается концепция трансгуманизма, согласно которой человек – лишь промежуточное звено эволюции, и в будущем его заменит и превзойдет более совершенный машинный интеллект.

Предвидя замену людей роботами в условиях четвертой индустриальной революции и, как следствие, массовую безработицу, К. Шваб предлагает в качестве варианта решения базовый безусловный доход (ББД) [16]. Согласно концепции ББД, право на него будет иметь каждый гражданин страны. Это на самом деле не благотворительность, а такой же прием, какой был у Г. Форда, платившего большую зарплату своим рабочим для того, чтобы они могли покупать производимые на его же заводах автомобили. ББД – это очень существенное

⁶ Peering (англ.) – взаимодействие на равных, равноправный информационный обмен. Термин «peerproduction» был предложен преподавателем Йельского университета Й. Бенклером [13]. В книге «Викиномика» термины «masscollaboration» и «peerproduction» употребляются как синонимы [10, с. 28–29].

⁷ На указанных инновационных принципах основываются суперсовременные организации и проекты, среди которых можно назвать всем известные «Wikipedia», «Linux», «YouTube», «Flickr», «MySpace», «InnoCentive», «NineSigma», «SecondLife», проект «Геном Человека». Использование подобных принципов существенно увеличивает конкурентоспособность и эффективность таких традиционных корпораций, как Procter&Gamble, BMW, Boeing.

стимулирование совокупного спроса. Это в значительной степени выгодный прием, имеющий ряд преимуществ.

Во-первых, он позволяет перераспределить часть средств, которые сегодня идут на финансовые рынки, в сектор производства промышленных товаров (но пока финансисты более влиятельны, БДД вряд ли будет принят).

Во-вторых, этот прием поможет уменьшить «бесполезный», а иногда и просто вредный сектор экономики (например, когда стоматолог сознательно «лечит» здоровые зубы, чтобы увеличить доходы клиники). Работники смогут заняться своими хобби, намного более полезными для человечества и продуктивными для капитала.

Важно, что БДД будет не просто потребляться, «проедаться», а во многом встанет на службу капиталу – при современном объединении производителя с потребителем (образование «потребителя»). Потребитель станет одновременно и производителем цифрового контента. Например, смартфоны могут использоваться как мощные цифровые мини-фабрики. Когда потребитель делает фото, снимает видео, пишет тексты, а затем размещает весь этот контент в сетях, когда он оплачивает покупки или просто сообщает свои географические координаты, свои личные данные и предпочтения, он работает на капитал. При этом капитал, формирующий банки данных и сети, увеличивает свою ценность и потенциальные доходы. Реальное подчинение работника капиталу растет, даже когда он не связан контрактом по найму. Многие работодатели ограничивают доступ работника к «сторонним» информационным ресурсам и социальным сетям, привязывая его к своим информационным системам, нередко отслеживающим действия работника. В этом случае также растет реальное подчинение труда капиталу.

Устройства для 3D-печати, казалось бы, позволяют человеку работать на самого себя, однако и здесь все не так просто.

- Само устройство для 3D-печати нужно приобрести.
- Для работы необходимы расходные материалы, ремонт и обслуживание.
- Создание 3D-чертежей сложных изделий – это серьезная и долгая работа, поэтому их легче купить, чем делать самому.
- Возникает вопрос: чем печать 3D-модели будет отличаться, например, от покупки мебели в магазине IKEA, которая поставляется в виде набора деталей, а собирать их надо самому?

И хотя капитал по-прежнему цепко держит работника и стремится удерживать его и дальше, в условиях цифровой экономики, в условиях смены социально-производственного уклада для капитала становится выгоднее, чтобы работник отступал от шести основных принципов, названных выше. В частности, развивается аутсорсинг персонала,

поскольку выгоднее нанимать работников не из центров, а с периферии, где жизнь дешевле. При этом одновременно нарушается и принцип централизации, и принцип концентрации. И чем дальше идет деструкция этих принципов, свидетельствующая о смене самого социально-производственного уклада, тем меньше реальное подчинение работника капиталу и тем больше возможностей для перехода к посткапиталистической экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. №2(56). 2018. С. 5–13.
2. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все // Социологические исследования. 2017. №7. С. 43–53.
3. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.
4. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.
5. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М.: Республика, 1992.
6. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1973.
7. Наёк Е. Тридцать второе апреля // Родина. 2010. № 6. С. 114–118.
8. Охитович М.А. Заметки по теории расселения // Советская архитектура. 1930. № 1/2. С. 7–16.
9. Риддерстрале Й., Нордстрем К. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
10. Танскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: Best Business Books, 2009.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
12. Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, 2004.
13. Чангли И.И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973.
14. Benkler Y. Coase's Penguin, or, Linux and the Nature of the Firm // Yale Law Journal. Vol. 112. pp. 2002–2003.
15. Ford H. My Life and Work. NY: Doubleday, Page, 1923.
16. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London: Portfolio Penguin, 2017.
17. Toffler A. The Third Wave. N.Y.: Morrow, 1980.

ABOUT THE AUTHOR

Pavlov Mikhail Yurievich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of M.V. Lomonosov Moscow State University, Department of Political Economy of the Economic Faculty, Moscow, Russia
1tm@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE NATURE OF THE INTERACTION BETWEEN LABOR AND CAPITAL IN THE CONDITIONS OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

The article considers the change in the nature of the relationship between labor and capital as a result of the transformation of social institutions, economic relations and the technological foundations of the economy. It is shown that while in the industrial economy there was a process of transition from the formal subordination of labor to capital to its real subordination, then in the post-industrial period the reverse process is observed – the transition from the real subordination of labor to capital to formal.

Keywords: *fourth industrial revolution, Second wave, theory of exploitation, subordination of labor to capital, intellectual capital, creativity.*

JEL: A10, O15, O33, P48.

Я.И. ВАСЛАВСКИЙ

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политической теории
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД РФ

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В условиях торможения роста глобальной экономики и усиления поляризации доходов населения в странах мира усугубляется проблема адекватности отражения индивидуальных ценностей в результирующем общественном выборе. Увеличиваются противоречия индивидуальных предпочтений в обществе и «претензий» к государству по поводу невыполнения функции общественного благосостояния. Организация государственно-частного партнерства как формы взаимодействия государства и частного бизнеса может быть использована для упорядочения индивидуальных предпочтений (ценностей) и их адекватного агрегирования в общественном выборе. При этом важно адекватное институциональное обеспечение многообразных форм организации ГЧП как особой технологии агрегирования индивидуальных ценностей.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, формальные институты, индивидуальные ценности, коллективные предпочтения, общественный выбор.

JEL: E22, H54.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10017

Институциональный подход к анализу категории государственно-частного партнерства позволяет рассмотреть ее в качестве особой технологии агрегирования индивидуальных (коллективных) ценностей для их структурирования в качестве общественного выбора. Это имеет особую значимость для социально-экономических систем с низкими или нулевыми темпами роста. В условиях экономической стагнации государства должны использовать потенциал формальных институтов для расширения практики ГЧП в реализации капиталоемких общественно значимых проектов. Уже в среднесрочной перспективе они способны обеспечить такие позитивные результаты, как стабилизация макроэкономического эффекта и улучшение общественного благосостояния, что приведет к сокращению излишней противоречивости

индивидуальных предпочтений в обществе. В таком контексте государство может использовать многообразие форм ГЧП в качестве специфического инструмента повышения реалистичности агрегирования индивидуальных ценностей в виде общественного выбора.

Теоретический анализ позволяет структурно дифференцировать многочисленные формы ГЧП на типичные рыночные, иерархические и гибридные модели организации в рамках «институциональных матриц». Их поэлементная вариабельность дает возможность для бесконечного множества вариантов ГЧП в зависимости от специфических требований партнеров, приоритетности отраслей и сфер экономической деятельности, фаз экономической динамики национального сообщества. Сравнительный анализ динамики реализации ГЧП-проектов и экономического эффекта, обусловленного ими, может служить основой для оценки адекватности упорядочения индивидуальных предпочтений участников этих проектов, их сочетания с коллективными ценностями всех заинтересованных лиц.

Организация хозяйственной деятельности на партнерских началах с участием частного бизнеса и государства позволяет оценить адекватность агрегирования индивидуальных интересов в общественный выбор на примере оценки вклада общественно значимых ГЧП-проектов в социально-экономический прогресс общества. В этой связи появляется возможность оценить потенциал формальных институтов, как общественных благ, создаваемых государством, через призму его вклада в реализацию функции общественного благосостояния. В случае успеха ГЧП государство может оперировать своим умением агрегировать с их помощью общественный выбор, обеспечивая необходимое качество институциональной среды. Стабилизация темпов экономического роста за счет реализации инфраструктурных проектов на базе ГЧП позволит решать социально-экономические проблемы на уровне домохозяйств. Это будет служить демонстрацией значимости для государства индивидуальных предпочтений.

Деятельность государств в условиях торможения экономической динамики обычно оценивается позитивно в случае ее ускорения и негативно в случае замедления. Это предопределило возросшую значимость выбора технологий общественного выбора в национальных сообществах. Данной проблеме был посвящен первый саммит Всемирного экономического форума в сентябре 2017 г., на котором обсуждался механизм обеспечения устойчивого развития (*Sustainable Development Impact Summit*) стран мира. Мнение экспертов было единодушным: базовым элементом этого механизма должна стать практика широкомасштабного использования разнообразных форм ГЧП. По мнению политиков, ученых и практиков, только расширение партнерства государства и частного бизнеса позволит к 2030 г. достичь целей

устойчивого развития (*Sustainable Development Goals*) и реализовать положения Парижского соглашения по климату. Такую значимость ГЧП следует трактовать в контексте необходимости формирования и расширения организационных структур партнерства (сотрудничества, кооперации) государства и частного бизнеса, потенциал которого огромен, а степень реализации в странах мира незначительна.

Государство и агрегирование общественного выбора

Государство выступает центральным элементом национальных социально-экономических систем. Выполняя вмененные ему обществом функции, оно реализует в них регулирующее (организующее) начало, укрепляя динамическое равновесие всей целостности. Такое качество государства формировалось постепенно в процессе длительной эволюции социума. Подобно любой целостности социально-экономическая система постепенно совершенствовала механизмы своей саморегуляции, обеспечения гомеостаза (равновесия, устойчивости), реализация которых в значительной степени была связана с функциями государства.

В современных условиях в странах с высоким и средним уровнем развития экономики населению обеспечены элементарные условия доступа к общественным благам и институционализация экономического взаимодействия. В настоящее время на повестку дня поставлена фундаментальная проблема реализации государством такого общественного выбора, который бы агрегировал индивидуальные ценности основной массы граждан, создавая у них чувство социальной справедливости, доверия к государству. Это – обеспеченная старость, полноценное медицинское обслуживание, адекватная реализация законов, т. е. уверенность в завтрашнем дне и в действенном патернализме со стороны государства. Проблема агрегирования индивидуальных ценностей и адекватного общественного выбора становится все более актуальной в свете современных глобальных тенденций, в числе которых усиление социально-экономического неравенства в мире, сокращение среднего класса, рост коррупции в высших эшелонах власти, увеличение неформального сегмента национальных экономик.

Формальные институты и агрегирование индивидуальных ценностей: экономическая сфера

Институциональное обеспечение рыночных отношений в современной экономике предопределяет не только экономический рост, но и социальную стабильность, преемственность поколений, действенность социального договора между обществом и государством. Однако

сфера экономики является доминирующей, поскольку именно уровень ВВП и его годовые темпы роста определяют те нормы жизни, на которые могут рассчитывать граждане. Этот факт стал особенно актуальным в конце 2019 г., поскольку замедлилась экономическая динамика в мире. Д. Асемоглу [1, с. 209] выразил эту мысль следующим образом: «...понимание институциональных изменений в мире является ключом к пониманию причин начала мирового экономического роста более 200 лет назад» и его перманентного сокращения, начиная с глобального финансового кризиса 2007–2009 гг.

Удивительно, что мотивация деятельности бизнес-структур не изменилась: их стремление минимизировать трансакционные издержки в процессе реализации рыночных сделок зависит от взаимодействия формальных и неформальных институтов [2]. Спецификацию прав собственности государство реализует в соответствии с функцией служения обществу с максимальной экономической отдачей. Однако на самом деле все меняется и требует модификации устоявшихся общественных структур. С течением времени прежде эффективные институты на определенных этапах экономического роста становятся неприемлемыми в рыночной ситуации со stagnирующей экономической динамикой. Сегодня ясно, что универсальных эффективных формальных институтов, приемлемых для любого общества, в котором реализуется агрегирование индивидуальных ценностей, быть не может. Каждое общество вынуждено решать проблемы реализации общественного выбора, исходя из национальной социально-экономической специфики.

Государство должно выполнять роль центра в сложном специализированном и интегрированном обществе экономических агентов, а также учитывать их стремление сократить объем трансакционных издержек с опорой на формальные институты [3]. Тем не менее реально существующие сегодня национальные сообщества дают диаметрально противоположные социально-экономические результаты только по причине фундаментальных различий в их институциональных структурах. В качестве примера, как правило, приводят опыт Южной и Северной Кореи. Одна структура формальных (и неформальных) институтов стимулирует быстрый экономический рост, как в случае с Южной Кореей. Другой вариант институциональных механизмов ведет к экономическому застою, как в Северной Корее. Возникают вопросы: почему одни национальные сообщества предпочитают формальные институты экономического роста, а другие голосуют за институты экономического застоя? Каковы причины институционального характера, которые обуславливают торможение темпов экономического роста на всем глобальном пространстве после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.?

По данным МВФ, опубликованным в октябре 2019 г. [4], темпы роста мировой экономики замедляются. Так, показатели экономического роста на глобальном пространстве по итогам года сократились с 3,8% (в 2017 г.) до 3% (в 2019 г.), оказавшись самыми низкими со времени глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. МВФ прогнозировал увеличение темпов роста мировой экономики до 3,4% в 2020 г. – расчеты 2019 г. еще не могли предвидеть и учесть разрушительный результат кризиса, вызванного пандемией.

На тот период вполне можно было предположить, что экономическая стагнация обуславливает возникновение неформальных институтов, которые поддерживают расширение сферы распространения теневого бизнеса, сокращение среднего класса, увеличение социально-экономического неравенства и кардинальное изменение ценностных ориентиров граждан, обреченных на нищету, с соответствующими стандартами жизни. Другими словами, в условиях экономической стагнации государство утрачивает возможность сформировать структуру формальных институтов, способных сократить ареал распространения неформальных институтов, вызывающих иррациональное асоциальное поведение экономических агентов. Становятся трудно-разрешимыми проблемы адекватного агрегирования индивидуальных ценностей и обеспечения рационального общественного выбора в национальных сообществах.

Политико-экономический подход к институционализации механизма агрегирования общественного выбора

Экономическая неопределенность в мире, с одной стороны, обуславливается качеством институциональной структуры в обществе, а, с другой – сама обуславливает структуру формальных институтов, которые позволяют государству обеспечивать функционирование механизма агрегирования индивидуальных ценностей для реализации общественного выбора [5]. Результаты этого взаимодействия в различных национальных сообществах могут быть абсолютно противоположными. Это объясняется тем, что в сложноструктурированных современных национальных системах механизмы общественного выбора, включая формальные институты и экономическую политику государства, отличаются большим разнообразием, в т. ч. и технологий агрегирования индивидуальных ценностей под лозунгом блага для всего общества. Национальные социально-экономические системы представляют собой совокупность взаимосвязей экономических агентов, которые придерживаются противоречивых норм поведения и социальных ценностей. В итоге общественный выбор, опосредованный государством, из мно-

жества индивидуальных ценностей реализует равновесный политико-экономический результат в обществе. Агрегирование норм поведения тех или иных доминирующих групп экономических субъектов не обязательно ориентируется на общий социальный выигрыш, на обеспечение экономического и социального прогресса.

Государство, отвечая за обеспечение гомеостаза национальной системы и используя для этого различные возможности механизмов агрегирования, нацелено на разрешение наиболее острых противоречий в обществе, которые могут нарушать его стабильность. Для этого используются различные политические институты, способные урегулировать возникающие конфликты в процессе агрегирования индивидуальных ценностей для обеспечения общественного выбора. Именно в этом смысле необходимо оценивать взаимосвязи между формальными и неформальными институтами, институциональной средой и факторами экономического роста, а также интегрировать их в политико-экономические модели коллективного выбора. Такой подход позволяет определить причины различий между национальными сообществами в типах институтов, в темпах роста ВВП и в перспективах экономической динамики, свести их к политико-экономическим моделям. Так появляется возможность выявить сущность и формы проявления конфликтов интересов и ценностей, на которые ориентируются в своем поведении основные экономические и политические игроки. В этом контексте следует понимать слова основателя Всемирного Экономического Форума (World Economic Forum) Клауса Шваба о том, что экономическая система любой национальности сегодня должна все быстрее преобразовывать «капитализм для акционеров» («shareholder capitalism») в «капитализм для всех заинтересованных сторон» («stakeholder capitalism») [6]. В условиях обострения фундаментальных проблем, связанных с драйверами развития социально-экономических систем в будущем, должно меняться и государство, его мотивация, нормы поведения и механизмы адекватного обеспечения коллективного выбора приоритетных ценностей в обществе. В этой связи должны стать прозрачными предпочтения государства по институциональным и политическим механизмам, которые опосредуют агрегирование индивидуальных ценностей.

Обеспечение коллективного выбора индивидуальных ценностей в обществе реализуется как результат взаимодействия неформальных и формальных институтов в сфере экономики при условии их сочетания с политическими институтами. По мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, понимание феномена взаимодействия экономических и политических институтов имеет огромную значимость само по себе. Его значимость возрастает в контексте опосредования механизма агрегирования индивидуальных ценностей в обществе [7]. Институци-

ональная структура в сфере экономики возникает и трансформируется в процессе взаимодействия экономических агентов. При этом политика служит инструментом их создания и используется государством вполне осознанно, опосредуя распределение власти в обществе. В конечном итоге именно последнее служит формой агрегирования общественного выбора из многообразия индивидуальных ценностей. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон выражают эту мысль следующим образом: «Политические институты определяют, кто обладает властью в обществе и для каких целей эта власть может быть использована» [7, pp. 79–80].

Поэтому политико-экономические модели, которые генерируются государствами в разных национальных сообществах, различаются технологиями урегулирования противостояния государства и отдельных индивидов или их доминирующих групп по вопросам экономической стратегии будущего [8]. При этом только политико-экономические согласования государством индивидуальных предпочтений в обществе определяют выбор формальных институтов для реализации стратегии ускорения или торможения экономического роста на национальном уровне.

Государственно-частное партнерство как форма институционализации общественного выбора

В условиях замедления глобальной экономической динамики современные национальные государства столкнулись с необходимостью институционализировать такие технологии общественного выбора, которые бы сопровождались привлечением потенциальных инвесторов к финансированию общественно значимых проектов. Это связано с тем, что демпфировать наметившиеся негативные тенденции в экономике в обозримом будущем можно только посредством использования факторов роста, связанных с формами организации бизнеса. Они имеют непосредственное отношение к факторам инклюзивного роста национальных экономик и реализации внутреннего потенциала развития. Значимость такой постановки вопроса возрастает для стран, подобных России, у которых торможение экономического роста сопровождается введением западных санкций в отношении крупнейших национальных корпораций и их руководителей. При этом в условиях экономической стагнации замедляется прирост бюджетных доходов и возникает необходимость повышать эффективность расходов государства в обеспечении растущих социальных потребностей.

Адекватное обеспечение государством ГЧП экономическими и политическими институтами может превратиться в инструмент компенсации негативных последствий низких темпов роста ВВП и консолидации бюджетных фондов. Расширение внедрения ГЧП в практику

государства по предоставлению общественных благ следует интерпретировать в контексте эффективного агрегирования коллективного выбора, что, при умелом использовании, может обеспечивать мультипликационный эффект в показателях финансовой стабильности национальной экономики.

В такой интерпретации ГЧП становится формой институционализации организационных структур в бизнесе, которая опосредует технологию агрегирования индивидуальных ценностей посредством развития общественно значимой инфраструктуры при участии бюджетных и внебюджетных средств. Данный феномен объективно обусловлен тем, что в современной рыночной экономике одновременно сосуществует множество разнообразных форм взаимодействия частных компаний. При этом реальна возможность расширения партнерства с государством при условии заинтересованности в нем частного бизнеса. Партнерство частного бизнеса и государства предполагает связь транзакций с общественными благами и услугами, финансирование предложения которых осуществляется государством за счет части национального дохода.

Исследования по проблеме ГЧП [9] позволяют свести все известные формы организации сделок с общественными благами к трем основным: рынку, фирме (или иерархии) и гибридным соглашениям. Последние формы организации ГЧП следует отнести к наиболее перспективным с точки зрения реализации их потенциала, поскольку они совмещают, в разных сочетаниях, отдельные характеристики и рынка, и фирмы [10]. Первая типичная форма организации транзакций с общественными товарами и услугами реализуется в процессе их обмена, с одной стороны, при участии частного бизнеса, и с другой – государства. Эти отношения между продавцом и покупателем, которые представлены частным и государственным секторами, можно условно свести к их партнерству в рыночных сделках купли-продажи. Иерархия как форма партнерства государства и бизнеса представлена акционерными обществами, в капитале которых, в разных пропорциях, участвует государство. Здесь речь идет о полноценном цикле, включающем как производство, так и реализацию общественных благ.

Особенность гибридных соглашений между государством и частным бизнесом заключается в том, что их партнерство оформляется еще на предпродажной стадии транзакции. Кроме того, для его реализации формируется консорциум в виде акционерного общества со всеми его участниками (частными и государственными), которое отвечает за реализацию проекта, включая его финансирование и все стадии вплоть до завершения [11]. Именно гибридные формы партнерства государства и частного бизнеса являются наиболее перспективными в качестве технологии агрегирования индивидуальных

ценностей в общественный выбор, поскольку позволяют варьировать разнообразными инструментами реализации бизнеса с общественными благами и совмещать при этом интересы участников ГЧП. Для этого государство должно создавать приемлемые для всех участников гибридных соглашений правила поведения, имитируя рыночные условия ведения бизнеса [12]. Дж. Ходжсон определял рыночный контракт в качестве результирующего сочетания формальных институтов, с одной стороны, и легитимации менее формальных обычаев и традиций (неформальных институтов), унаследованных от прошлого, с другой. При этом сущность контрактного соглашения находит свое отражение и во взаимопроникновении гражданского общества и государства и одновременно в их относительной автономии [13].

Технологии агрегирования общественного выбора наиболее адекватно реализуются при организации гибридных форм ГЧП, опосредующих транзакции между государственным и частным секторами путем организации таких видов партнерства, как контракты на управление и лизинг, лизинговые контракты, концессии, контракты на «зеленые» проекты [14]. Эти контракты отличаются тем, что все участники ГЧП вступают друг с другом в сложные взаимодействия и «альянсы», основанные на партнерстве и кооперации. При этом все многообразие моделей ГЧП подчинено цели сокращения транзакционных издержек путем оптимального разделения рисков между государством и частным бизнесом и закрепления расходов по созданию новых услуг общественного сектора, механизмов получения доходов. В миссию государства при этом входит создание формальных институтов, позволяющих реализовать оптимальные для партнеров «правила игры», выгодные условия реализации транзакций и эффективные стимулы участия частных инвесторов [15]. Государство таким образом реализует свои функции перед обществом, агрегируя общественный выбор из многообразия индивидуальных ценностей. Что же касается заинтересованности частного бизнеса, то она обусловлена его стремлением максимизировать прибыль (долю рынка, стоимость публичной компании). В итоге возникает возможность сэкономить бюджетные средства, а также увеличить количество и улучшить качество общественных благ, предложение которых финансируется за счет государственного бюджета.

Итак, суть категории ГЧП заключается в организации различных форм кооперации государства и частного бизнеса для целей осуществления транзакций с любыми общественными благами и услугами, предложение которых относится к функции государства, и на условиях, продиктованных последним. Кроме того, ГЧП можно интерпретировать в контексте одной из технологий агрегирования индивидуальных ценностей и формирования коллективного выбора в сфере производства и предложения общественных благ.

Многообразие форм ГЧП в контексте технологии агрегирования индивидуальных ценностей и формирования общественного выбора

Каждая из упомянутых форм институционализации обмена характеризуется уникальным сочетанием ненулевых трансакционных издержек и делегированных партнерами правомочий собственности друг другу. Механизмы минимизации трансакционных издержек обладают специфическими особенностями, которые обеспечиваются формальными и неформальными институтами. К. Менар [16], подытоживая мысли О. Уильямсона и его последователей [17, с. 325], писал, что любую рыночную экономику можно представить как систему многообразных форм организации различных «управленческих структур». А они, в свою очередь, могут быть поняты как «институциональные матрицы», т. е. институционализированные организационные формы сотрудничества экономических агентов по поводу реализации трансакций, которые предполагают наличие согласованных правил игры, механизмов поощрения добросовестного поведения партнеров и механизмов их наказания за оппортунизм. Именно институциональный подход к трактовке всего многообразия форм организации трансакций, включая и ГЧП, позволяет структурировать их в рамках институциональных матриц [18].

Что касается государства как партнера частного бизнеса, то следует учитывать диалектическое противоречие, заложенное в самом феномене государства, которое проявляется во всех организационных формах ГЧП, включая их «институциональные матрицы». Р. Познер [19] связывает эту специфику с тем, что любые решения государства как регулятора (субъекта управления) должны соответствовать критерию экономической эффективности в плане реализации «принципа максимизации богатства» или «принципа минимизации трансакционных издержек» для всего общества. Но это достижимо только в том случае, если формальные институты, опосредующие общественный выбор, будут имитировать рынок, т. е. распределять права собственности подобно рынку в условиях ненулевых значений трансакционных издержек [19]. Другими словами, государство, будучи регулятором, должно обеспечивать сокращение трансакционных издержек частного бизнеса с помощью созданных формальных институтов. Именно такая технология общественного выбора из многообразия индивидуальных ценностей устраивает экономических агентов. В таком качестве формальные институты обеспечивают возможность максимизировать прибыль экономических агентов по мере сокращения трансакционных издержек.

Вполне определенно можно утверждать, что меры институционального характера и модели коллективного выбора, используемые национальными государствами, являются первопричиной как успехов, так

и неудач на пути оптимального сочетания бюджетных и внебюджетных источников финансирования долгосрочных капиталоемких ГЧП-проектов в сфере общественно значимой инфраструктуры. В современных условиях проблемы масштабного строительства и реорганизации общественной инфраструктуры в странах со стагнирующей экономикой возможно решить только в рамках системы взаимодополняющего долгосрочного финансирования при участии как властных структур, так и институциональных и частных инвесторов. Однако для расширения практики реализации инфраструктурных проектов в форме ГЧП государство должно изменить структуру национального финансового рынка, институционально обеспечить функционирование сегмента долгового финансирования публичных инфраструктурных ГЧП-проектов. Далее оно должно генерировать обращение соответствующих инструментов, например, инфраструктурных облигаций, необходимых участникам гибридных соглашений, а также определить условия допуска институциональных игроков и прочих инвесторов в пулы инвесторов. В этом контексте гибридные соглашения для реализации ГЧП в сфере развития общественной инфраструктуры представляются наиболее перспективными. Именно они позволяют использовать финансовые пулы с участием бюджетных фондов и частных инвестиций в процессе реализации всех стадий капиталоемких проектов.

Организацию этих проектов целесообразно ассоциировать с одной из форм реализации технологии коллективного выбора в условиях торможения экономического роста. Эффективность агрегирования коллективного выбора может быть достигнута в случае, если будет обеспечена высокая отдача капитальных расходов государства и частных инвестиций, достижимая только при условии их адекватного институционального обеспечения со стороны государства. В результате можно ожидать расширения практики использования гибридных соглашений по ГЧП-проектам, что позволит обеспечить не только поддержание уже действующих объектов инфраструктуры, но и реализацию большего количества долгосрочных капиталоемких инфраструктурных новостроек.

Другими словами, в условиях бюджетных ограничений и консолидации бюджетных фондов коллективный выбор объективно принимает форму совместного финансирования проектов развития общественно значимой инфраструктуры на условиях гибридных соглашений в форме ГЧП. Их многообразие позволяет в каждом конкретном случае варьировать условия реализации проектов путем оптимизации распределения рисков между партнерами, разделения правомочий собственности между ними. Доказательством приемлемости той или иной организационной формы инфраструктурных ГЧП-проектов посредством гибридных соглашений является степень минимизации трансакционных издержек для партнеров по трансакции.

Заключение

В современном мире значительная часть национального дохода перераспределяется в бюджет государства в лице федеральных и местных органов власти. Средний налогоплательщик заинтересован в том, чтобы доходы государства тратились на такие общественные блага, которые соответствуют его представлениям о социальной справедливости и индивидуальным предпочтениям. Каждый гражданин судит о своем государстве по его политическим решениям в сфере своих интересов. И если результаты политики государства вызывают нарекания со стороны рядовых избирателей, то общественный выбор, который предопределяет действия государства во всех сферах жизни общества, подвергается критике. Она проявляется в разных формах, начиная от пассивного недовольства и кончая активными действиями митингующих. В условиях закрепившейся в мире тенденции к сокращению темпов экономического роста значимость адекватности общественного выбора многократно возрастает. Это связано с тем, что при сокращении прироста национального дохода увеличивается количество недовольных общественным выбором национального государства. Об этом свидетельствуют и бурные дебаты о реформах пенсионных систем, о необходимости заключения нового социального договора в национальных обществах, о причинах растущей поляризации доходов в мире.

В этих условиях государство выступает главной стороной, в адрес которой предъявляются претензии в связи с неадекватным агрегированием индивидуальных ценностей в национальных обществах. Главным «полем битвы» за адекватный общественный выбор, естественно, выступает экономика, темпы ее роста и ухудшающаяся динамика доходов на душу населения. Поэтому государство заинтересовано в том, чтобы оптимизировать свою роль в ускорении экономической динамики. Самым действенным инструментом в его руках являются формальные институты, способные стабилизировать бизнес-среду для экономических агентов, сократить хозяйственные риски и создать стимулы для долгосрочных капиталовложений в национальную экономику. При условии положительной экономической динамики в стране граждане смогут рассчитывать на рост материального благосостояния, что будет свидетельствовать отчасти о корректировке общественного выбора в пользу учета индивидуальных ценностей.

Однако если формальные институты не могут дать немедленного экономического эффекта, то перед государством встает необходимость выбора приоритетной сферы экономической деятельности в своей стране, бюджетное финансирование которой позволит обеспечить рост общественного благосостояния. Каждая страна делает свой выбор. В России, например, в среднесрочной перспективе в основу

реализации общественного выбора была положена технология приоритетного развития национальных общественно значимых проектов за счет бюджетного финансирования. При этом низкие темпы роста национальной экономики ограничивают возможности государственных финансов с точки зрения полноценного финансирования национальных проектов, особенно в общественно значимой инфраструктуре. В этой связи ориентация на смешанное государственно-частное финансирование на базе ГЧП может сыграть существенную роль в ускорении макроэкономической динамики. Однако для этого надо решить самую острую проблему, сложившуюся на рынке ГЧП-проектов в России. На сегодня она характеризуется отсутствием предложения со стороны государства квалифицированно подготовленных коммерческих проектов, которые бы заинтересовали частных инвесторов, готовых вложиться в них при условии адекватного институционального обеспечения, гарантированной отдачи и адекватного распределения между партнерами многочисленных финансовых рисков. Помимо этого, только государство может сформировать сегмент финансового рынка, на котором будут обращаться соответствующие финансовые инструменты, необходимые для реализации ГЧП-проектов. Успех государства в решении этих проблем будет способствовать повышению качества общественного выбора в контексте учета индивидуальных предпочтений граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Дело, 2018.
2. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
3. Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государственно-частное партнерство: институциональный подход. М.: Аспект Пресс, 2019.
4. World Economic Outlook. New York: International Monetary Fund, 2019.
5. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2015.
6. Шваб К. Какой капитализм нам нужен // Ведомости. 02.12.2019.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Publishers, 2012.
8. Заостровцев А.П. История по Асемоглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 32–43.
9. Vaslavskiy Y., Vaslavskaya I. Infrastructure Public-Private Partnership Projects: Budget Consolidation Policy in Russia and Government Expenditures Efficiency Increase.// In: Modeling Economic Growth in Contemporary Russia./ Ed. by B.S. Sergi. Bingley: Emerald Publishing, 2019. P. 203–232.
10. Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. London: Polity Press, 1988.

11. *Eganyan A.* Investment in Infrastructure: Money, Projects, Motivation. PPP, Concessions, Project Financing. Moscow: Alpina Publisher Inc., 2015.
12. *Shirley M., Walsh P.* Public versus Private Ownership. The Current State of the Debate. // Policy Research Working Paper № 2420. World Bank, 2000.
13. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М.: Дело, 2003.
14. Private Participation in Infrastructure Projects Database. World Bank Group: Public-Private Infrastructure Advisory Facility, 2008. ppi.worldbank.org.
15. *Meggison W.L.* Privatization, State Capitalism, and State Ownership of Business in the 21st Century // Foundations and Trends in Finance. 2016. ssrn.com/abstract=2846784.
16. *Menard C.* The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. Vol. 160. No 3. P. 345–345.
17. *Williamson O.* The Mechanisms of Governance. Oxford: Oxford University Press, 1996.
18. *Boardman A.E., Vining A.R.* Ownership and Performance in Competitive Environments: a Comparison of the Performance of Private, Mixed and State-Owned Enterprises // Journal of Law and Economics. 1989. Vol. 32. No 1. P. 1–33.
19. *Posner R.A.* Economic Analysis of Law. USA: Wolter Kluwer Co., 1998.

ABOUT THE AUTHOR

VASLAVSKY Jan Ilyich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
vaslavsky@yandex.ru

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGY FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC CHOICE: A THEORETICAL APPROACH

Given the inhibition of global economic growth and increased polarization of incomes in countries around the world, the problem of the adequacy of reflecting of individual values in the resulting public choice is compounded. The contradictions of individual preferences in society and “claims” to the state over the failure to fulfill the function of public welfare are growing. The organization of public-private partnerships as a form of interaction between the state and private business can be used to streamline individual preferences (values) and their adequate aggregation in public choice. At the same time, adequate institutional support for the diverse forms of PPP (Private-Public Partnership) organization as a special technology for aggregating individual values is important

Key words: *public-private partnership, formal institutions, individual values, collective preferences, public choice.*

JEL: E22, H54.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.Н. КОРЕПАНОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

НАУКА В РОССИИ – СТАГНАЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

В постсоветский период в отечественной науке последовательно протекали процессы разрушения, восстановления и стабилизации (или стагнации). Отдельные составляющие научного потенциала вовлекались в эти процессы в разной мере и неодновременно, а большинство их параметров не достигло дореформенного уровня. Тем не менее в науке происходили и происходят эволюционные изменения, свидетельствующие о постепенной переориентации организаций на собственные источники развития. Вслед за увеличением удельного веса научных организаций с частной формой собственностикратно выросла доля собственных средств в инвестициях в основной капитал в науке, удвоилась доля промышленности в затратах на науку и т.п. Эти изменения носят устойчивый характер и могут быть экстраполированы в будущее.

Ключевые слова: научные исследования и разработки, кризис, восстановление, стагнация, эволюция, затраты, инвестиции.

JEL: I22, I28, H52, O15.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10018

В процессе развития российской науки в 1992–2018 гг. можно условно выделить три этапа – условно, поскольку отдельные составляющие научного потенциала вступали в эти этапы неодновременно и в разной мере. Первый этап – разрушительный (1992–1995 гг.) – характеризовался многократным уменьшением затрат на научные исследования и разработки (ИР), распадом научно-технических комплексов, падением численности персонала, выполняющего ИР, и т.д. С 1996 г. начинается «восстановительный» период, но восстановление ограничивается избирательным увеличением затрат на ИР с целью сохранения ведущих научных организаций (НО) (прежде всего государственного сектора науки) и поддержки кадров науки. Однако численность занятых в ИР продолжала сокращаться, а техническая вооруженность их труда уменьшаться. Восстановление материально-технической базы науки началось только

с 2002 г., но и в 2017 г. техническая вооруженность труда исследователей была в 1,5 раза ниже дореформенного уровня.

Финансирование ИР устойчиво нарастало до 2009 г., так что удельные затраты (в расчете на одного занятого) превзошли уровень 1991 г. (в постоянных ценах).

Признаки стабильности или даже застоя прослеживаются на протяжении всего постсоветского периода. Структура затрат на ИР после кризисных сдвигов начала реформ остается практически постоянной. Разрушение отраслевой науки обусловило резкое снижение доли прикладных исследований (ПИ) в общих затратах на ИР. Соотношение расходов на фундаментальные исследования (ФИ), ПИ и разработки (Р) в 1991 г. имело вид 1:3:5, а в 1994 г. – 1:1,2:3,7 и с тех пор заметно не менялось. Лишь доля ФИ временно увеличилась в 2006–2010 гг. в связи с форсированием работ по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники.

Остается стабильным распределение внутренних затрат на ИР по областям науки (с доминированием технических наук), а также по федеральным округам РФ. В структуре расходов на ИР по источникам финансирования по-прежнему преобладают средства бюджетов РФ и субъектов РФ. Распределение по секторам науки расходов на выполнение работ по приоритетным направлениям науки с точностью до долей процента соответствует распределению общих затрат на ИР.

Однако в рамках этих вялотекущих восстановительных процессов и консервативных явлений происходят менее заметные, но принципиально значимые структурные сдвиги, свидетельствующие о направленной трансформации экономических отношений в науке. Прежде всего это изменения в структуре собственности и как следствие – в распределении затрат на ИР по формам собственности организаций, в структуре источников финансирования капитальных затрат в ИР, изменения в распределении самих капитальных вложений по направлениям их расходования и в распределении затрат на ИР по видам экономической деятельности. В статье предпринята попытка анализа этих явлений – в дополнение к исследованиям, которые ранее были выполненным автором (см.: [1; 2]).

1. Формы собственности в науке

Драматические коллизии приватизации государственных организаций по сию пору потрясают общество. Но скандалы касаются обычно промышленных предприятий, а отношения собственности в таком малоодоходном виде деятельности, как ИР, остаются вне поля зрения. Между тем процессы разгосударствления в науке, пройдя в начале 1990-х годов через бурный период стихийной приватизации,

приобрели в 2000-х эволюционный характер и заметно ускорились с 2010 г.

Сфера ИР обычно рассматривается как совокупность научных организаций. Между тем ИР как вид деятельности включает в себя и организации научного обслуживания, которых на порядок больше, чем НО. Изменения форм собственности в этих группах организаций протекали по-разному. В ИР как виде деятельности в целом шло стремительное сокращение организаций всех форм собственности при относительной стабильности их структуры (табл. 1). При этом абсолютно доминировали и доминируют организации с частной формой собственности.

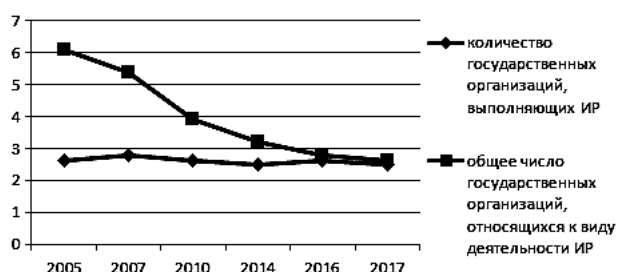
Таблица 1

**Организации, относящиеся к виду деятельности ИР,
по формам собственности**

	Тыс. ед.			%		
	2005 г.	2010 г.	2017 г.	2005 г.	2010 г.	2017 г.
Всего	73,6	41,9	37,3	100,0	100,0	100,0
Государственная и муниципальная	6,1	3,9	2,6	8,3	9,3	7,0
Частная	57,9	33,7	29,8	78,7	80,4	79,9
Смешанная российская	6,1	2,7	3,3	8,3	6,4	8,8

Источник: составлено автором по: Российский статистический ежегодник, 2009, 2014, 2019. М.: Росстат, 2009, 2014, 2019.

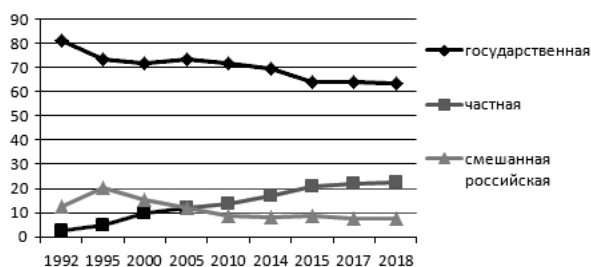
Напротив, среди НО первенство традиционно принадлежит государственным организациям. Причем их количество, уменьшившись за 1992–2005 гг. на 37%, оставалось в последующие годы относительно постоянным, тогда как общее число государственных организаций, относящихся к виду деятельности ИР, быстро сокращалось на всем протяжении реформ. В результате среди государственных организаций сохранились почти исключительно НО (рис. 1).

Источник: составлено автором по: Российский статистический ежегодник, 2000, 2014, 2019.

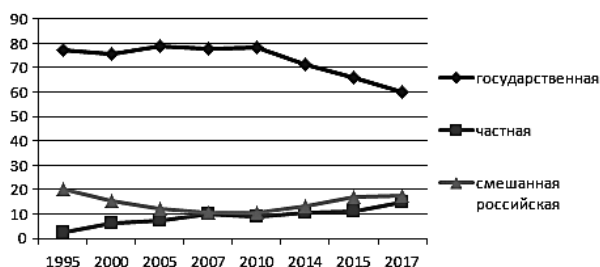
Рис. 1. Государственные организации в сфере ИР, тыс. ед.

Казалось бы, все это говорит о консерватизме организационной структуры науки. Но анализ соотношений количества НО различных форм собственности свидетельствует о другом. При стабилизации числа государственных НО их высокая доля в общем количестве НО сохранялась только до 2010 г. Затем последовало быстрое ее уменьшение в пользу частных НО (рис. 2), количество и удельный вес которых устойчиво повышались в 1992–2018 гг., демонстрируя естественный эволюционный процесс преобразования отношений собственности в науке.

Источник: составлено автором по: Наука России в цифрах: 1995. Краткий стат. сб./ ЦИСН. М., 1996; Индикаторы науки: 2019. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2019; Наука. Технологии. Инновации: 2020: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
Рис. 2. Распределение организаций, выполняющих ИР, по формам собственности, %

Доля и число НО со смешанной формой собственности, достигнув максимума в 1995 г., затем последовательно снижались в связи с ведомственной политикой укрупнения (слияния) или ликвидации деградировавших организаций. При этом численность персонала, выполняющего ИР в организациях смешанной формы собственности, достигнув минимума в 2007 г., затем стала медленно увеличиваться. В итоге численность персонала, выполняющего ИР в государственных НО, за 1995–2017 гг. сократилась почти вдвое, а в НО со смешанной формой собственности – в 1,7 раза, тогда как в частных НО она выросла в четыре раза. Поэтому доля государственных НО в численности занятых уменьшилась заметнее, чем их доля в количестве организаций (рис. 3).

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2019.
Рис. 3. Распределение персонала, выполняющего ИР, по формам собственности организаций, %

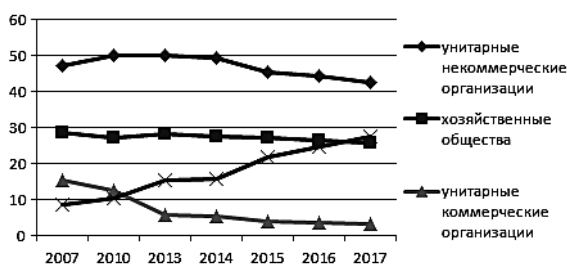
Таким образом, рост численности персонала частных НО до 2010 г. происходил за счет организаций прочих форм собственности, а после 2010 г. – только за счет государственных НО. Практически это выразилось в приватизации созданных ранее дочерних компаний государственных НО. При этом численность персонала в расчете на одну НО за 2010–2017 гг. в государственных организациях сократилось с 220 до 169 человек, в частных – с 142 до 120 человек, в НО госкорпораций – с 813 до 412 человек, а в организациях со смешанной формой собственности, напротив, выросла с 258 до 383. Уменьшение средней численности персонала НО, входящих в состав госкорпораций, произошло в результате инкорпорирования в их структуру большого количества небольших НО.

2. Организационно-правовые формы в науке

Изменения в структуре НО по формам собственности сопровождается трансформацией структуры НО по организационно-правовым формам. Эти распределения не тождественны, но в значительной мере корреспондируют друг с другом. Так, унитарные коммерческие организации и унитарные некоммерческие учреждения – это организации с государственной формой собственности. С хозяйственными обществами подобного соответствия нет. В практике статучета к государственному сектору экономики относят среди прочего акционерные общества, контрольными пакетами голосующих акций которых владеет государство. Поскольку «...наше государство в качестве ведущей формы участия в национальной экономике избрало владение и управление акциями крупных хозяйственных субъектов, постепенно отказываясь от института унитарных предприятий»[3], количество таких АО нарастает, но данных об этом нет. Неясен вопрос и о формах собственности организаций, созданных без прав юридического лица (представительств, филиалов и обособленных подразделений). Видимо, они должны в этом плане соответствовать материнским организациям, но такие данные также отсутствуют.

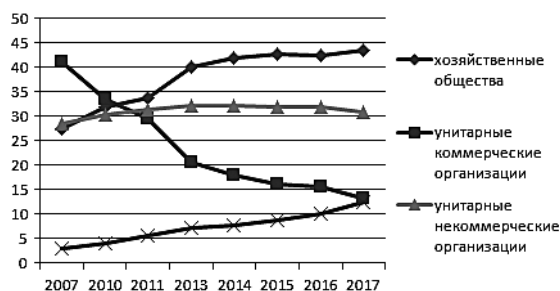
С учетом этих соображений отметим, что в 2007–2017 гг. число унитарных коммерческих организаций снизилось в 4,5 раза в результате преобразования их в АО как более эффективную форму. Количество некоммерческих унитарных организаций (вузов, академических организаций...) также уменьшилось, но не столь значительно (на 10%). Число организаций, созданных без прав юридического лица, выросло в три раза. В результате существенно изменилось распределение НО по организационно-правовым формам (рис. 4).

Сопоставление динамики численности персонала, выполняющего ИР, по формам собственности НО и организационно-правовым формам показывает, что происходит его постоянное перераспределение

Источники: составлено автором по: Индикаторы науки: 2009, 2012, 2015, 2017, 2019.

Рис. 4. Распределение организаций, выполняющих ИР, по организационно-правовым формам, %

Источники: составлено автором по: Индикаторы науки: 2009, 2012, 2015, 2017, 2019.

Рис. 5. Распределение персонала организаций, выполняющих ИР, по организационно-правовым формам, %

в пользу частных НО и НО со смешанной формой собственности за счет государственных организаций, а по организационно-правовым формам – в пользу хозяйственных обществ и организаций, созданных без прав юридического лица главным образом за счет унитарных коммерческих организаций (рис. 5).

Изменения в организационно-правовой структуре организаций, выполняющих ИР, сопровождаются укрупнением хозяйственных обществ и унитарных коммерческих организаций. Численность персонала в расчете на одну НО, относящуюся к некоммерческим унитарным организациям и организациям, созданным без прав юридического лица, меняется незначительно. Такова формальная сторона преобразований.

Автор сознает, что рассмотрение изменений форм собственности и организационно-правовых форм НО не должно ограничиваться анализом динамики этих процессов и простым их сопоставлением. Требуется изучение оснований и движущих сил этих процессов, переходных состояний, временных характеристик и результатов структурных преобразований в науке. Однако выполнение такого рода исследований выходит за рамки настоящей статьи.

3. Финансирование ИР

Описанные выше сдвиги в структуре НО по формам собственности привели к еще более существенным изменениям в распределении внутренних затрат на ИР. Если в 2010 г. на долю государственных организаций приходилось $\frac{3}{4}$ этих расходов, то в 2017 г. – только немногим более половины, а доля НО с частной и смешанной формами собственности достигла 37,9% против 22,2% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение внутренних затрат на ИР по формам собственности организаций, %

	1995 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Государственная	76,6	75,4	69,4	60,4	54,4
Частная	2,2	11,5	11,8	15,8	17,8
Смешанная российская	20,7	10,7	13,5	17,3	20,1
Госкорпораций	–	0,5	3,3	4,4	6,0

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2019.

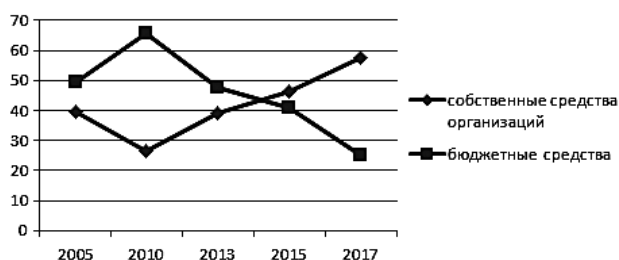
Однако, несмотря на значительное увеличение доли организаций с частной и смешанной формой собственности, государство остается главным заказчиком и спонсором науки. Доля государства в финансировании затрат на ИР по всем формам собственности снижается несущественно, а по НО госкорпораций даже растет (табл. 3). Но в структуре инвестиций в основной капитал ИР картина иная. Доля бюджетных средств в этих инвестициях сократилась за 2010-2017 гг. с 65,5 до 25,1%, а удельный вес собственных средств организаций вырос с 26,6 до 57,4% (рис. 6).

Таблица 3

Доля средств государства в финансировании внутренних затрат на ИР по формам собственности организаций, %

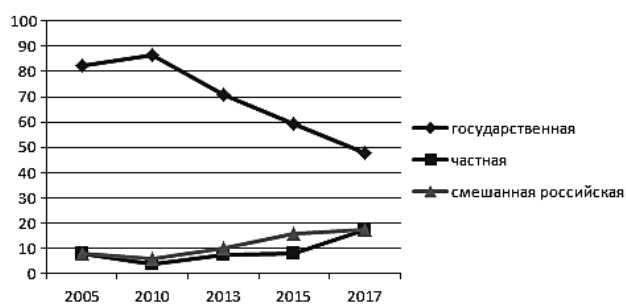
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Государственная	70,7	77,4	77,7	76,6	75,8	
Частная	27,2	40,5	39,0	39,5	37,6	
Смешанная российская	36,2	47,7	60,4	58,8	57,9	
Госкорпораций	–	26,6	50,1	50,0	67,6	
Всего	61,9	70,3	69,5	68,2	66,2	67,0

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2019; gks.ru.

Источники: составлено автором по: статистический сборник «Инвестиции в России». 2007, 2011, 2015, 2017. М.: Росстат, 2007, 2011, 2015, 2017; Статистический бюллетень «Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции». 2018. М.: Росстат, 2018.

Рис. 6. Структура инвестиций в основной капитал ИР по источникам финансирования, %

Источник: составлено автором по: статистический сборник «Инвестиции в России». 2007, 2011, 2015, 2017; Статистический бюллетень «Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции». 2018.

Рис. 7. Структура инвестиций в основной капитал ИР по формам собственности организаций, %

При этом доля организаций с государственной формой собственности в этих инвестициях стремительно уменьшается (2010 г. – 86,8%; 2017 г. – 47,9%) в пользу организаций с частной и смешанной формами собственности (рис. 7).

И еще один момент: на протяжении первых двух десятилетий реформ НО избегали включения объектов интеллектуальной собственности в состав основных фондов, поскольку это осложняло процесс приватизации и увеличивало себестоимость работ. Однако затем ситуация изменилась – если в 2011 г. удельный вес таких активов в основных фондах был около 1%, то в 2015 г. уже 5,2%. В их составе преобладали патенты на изобретения, далее следовали патенты на полезные модели, «ноу-хау» и лишь затем – свидетельства на программы для ЭВМ, базы данных и типологии микросхем [4; 5]. Но в приобретениях 2017 г., по данным Росстата, доминировали программы для ЭВМ. Доля расходов на объекты интеллектуальной соб-

ственности и продукты интеллектуальной деятельности в капитальных затратах в ИР в 2017 г. составила 5,1%, а по федеральным округам 0,5–8,6%. По этому показателю лидируют низконаукоемкие субъекты РФ, например, Новгородская обл. (44,3%), Калининградская обл. (20,4%), Волгоградская обл. (13,3%). Эти факты требуют специального анализа и истолкования. Для нас важен сам феномен перехода инициативы по созданию НО (или подразделений, выполняющих ИР) и модернизации технической базы НО, а также в приобретении (создании) объектов интеллектуальной собственности от государства к предприятиям и организациям.

4. Распределение ИР по секторам науки и видам деятельности

Здесь следует отметить увеличение доли государственного и вузовского секторов в численности занятых и в затратах на ИР – благодаря прямой их поддержке со стороны государства. Удельный вес предпринимательского сектора в количестве занятых продолжает снижаться, как и в расходах на ИР (2010 г. – 60,8%; 2018 г. – 55,6%). Но начиная с 2011 г. он демонстрирует опережающий и устойчивый рост технической базы. По оснащенности НО этого сектора уникальными стендами и научными установками он намного превосходит вузы, выполняющие ИР. Потому, например, стоимость работ в расчете на одного заказчика (стороннюю организацию) здесь на порядок выше, чем в секторе высшего образования. Существенное значение здесь имеет прикладная ориентация приоритетных направлений развития науки, технологий и техник: на предпринимательский сектор приходится около 60% общих затрат на ИР по этим направлениям.

Роль вузовской науки росла до 2015 г. включительно. В последующие два года происходило сокращение числа организаций высшего образования, выполняющих ИР, и затрат на ИР. В 2015 г. на сектор высшего образования приходилось 7% капитальных затрат на оборудование, а в 2017 г. только 5%. В результате доля сектора в общем объеме машин и оборудования, используемых в ИР, уменьшилось с 14,7% (2010 г.) до 11,3% (2017 г.). Кроме того, поддержка вузовской науки носила избирательный характер: более 50% затрат на ИР здесь приходится на национальные исследовательские университеты, ведущие классические университеты и федеральные университеты, т.е. на 41 из 970 вузов, выполняющих ИР. Однако, как отмечает Счетная палата РФ, федеральные и национальные университеты пока не демонстрируют серьезных достижений [6]. В 2005–2015 гг. вид деятельности «научные

исследования и разработки» отчасти утрачивает свое доминирующее положение в выполнении ИР в пользу вузовского сектора и промышленности, прежде всего обрабатывающей (см. табл. 4), а внутри последней – в пользу «производства компьютеров, электронного и оптического оборудования» (3,2%), «производства транспортных средств» (2,6%) и «металлургического производства и производства готовых металлических изделий» (2,3%). Удельные вес каждого из прочих видов деятельности в 2017 г. не превышал долей процента от национальных затрат на ИР.

Таблица 4

Распределение внутренних затрат на ИР по видам экономической деятельности, %

	2010 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	4,1	5,5	10,5	10,7	9,8	9,2
Добыча полезных ископаемых	0,01	0,00	0,00	0,00	0,10	0,11
Обрабатывающая промышленность	4,1	5,5	10,5	10,7	9,7	9,1
Научные исследования и разработки	85,5	92,9	77,8	77,9	79,3	79,1
Образование	7,5	8,6	9,3	8,8	8,6	9,2

Источник: составлено автором по: Индикаторы науки: 2019; grs.ru.

В добывающих производствах в 2017 г. функционировало только 4 НО, тогда как в обрабатывающих – 463 против 249 в 2005 г. Таким образом, обрабатывающая промышленность постепенно избавляется от представления ИР как обременительной обузы в пользу их признания необходимыми средствами развития.

Подведем итоги. Вопреки консервативности организационной структуры ИР, застойным явлениям в экономике и вялотекущим процессам возрождения сферы ИР в последнее десятилетие происходят сдвиги, постепенно меняющие облик российской науки. Устойчиво растет доля НО с частной формой собственности в общем числе НО и удельный вес НО с частной и смешанной формами собственности в общей численности персонала, выполняющего ИР. Эти процессы реализуются за счет НО с государственной формой собственности, но не государственного сектора науки, то есть преимущественно в рамках ее предпринимательского сектора. Статистика, очевидно, отражает конечные результаты этих превращений, не фиксируя существование

промежуточных форм организаций и «незадекларированных» хозяйственных отношений (теневой сектор науки, безусловно, имел место). Не раскрыта и экономико-правовая сторона организаций, созданных без прав юридического лица. Предоставим изучение этих вопросов будущему. Остается открытым и вопрос о временных границах многих изменений, в частности, об ускорении процессов разгосударствления в науке начиная с 2010 г.

Рост доли НО с частной формой собственности пока заметно не отразился на структуре общих расходов на ИР по источникам финансирования. Однако в инвестициях в основной капитал в ИР перемены обрели принципиальный характер: за 2010–2017 гг. доля собственных средств организаций более чем вдвое превысила долю бюджетных средств, а удельный вес организаций с государственной формой собственности, напротив, сократился почти в два раза. Кроме того, НО активно приобретают объекты интеллектуальной собственности. Увеличивается роль промышленности в ИР, особенно обрабатывающей.

Изложенное свидетельствует о все более полной переориентации промышленности на собственные источники развития. Этот процесс имеет эволюционный и устойчивый характер, что позволяет связывать с ним большие надежды, чем с «шоковой терапией».

ЛИТЕРАТУРА

1. Корепанов Е.Н. Структурные сдвиги в науке и технологических инновациях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 5. С. 23–36.
2. Корепанов Е.Н. Структурные изменения в сфере науки // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. № 4. С. 132–141.
3. Винницкий А.В. Проблемы участия государства в акционерных обществах и управления ими: правовой аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. №3. С.126–142.
4. Информационный бюллетень № 50 «Структура основных фондов исследования и разработок». М.: ИСПЭЗ НИУ ВШЭ, 26.04.2017.
5. Смазневич И. Динамика изменений материально-технической баз российской науки (4 science.ru).
6. Мендели Л.Э., Луцкекина Е.В. Фундаментальная наука: состояние и тенденции развития материально-технического потенциала. М.: ИПРАНРАН, 2018.

ABOUT THE AUTHOR

Korepanov Evgeny Nikolaevich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

SCIENCE IN RUSSIA – STAGNATION OR EVOLUTION?

In the post-Soviet period, the processes of destruction, restoration, and stabilization (or stagnation) progressively proceeded in domestic science. The individual components of the scientific potential were involved in these processes to varying degrees and not at the same time, and most of their parameters did not reach the pre-reform level. Nevertheless, evolutionary changes have been and are taking place in science, indicating a gradual reorientation of organizations to their own sources of development. Following the increase in the proportion of private-owned research organizations, the share of equity in fixed capital investments(or the share of equity in fixed assets investment) in science has increased by a factor of two, the share of industry in science costs has doubled, etc. These changes are sustainable and can be extrapolated to the future.

Keywords: *research and development, crisis, recovery, stagnation, evolution, costs, investments.*

JEL: I22, I28, H52, O15.

Н.В. СМЕРНОВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры социально-экономических дисциплин
ФГБВОУВО Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассмотрена инновационная деятельность отечественных вузов как одного из компонентов национальной инновационной системы. Осуществлен анализ современных методов трансфера результатов научных исследований вузов и проблем, стоящих на пути эффективного взаимодействия вузовской науки и бизнеса. Предложены меры по повышению инновационной активности вузов и содействию более эффективному внедрению результатов их научной деятельности в экономику.

Ключевые слова: вузовские инновации, вузовская наука, методы коммерциализации инноваций, малые инновационные предприятия, управление инновациями.

JEL: O31, O32, I23, H52.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10019

Развитые страны в настоящее время строят свою экономику с учетом инновационного компонента, который становится в один ряд с классическими факторами производства. Это актуально и для России в связи с курсом на интенсификацию экономического роста, ускорение технологического развития и увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации¹. Инновационное развитие страны неразрывно связано с производством нового знания. Академическая наука, отраслевые институты и вузы вносят свой вклад в процесс получения знаний: государственный сектор осуществляет большую часть всех исследований – 38,3%, удельный вес отраслевых институтов составляет 32,9%, на третьем месте находится сектор высшего образования – 26,4%². Распределение отечественных секторов науки по видам исследований выглядит следующим образом: фунда-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7183.

² Индикаторы науки: 2018: стат. сб. / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 119.

ментальными исследованиями в большей степени занимается академическая наука (73,6% внутренних текущих затрат на исследования и разработки), отраслевые научно-исследовательские организации, привлеченные в предпринимательский сектор, занимаются преимущественно разработками (78,3%), сектор высшего образования вовлечен как в сферу прикладных исследований (22,3% затрат), так и в разработки (20% затрат)³.

Роль высшего образования в генерации знаний, как видим, скромнее по сравнению с академической наукой и отраслевыми научными организациями. Но важно, на наш взгляд, выделить такую функцию вузов, как формирование современных компетенций. Уникальность вузовского сектора состоит, прежде всего, в том, что он совмещает в себе механизм производства знаний и механизм их передачи, то есть обеспечивает и науку (все ее секторы, включая академический и отраслевой), и экономику квалифицированными работниками, что в конечном счете является движущей силой инновационного развития. Вместе с тем вклад вузовской науки в национальную инновационную систему (НИС) будет более весомым, если усилить еще одну функцию вуза: доведение результатов своей интеллектуальной деятельности до стадии внедрения в реальную экономику. Поскольку инновация – это идея, которая была успешно внедрена, постольку и научные изыскания вузов не должны оставаться просто гипотезами и публикациями, а должны становиться активами, ускоряющими инновационное развитие страны. В настоящем исследовании представлены итоги анализа условий и практик осуществления отечественными вузами инновационной деятельности, а также проблем, возникающих на этапе внедрения результатов научных исследований и разработок.

Вузы наряду с научно-исследовательскими академическими и отраслевыми организациями являются важной составной частью инновационной системы страны. Сегодня уже недостаточно, чтобы вуз, в особенности имеющий статус федерального, опорного или национального исследовательского университета, занимался только подготовкой профессиональных кадров для народного хозяйства. Возможности вузовской науки должны быть использованы для усиления инновационного потенциала российской экономики. На совместном заседании президиума Госсовета и Совета по науке и образованию 6 февраля 2020 г.⁴ был сделан акцент на роли вуза как поставщика квалифицированных кадров, обладающих не только академическими знаниями, но и современными компетенциями, необходимыми для эффективной практической деятельности. Также отмечалась необхо-

³ Там же. С. 161, с. 185, с. 211.

⁴ www.kremlin.ru/events/president/news/62744.

димось расширить полномочия регионов в части финансирования как федеральных, так и местных вузов. Важно, чтобы вокруг вуза создавалась современная экосистема, позволяющая реализовать интеграцию академической сферы и бизнеса для решения задач инновационного развития экономики.

В мировой и отечественной практике используется ряд инструментов эффективного взаимодействия вузовской науки и бизнеса с целью трансфера результатов научных исследований и разработок: лицензионное соглашение, договор об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, малое инновационное предприятие (МИП), выполнение НИОКР в соответствии с хозяйственным договором, базовая кафедра, система массовых открытых онлайн курсов. Среди зарубежных вузов наибольшее распространение в качестве способов внедрения инноваций получили лицензионные договоры, стартапы, спин-офф компании⁵ [1]. Отечественные вузы активнее используют практику организации базовых кафедр, выполнения НИОКР по договорам, а в последнее десятилетие, после принятия в 2009 г. закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения результатов интеллектуальной деятельности»⁶, учреждают малые инновационные предприятия. Согласно сведениям из Реестра учета хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, по состоянию на 31 декабря 2019 г. в РФ создано 2960 таких предприятий, из них – при вузах 2703, исключено из Реестра 794 предприятия [2]. Бум учреждения МИПов пришелся на 2011 и 2012 гг., когда в течение года было зарегистрировано 452 и 407 соответственно. С 2013 г. начинается неуклонное снижение вновь создаваемых малых инновационных предприятий – в 2019 г. их зарегистрировано всего 52.

В России к настоящему времени сложилась особая институциональная среда, в рамках которой вузы осуществляют инновационную деятельность и которая во многом определяет направления развития этой деятельности и ее эффективность. В качестве важнейших и ставших устойчивыми характеристик этой среды следует выделить:

1. Приоритеты оценки деятельности вузов.

Действующие в России проекты национального уровня задают разные направления, в которых вузы стремятся развиваться. Так, проект

⁵ Небольшая компания, отделившаяся от основной организации с целью коммерциализации результатов научной деятельности (от англ. spin-off, spinout – раскручиваться).

⁶ Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90201/.Федеральный закон № 217-ФЗ от 02.08.2009 г.

по созданию национальных исследовательских университетов (НИУ), стартовавший в 2009 г., предусматривал присвоение статуса НИУ тем университетам, которые наряду с подготовкой кадров активно занимаются и научной деятельностью, интегрируя тем самым науку и образование. Для получения категории «НИУ» вуз должен участвовать в прорывных исследованиях и внедрять полученные результаты, прежде всего за счет создания «пояса малых инновационных предприятий». В настоящее время в России насчитывается 29 вузов, имеющих категорию «НИУ», при этом данная категория присваивается сроком на 10 лет. В 2013 г. Министерство образования и науки РФ (ныне – Министерство науки и высшего образования РФ) запустило проект, направленный на повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ, – Проект 5-100. Этот проект имеет своей целью модернизацию российского высшего образования, привлечение в образовательную среду лучших преподавателей, ученых, управленцев; укрепление конкурентоспособности российских вузов на международной арене; создание сильной академической репутации за счет проведения научных исследований; унификацию образовательных программ в соответствии с мировым опытом; экспорт образовательных услуг [3]. В проекте участвует 21 вуз, значительная часть из которых имеет категорию национальных исследовательских университетов. Следует отметить, что Проект 5-100 ориентирует вузы в большей степени на выполнение ими образовательной функции и на сохранение академических традиций. При этом научно-исследовательская сторона, а также интеграция с индустрией, отходят на второй план.

Известно, что одним из решающих факторов, определяющих рейтинг вуза, зачастую оказывается публикационная активность в отечественных и зарубежных авторитетных научных изданиях. Однако публикация научной гипотезы или результата исследования является лишь начальным этапом в инновационном процессе, который необходимо доводить до логического конца. В сложившихся условиях необходимо, чтобы в рейтингах вузов учитывалась и их инновационная активность: патенты, лицензии, наличие и деятельность малых инновационных компаний, что создаст дополнительный стимул для образовательных организаций к продвижению своих разработок.

2. Превалирование государственного финансирования научно-исследовательского сектора вузов над частными инвестициями.

Структура финансирования российского научного сектора высшего образования на протяжении последних двадцати лет остается стабильной (рис. 1). Вузовская наука в России финансируется в большей степени за счет средств государства. Более половины объема всех выделяемых финансов (60%) приходится на средства федерального

и региональных бюджетов в форме ассигнований, федеральных целевых программ (ФЦП), грантов Президента РФ и Правительства РФ, субсидий. До четверти затрат финансируется предпринимательским сектором, остальные 15% – собственные средства вузов, частных некоммерческих организаций и зарубежных источников. С одной стороны, подобная структура финансирования вузовской науки оправдана, поскольку гарантируется социальная поддержка вузовских ученых, и государство тем самым выполняет социальную функцию. С другой стороны, это ведет к удорожанию проводимых научных изысканий, а значит и к снижению их конкурентоспособности.

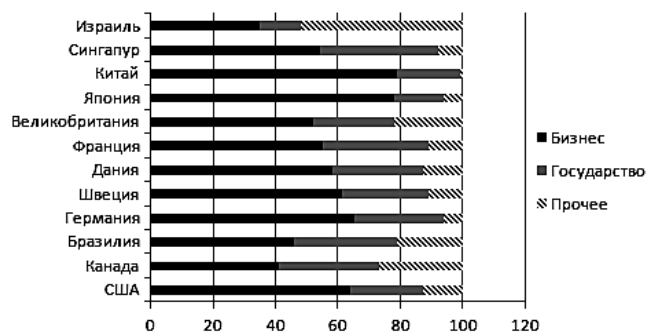
Источник: рассчитано автором по: Индикаторы науки: 2018: стат. сб. / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. www.hse.ru/primarydata/in2018.

Рис. 1. Структура внутренних затрат РФ на исследования и разработки в секторе высшего образования, %

Недостаточная кооперация с компаниями возмещается из госбюджета за счет заказов на исследования. Но эффективность дополнительных государственных расходов остается под вопросом. Следует отметить и другие недостатки преимущественно государственного финансирования. Это, например, зависимость того или иного вуза от распределения средств. В приоритете могут находиться, в частности, военные вузы, тематика исследований которых не всегда совпадает с мировыми научными трендами гражданской сферы. Барьером является также и излишний контроль освоения выделенных средств (отчетность, проверки, бюрократическая волокита), отвлекающий ресурсы вузов от непосредственной научной работы [4]. Получая государственные средства, вузы в меньшей степени заинтересованы в инвестициях бизнеса, в формировании прочных связей с предприятиями с целью внедрения своих открытий и изобретений в реальную жизнь.

В отличие от иерархической модели взаимодействия «государство – вуз» модель взаимодействия «вуз – компания» предполагает иную культуру отношений между субъектами этой коммуникации – сетевую, горизонтальную. Такая модель подразумевает финансовую ответственность вуза, как исполнителя, за результат проекта и за внешние инвестиции, необходимость брать на себя определенные риски,

а также ответственность за свою репутацию. Отметим, для сравнения, что за рубежом вузы активно работают с компаниями, фондами и соответственно в структуре их финансирования в большей степени преобладают частные инвестиции. Согласно данным Института статистики ЮНЕСКО [5], основными источниками расходов на исследования и разработки является бизнес, на втором месте – государство, оставшаяся часть приходится на частные некоммерческие компании, собственные ресурсы организаций высшего образования, иностранных инвесторов (рис. 2).

Источник: составлено автором по: данные Института статистики ЮНЕСКО [5].

Рис. 2. Структура источников финансирования сектора исследований и разработок в отдельных странах мира в 2017–2018 гг., %

Лидерами по частным инвестициям в научный сектор являются такие страны, как Китай (79%), Япония (78%), Германия (65%), США (64%). В других странах доля бизнес-источников колеблется около 50% (за исключением Израиля, где преобладают зарубежные инвесторы и частные НКО). Конечно, есть страны, где доля государства сравнительно высока. В частности, в Норвегии, занимающей 19 место в глобальном инновационном рейтинге, средства на научный сектор выделяются практически в равной мере из бюджета (45%) и предпринимательским сектором (44%). Но в любом случае является очевидным, что прямое взаимодействие с компаниями стимулирует науку, включая вузовскую, к участию в следующем важнейшем этапе инновационного процесса – в коммерциализации разработок.

3. Базовые кафедры в качестве инструмента интеграции с бизнесом.

Исторически сложившаяся в нашей стране практика взаимодействия вузов и предприятий, когда базовые кафедры компаний-партнеров организуются в вузах либо на базе самих предприятий, создает предпосылки для взаимодействия образования, науки и производства. Создание базовых кафедр уходит корнями в советское время, когда в 1946 г. был создан Московский физико-технический институт (МФТИ), применивший тогда новаторские принципы в организации

обучения студентов, известные как «система Физтеха»: студенты участвовали в научной работе базовых кафедр, а в качестве преподавателей приглашались ведущие ученые страны.

В настоящее время вузы чаще выбирают организацию базовых кафедр в качестве способа интеграции с промышленностью в силу многих причин. Это и совершенствование учебных программ в соответствии с требованиями современного рынка труда и потребностями экономики, и появление новых специальностей, и необходимость внедрения лучших практик предприятий-партнеров в обучение. Помимо кадровой подготовки некоторые компании заинтересованы в сотрудничестве с вузами и для проведения научных исследований. Так, в НИУ МФТИ начиная с 2010 г., при поддержке программы мегагрантов⁷, было создано восемь лабораторий мирового уровня, занимающихся перспективными научными исследованиями в физике и математике [6].

Организация базовой кафедры на предприятии предполагает наличие у него достаточных ресурсов (кадровых, финансовых, материальных и пр.), что не всегда под силу средним и малым предприятиям. Следует также отметить, что способ взаимодействия вузов с производством посредством базовых кафедр ориентирован в большей мере на подготовку кадров, в меньшей – на внедрение инноваций. Поэтому при выборе методов кооперации с индустрией вузам целесообразно ориентироваться на общемировую практику лицензионной деятельности и учреждения спин-офф компаний (МИПов).

4. Сложность совмещения предпринимательской и научно-исследовательской культуры в академической среде.

Предприниматель по своей сути – это новатор, которому свойственны такие качества, как склонность к риску, переключение на различные виды деятельности, готовность начать новое дело с нуля. И. Шумпетер выделял предпринимательский труд в особый вид труда, считая, что процессы предпринимательского труда и умственного труда различны, поскольку различны их цели и средства [7]. Цели исследователя и изобретателя – изучение свойств и характеристик объекта исследования, описание их, выявление закономерностей, конструирование опытных образцов, их испытания и т. п. Цели деятельности предпринимателя формируются в коммерческой плоскости и подчинены получению дохода от использования нового продукта, процесса, технологии, комбинации ресурсов. Думается, что различие этих двух культур, необходимых для инновационной деятельности образовательной организации, и порождает барьеры на пути внедре-

⁷ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры РФ».

ния результатов научных изысканий. Зачастую профессорско-преподавательский состав вуза не обладает достаточными знаниями тонкостей практической реализации изобретения. Может возникать и некоторый недостаток в знании новых технологий производства, стандартов качества, СНИП.

Коммерческие вопросы, такие как патентование результатов интеллектуальной деятельности (необходимо наличие соответствующего отдела в структуре вуза), лицензионная деятельность, учредительская деятельность, бухгалтерская и налоговая сфера, маркетинг, также могут находиться вне поля зрения вузовских ученых. В связи с этим возникает противоречие во внутренней среде вуза: с одной стороны, существует академическая среда, предполагающая образовательную деятельность и научные изыскания, с другой – производственно-коммерческая сфера, где требуется наличие иных компетенций. В этом отношении интересным представляется опыт создания при зарубежных и некоторых отечественных вузах центров трансфера технологий (ЦТТ), когда деятельность, связанная с продвижением научных разработок, осуществляется на профессиональной основе специально созданной для этого структурой при вузе, а разработчик может концентрироваться на сугубо научных задачах [8]. Так, в Университете Турку (Финляндия) действует подобный центр «Technology Transfer Office», в задачи которого входят: поиск возможностей для взаимодействия науки и бизнеса на предмет коммерциализации результатов научных исследований; поиск фондов, осуществляющих поддержку инновационных компаний на базе университета; координация университетских программ, направленных на создание и поддержку исследовательского бизнеса; управление интеллектуальными правами университета, а также его лицензионной деятельностью [9].

5. Недостаточный спрос на инновации со стороны бизнеса.

Финансирование исследовательского сектора образовательных организаций в России, как уже отмечалось, осуществляется большей частью государством. Поэтому вопрос внедрения результатов научных изысканий, произведенных в рамках этих программ и грантов, во многих случаях остается открытым, инновационный процесс не доводится до стадии коммерциализации, а заканчивается на этапе отчетности по гранту и ФЦП, патентования или публикаций в авторитетных научных изданиях. В случае, когда заказчиками исследований для вузов выступают крупные компании, в том числе и зарубежные, обладающие значительными финансовыми возможностями, они заинтересованы в результате исследования. И они обычно предоставляет вузу конкретное техническое задание, результаты которого будут затем использованы (внедрены). Так, партнерами СПбГЭТУ «ЛЭТИ» являются более пятидесяти крупных и средних отечественных предприятий, среди

которых ПАО «Силовые машины», АО «Центр Судоремонта «Звездочка» и др., а также более двадцати зарубежных компаний и научных центров (IBM, LG, Samsung Electronics Ltd и др.) [10].

Малые предприятия, в силу ограниченности средств, чаще сотрудничают с вузом посредством учреждения МИПа, в уставном капитале которого вуз обязан иметь одну треть. Анализ данных по малым инновационным предприятиям при вузах показал, что многие из созданных предприятий через несколько лет закрываются, поскольку не достигают целей, для которых они учреждались. В частности, в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» было учреждено 13 малых инновационных предприятий, 5 из которых по состоянию на 31.12.2019 г. исключены из реестра учета как прекратившие свое существование. Среди причин недолгой жизни МИПов можно выделить следующие: отсутствие годового дохода; изменение в составе учредителей, когда меняется политика предприятия и его ориентиры; динамику кадрового состава предприятия, когда уход одного-двух ведущих ученых-исследователей из проекта означает фактически завершение деятельности и малого инновационного предприятия в целом; отсутствие спроса на инновационный продукт предприятия со стороны реального сектора; недостаточная информированность исследователей об истинных потребностях бизнеса в инновационных разработках.

Согласно данным Росстата, общая динамика инновационной активности российских компаний с 2014 г. показывает тенденцию к снижению. Так, удельный вес крупных и средних организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе крупных и средних организаций в период с 2010 г. по 2016 г. не превышал 9%⁸, а удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров данных организаций составлял 4,8% в 2010 г., 9,2% – в 2013 г. и 6,5% – в 2018 г.⁹ Также укажем на незначительную долю инновационно активных малых предприятий в общей численности малых предприятий. В 2017 г. таких предприятий насчитывалось не более 5,2%¹⁰, а удельный вес их отгруженных инновационных товаров составил в 2017 г. всего 1,59%¹¹. Те субъекты малого предпринимательства, которые занимаются инновациями, предпочитают кооперироваться с организациями отраслевой науки и заинтересованы больше в развитии корпоративной науки (R&D центров, лабораторий на базе своих компаний), поэтому сектор отраслевой и корпоративной науки является серьезным конкурентом для вузовской науки в России.

⁸ www.gks.ru/storage/mediabank/innov-n2.xls.

⁹ www.gks.ru/storage/mediabank/innov-n4.xls.

¹⁰ www.gks.ru/storage/mediabank/innov-n13.xls.

¹¹ www.gks.ru/storage/mediabank/innov-n14.xls.

На основе проведенного анализа можно сделать некоторые выводы, характеризующие взаимодействие отечественного вузовского научно-исследовательского сектора как части инновационной системы с реальной экономикой, и определить меры по повышению эффективности внедрения результатов научных исследований и разработок.

1. За последнее десятилетие российские вузы, научно-исследовательская деятельность которых является одним из компонентов национальной инновационной системы, продолжали развитие элементов инновационной инфраструктуры и начали использовать различные инструменты коммерциализации научных разработок – от традиционных базовых кафедр и хозяйственных договоров на НИОКР до учреждения малых инновационных предприятий. В то же время на пути развития современных методов трансфера вузовских разработок имеются значительные барьеры: недостаток частного финансирования науки, что мешает взаимодействию с реальным сектором; оценка деятельности вузов в большей степени по публикациям в ущерб инновационной активности; различия предпринимательской и академической культур; недостаточная информированность вузовских исследователей о потребностях реального сектора в инновациях по отраслям специализации.

2. Причины незначительных масштабов внедрения и слабой коммерциализации вузовских разработок, на наш взгляд, не носят системного характера. Однако важно, чтобы меры, направленные на устранение этих причин, были системными и осуществлялись на всех уровнях, в том числе и на законодательном, причем всеми субъектами инновационной системы. Необходимо, чтобы исследования и разработки вузовских ученых проходили все этапы инновационного процесса: от зарождения идеи до внедрения в реальную экономику. Отечественные вузы должны более активно работать по лицензионным соглашениям, участвовать в спин-офф компаниях, поскольку эти методы способствуют эффективному превращению изобретения в актив вуза, а актив – в реальную сделку, что взаимовыгодно как для образовательной организации, так и для бизнеса.

3. С целью увеличения взаимодействия вузов с бизнес-средой необходимо, по нашему мнению, трансформировать систему управления вузом: формировать академические советы с участием представителей предприятий. Тогда вузы будут обеспечиваться заказами от бизнеса и соответственно структура их доходов будет диверсифицирована в сторону внебюджетных источников. Более того, тесное взаимодействие с бизнесом даст толчок к развитию инновационной экосистемы вузов, то есть среды, позволяющей активизировать создание и внедрение инноваций, а более активная патентно-лицензионная работа (увеличение триадных патентных семей) даст возможность вузам продви-

гать свои инновационные разработки и на международный уровень. Важным шагом будет содействие созданию в структуре вуза центров трансфера инноваций, которые занимались бы на профессиональной основе оформлением интеллектуальной собственности, лицензированием, поиском потенциальных инвесторов и партнеров. Ведь в таком случае исследователи будут освобождены от коммерческой и бюрократической составляющей инновационного процесса и смогут сосредоточиться на научных исследованиях, которые затем будут продвигаться ЦТТ.

4. Целесообразен пересмотр критериев оценки деятельности вузов в официальных рейтингах, исходя из инновационной активности и внедрения результатов интеллектуальной деятельности (количества лицензионных соглашений вуза и действующих малых инновационных предприятий при вузе). Также имеет смысл обратиться к практике отечественных и зарубежных рейтинговых систем, использующих такие показатели, как количество программ совместной инновационной и предпринимательской деятельности, количество заключенных договоров о сотрудничестве в научно-практической сфере с реальным сектором, наличие развитой инновационной инфраструктуры (акселераторов, инкубаторов и пр.) и количество резидентов в ней, объем средств, привлеченных из внебюджетных источников в расчете на одного научно-педагогического работника, доля средств из внебюджетных источников в бюджете вуза, объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская венчурная компания (РВК). www.rvc.ru/upload/iblock/06b/Innovation_ecosystem_analytical_report.pdf (дата обращения 12.01.20).
2. Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы. mir.extech.ru (дата обращения 25.01.20).
3. Проект 5-100. www.5top100.ru (дата обращения 27.01.20).
4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в РФ: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». fgosvo.ru/news/21/4487 (дата обращения 12.02.20).
5. UNESCO Institute of Statistics. uis.unesco.org/#slideoutsearch (дата обращения 01.02.2020).
6. НИУ «Московский физико-технический институт». mipt.ru/science/labs (дата обращения 05.02.20).
7. Горелов Н.А. Предприниматель – ключевая фигура в творческом наследии И. Шумпетера // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 09. С. 29–34.

8. Наука на продажу. [www.dp.ru/a/2018/02/02/ Nauka_na_prodazhu_kak_vuz](http://www.dp.ru/a/2018/02/02/Nauka_na_prodazhu_kak_vuz) (дата обращения 06.02.20).
9. University of Turku. www.utu.fi/en/business-collaboration/innovations-and-entrepreneurship/utu-tto.
10. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). etu.ru (дата обращения 11.02.20).

ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Natalya Valentinovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines of the Federal State Budgetary Military Educational Institution of Higher Education "A.F.Mozhaysky's Military-Space Academy", St. Petersburg, Russia
eknauk@yandex.ru

INNOVATIVE ACTIVITY OF RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

The article considered the innovative activity of domestic higher educational establishments as one of the components of the national innovation system. The analysis of modern methods of transferring the results of scientific research of higher educational establishments and the problems that stand in the way of effective interaction between high school science and business was carried out. Measures were proposed to increase the innovative activity of higher educational establishments and to promote more effective implementation of the results of their scientific activities in the economy.

Keywords: *university innovations, high school science, methods of commercialization of innovations, small innovative enterprises, innovation management.*

JEL: O31, O32, I23, H52.

А.К. ЖИХАРЕВА

старший преподаватель кафедры общей экономической теории
МШЭ МГУ имени М.В. Ломоносова

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕЙТИНГИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

В статье даны описание и сравнительный анализ существующих в России практик формирования рейтингов инновационного развития регионов, приобретающих все большее значение в связи с курсом на инновационное развитие российской экономики. Рассматриваются методологические проблемы рейтингования, а также выбор и количество показателей информационно-статистической базы, используемых при определении рейтингов. Существующие рейтинги, несмотря на значительную проработку, оставляют ряд сомнений по поводу необходимости заимствования зарубежных практик и включенных в анализ наборов показателей региональной статистики, в связи с чем вопрос практической применимости результатов рейтингования регионов по уровню инновационности остается открытым.

Ключевые слова: инновационное развитие, рейтинги, регионы, методологии. рейтингования.

JEL: O30, P48, R11.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10020

Одним из наиболее актуальных вопросов в экономике, в том числе на современном этапе ее развития, является вопрос, каким образом и за счет чего могут достигаться высокие темпы экономического роста. В поисках ответа на данный вопрос многие зарубежные и отечественные ученые сходятся во мнении, что в текущих реалиях одним из драйверов экономического роста являются инновации [1; 2], развитие которых способствует появлению более технологичных производств и более эффективному хозяйствованию. При этом зачастую определить уровень инновационности не так просто ввиду отсутствия общепринятого критерия. Задача для России осложняется особенностями ее территориального устройства и высокой степенью дифференциации регионального развития, обусловленной наличием секторов экономики с преимущественно инновационным характером развития и секторов, в которых неквалифицированный труд до сих пор является основным фактором производства.

В настоящее время создание в Российской Федерации инновационной экономики признается на государственном уровне управления абсолютным императивом. При этом для правильного выбора вектора научно-технологического развития прежде всего необходимо найти максимально информативный и объективный критерий инновационности с целью его последующего использования в оценках уровня инновационного развития.

Для нашей страны ввиду ее вышеупомянутых особенностей, а также в целях реализации и мониторинга политики в инновационной сфере особый интерес представляет ранжирование по уровню инновационности таких единиц, как регионы. Кроме того, согласно исследованиям, проведенным в Европейском Союзе, уровень инновационного развития стран напрямую зависит от уровня инновационности регионов, входящих в их состав [3; 4].

Традиционные критерии (количество исследователей, доля расходов на НИОКР, количество патентов и т.п.) представляют собой односторонний и усредненный срез, поэтому не могут показать общую картину, в связи с чем возникает объективная необходимость в разработке комплексного критерия.

Данное обстоятельство приводит к тому, что исследовательские институты, рейтинговые агентства, профессиональная профильная пресса, ассоциации, а также отдельные исследователи формируют собственные рейтинги инновационного развития, целью которых является получение интегрального индикатора инновационности административно-хозяйственных единиц и/или стран, на основе собственного видения набора предикторов и методологических особенностей конструирования.

В отечественной научной литературе представлено довольно много материалов, посвященных проблематике оценки уровня инновационного развития и потенциала. В своей работе мы опирались на исследования Н.В. Зубаревич [5], С.П. Земцова [6; 7; 8], И.М. Бортника [9; 10], В.Г. Зинова [9; 10], В.А. Коцюбинского [9; 10; 11], И.В. Еремкина [11], А.В. Сорокиной [3; 9; 10], В.А. Бариновой [6; 7; 8], Е.Б. Ленчук [12] и др.

Рассматривая эволюцию рейтингов инновационного развития регионов России, необходимо отметить, что изначально рейтинги рассчитывались по минимальному набору показателей и по довольно не замысловатой методологии, за что часто подвергались критике (например, рейтинг «Независимого института социальной политики») [3]. В процессе совершенствования расчетов инновационных рейтингов набор показателей стал расширяться (например, рейтинг «Финуниверситета» рассчитан по 156 показателям), а методология стала более-менее приближаться к европейским аналогам.

В итоге на сегодняшний день наиболее распространенными рейтингами инновационного развития регионов являются:

- «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации НИУ ВШЭ» (далее – «ВШЭ»)¹;
- «Рейтинг инновационных регионов для целей мониторинга и управления Ассоциации инновационных рейтингов России» (далее – «АИРР»)².

Также в статье рассматривается «Рейтинг инновационной активности регионов России Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий» (далее – «НАИРИТ»)³, который публиковался ежегодно с 2010 до 2014 г.

Цели формирования вышеуказанных рейтингов отчасти схожи – это удовлетворение информационных потребностей органов власти федерального и регионального уровней, принимающих решения в области государственной инновационной политики. Отличительной особенностью рейтинга «АИРР» и «НАИРИТ» является акцент на мониторинге инновационного развития регионов, входящих в ассоциацию.

Первые публикации и периодичность рейтингов практически совпадают. Рейтинги рассчитываются по всем регионам России (данные по Тюменской и Архангельской областям приводятся без учета входящих в их состав автономных округов). Сравнительные характеристики рейтингов, актуальные на начало 2020 г., представлены в табл. 1.

Важным моментом, потенциально затрудняющим реализацию цели по оперативному мониторингу инновационного развития регионов, является то, что рейтинги рассчитываются с некоторым запаздыванием. Кроме этого, наблюдается «смешивание» показателей разных лет в рейтинге одного года. Так, например, в конце октября 2019 г. был опубликован рейтинг «АИРР», отражающий индексы инновационного развития за 2018 г., в основном рассчитанные по данным за 2017 г., частично за 2016 г.⁴ и точно за 2018 г. В конце 2019 г. прошла презентация обновленного рейтинга «ВШЭ» за 2017 г., который был рассчитан по данным за соответствующий год, за исключением данных о патентных заявках и публикационной активности, что, безусловно, является большим продвижением в совершенствовании расчетов. До

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. www.hse.ru/primarydata/rir.

² Ассоциация инновационных регионов России (АИРР). Оценка инновационного развития регионов. www.i-regions.org/programs/regions-development.

³ Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ). www.nair-it.ru/news/31.07.2015/461.

⁴ Показатели, связанные с валовым региональным продуктом.

Таблица 1

Сравнительные характеристики рейтингов инновационного развития регионов России по состоянию на 2020 г.

	«ВШЭ»	«АИРР»	«НАИРИТ»
Год создания	2012 г.	2012 г.	2009 г.
Публикации	2008, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017	2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018	2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014
Публикационный лаг	Два года	Один год	Один год
Количество регионов	85	85	85
Количество показателей	37 (до 2019 г.) 53 (с 2019 г.)	29	не указано
Процедура сглаживания данных	Метод трансформации квадратного корня степени N	Метод трансформации квадратного корня степени N	не указано
Нормирование данных	Метод линейного масштабирования	Метод линейного масштабирования	Метод линейного масштабирования
Веса	Равные веса у всех показателей	Равные веса у всех показателей	Равные веса у всех показателей
Расчет итогового индекса	Среднеарифметическое значение всех показателей	Среднеарифметическое значение всех показателей	Среднеарифметическое значение всех показателей
Расчет под-индексов	Среднеарифметическое значение всех показателей	Среднеарифметическое значение всех показателей	Среднеарифметическое значение всех показателей
Группировка регионов	Четыре группы (на основе кластерного анализа)	Пять групп (по отношению итогового интегрального балла конкретного региона к среднему по всем субъектам)	Пять групп

Источник: составлено автором по: официальные отчеты рейтингов «АИРР», «ВШЭ» и «НАИРИТ».

этого времени, несмотря на большой публикационный лаг в два года, рейтинг «ВШЭ» также «смешивал» в себе статистику разных лет.

В основу расчета рейтингов «ВШЭ», «АИРР» и «НАИРИТ» положена методология европейского регионального рейтинга «Regional Innovation Scoreboard» (далее – «RIS») [1] с некоторыми дополнениями

с учетом национальных особенностей. Так, например, с целью выполнения требования однородности используемых статистических данных, авторы рейтингов «ВШЭ» и «АИРР» использовали расчет коэффициента асимметрии [13, с. 54] с пороговым значением критерия несколько выше, чем в методологии «RIS» (0.5 против 1).

Рейтинги «ВШЭ» и «АИРР» состоят из 53 (с 2012⁵ г. по 2019 г. состав показателей был 37) и 29 (с 2016 г.) показателей соответственно. Долгое время структура рассматриваемых рейтингов представляла собой разделение показателей на четыре тематических блока (см. табл. 2). Отметим, что четвертый блок был добавлен в рейтинг «АИРР» только в 2016 г. при сохранении состава предыдущих трех. В 2019 г. ВШЭ модифицировала состав и структуру своего рейтинга, расширив его с 37 до 53 показателей и добавив тематический блок «Экспортная активность». Изменения по составу коснулись также двух блоков: «Социально-экономические условия инновационной деятельности» и «Качество инновационной политики».

Таблица 2

**Тематические блоки и количество показателей рейтингов
«АИРР», «ВШЭ» и «НАИРИТ»**

«ВШЭ»	«ВШЭ» с 2019 г.	«АИРР»	«НАИРИТ»
1. Социально-экономические условия инновационной деятельности (8 показателей); 2. Научно-технический потенциал (11 показателей); 3. Инновационная деятельность (9 показателей); 4. Качество инновационной политики (9 показателей).	1. Социально-экономические условия инновационной деятельности (13 показателей); 2. Научно-технический потенциал (10 показателей); 3. Инновационная деятельность (9 показателей); 4. Экспортная активность (7 показателей); 5. Качество инновационной политики (14 показателей).	1. Научные исследования и разработки (9 показателей); 2. Инновационная деятельность (9 показателей); 3. Социально-экономические условия инновационной деятельности (5 показателей); 4. Инновационная активность (6 показателей).	1. Среда для развития инноваций; 2. Производство и использование инноваций; 3. Правовая среда.

Источник: составлено автором по: официальные отчеты рейтингов «АИРР», «ВШЭ» и «НАИРИТ».

⁵ Прим. автора: здесь и далее имеется в виду год выпуска публикации рейтинга.

По мнению разработчиков, базируя модель на многоуровневой иерархической структуре показателей инновационного развития [14, с. 50], возможно формирование не только сводного индекса для последующего ранжирования, но и декомпозиция до уровня тематических блоков и рубрик, включенных в состав рейтинга. По нашему мнению, возможность сравнения регионов на уровне отдельных тематических блоков действительно создает возможность создания автономных подрейтингов на основе моно- или поликритериального выбора для последующего ранжирования и сравнения, что, несомненно, может быть полезно для отдельных экономических агентов.

Кроме того, еще одним из преимуществ данного подхода, по мнению составителей рейтингов, является то, что низкая оценка по одному показателю (группе показателей) может быть уравновешена высокой по другому показателю (группе), что позволяет учесть максимум возможностей региона по совокупности показателей [14, с. 50]. Данный тезис, по нашему мнению, является довольно дискуссионным, так как механизм компенсации (замещения) одних значений другими должен включать систему весов показателей в структуре индекса (подиндекса). Условное «отставание» одного коэффициента не обязательно будет компенсировано аналогичным по значению «превышением» по другому коэффициенту – компенсация и «выравнивание» на уровне цифровых значений совсем необязательно будут означать реальную компенсацию в контексте инновационности. Отсутствие весов является следствием применения методологии «RIS», в соответствии с которой в рейтингах всем показателям присваивается одинаковый вес. Очевидно, что подобный подход значительно упрощает процедуры расчета индекса, однако при этом, на наш взгляд, затрудняет поиск и формирование необходимого набора предикторов, детерминирующих степень инновационности. По мнению В.А. Бариновой и С.П. Земцова, подобный подход может привести к некоторому искажению и смещению итоговых результатов [6, с. 113].

Важное место в построении интегрального индекса занимает разработка системы показателей. Фактически именно состав показателей является ключевым моментом, отличающим рассматриваемые рейтинги между собой. Как отмечалось ранее, инновации – понятие обширное, которое не всегда возможно адекватно оценить по одному или двум показателям [15, с. 15]. По этой причине отбор показателей, отражающих уровень инновационного развития, является одним из самых сложных этапов построения рейтингов.

Рассматриваемые рейтинги в первую очередь руководствуются набором показателей европейского рейтинга «RIS». Далее, с учетом российской специфики и существующей статистики, набор показателей корректируется, адаптируется и дополняется. В национальных

рейтингах предпринимается попытка создать систему показателей, которая была бы сопоставима с индикаторами инновационного развития, используемыми в международной практике, для дальнейшего возможного сопоставления регионов России с зарубежными странами.

Несмотря на многочисленные указания на детальную проработку состав включенных в рассмотрение показателей (как в рейтинге «АИРР», так и в рейтинге «ВШЭ»), на наш взгляд, является дискуссионным. С точки зрения количества показателей, по нашему мнению, рейтинг «АИРР» является более предпочтительным, а объем используемых показателей в рейтинге «ВШЭ» несколько избыточен, усложняет верификацию полученных результатов и размывает рассматриваемое понятие. Однако с учетом российской специфики сбора статистики по инновациям включение более расширенного списка показателей может быть оправдано, так как в этом случае недостатки одного показателя могут быть нивелированы другими [3;10].

На наш взгляд, возможность использования части показателей, представленных в российских рейтингах, в качестве детерминанты уровня инновационности регионов вызывает вопросы. Например, показатели социально-экономической направленности в определенной степени связаны с уровнем инновационности, но при этом размывают рассматриваемое понятие и смещают акценты [6, с. 113]. Кроме этого, есть сомнения в части показателей, касающихся численности студентов высших образовательных учреждений. Очевидно, что не любое высшее образование формирует инновационный потенциал. Основной недостаток данного индикатора – это количественный характер, в то время как образование в большей степени характеризуется качественными характеристиками, которые оценить довольно сложно [13, с. 51]. В подтверждение данного тезиса в 2019 г. ВШЭ расширила подблок «Образовательный потенциал населения» таким показателем, как удельный вес студентов программ высшего и среднего звена в области STEM (наука, технология, инженерия и математика) [15].

Помимо этого, определенные сомнения сопряжены с включением в состав рейтингов бинарных величин, так как, например, наличие (зачастую формальное) стратегии (концепции) инновационного развития отнюдь не означает качественную и плодотворную ее реализацию [13, с. 51]. Также при этом вновь необходимо вернуться к вышеописанному механизму компенсации одних показателей другими: наличие специализированных правовых документов или программ может существенно повысить индекс (и, как следствие, рейтинг) региона, при этом исказив реальную картину.

Обобщая вышеизложенное сравнение методологий и набора включенных в расчеты показателей, считаем корректным сказать, что

Таблица 3

Результаты рейтингования «ВШЭ», «АИРР» и «НАИРИТ» за 2014 г.

ВШЭ_2014 г.			АИРР_2014 г.			НАИРИТ_2014 г.		
Республика Татарстан	1	группа-I	г. Санкт-Петербург	1	группа-I	г. Москва	1	группа-I
г. Москва	2		г. Москва	2		Республика Татарстан	2	
г. Санкт-Петербург	3	Республика Татарстан	3	г. Санкт-Петербург		3		
Республика Мордовия	4	Нижегородская область	4	Самарская область		4		
Калужская область	5	Калужская область	5	Нижегородская область		5		
Нижегородская область	6	Московская область	6	Томская область		6		
Томская область	7	Свердловская область	7	Краснодарский край		7		
Чувашская Республика	8	Томская область	8	Московская область		8		
Хабаровский край	9	Ярославская область	9	Новосибирская область		9		
Пензенская область	10	Пермский край	10	Тюменская область		10		
Забайкальский край	74	группа-IV	Республика Северная Осетия-Алания	74	группа-IV	Смоленская область	74	группа-V
Костромская область	75		Еврейская автономная область	75		Республика Дагестан	75	
Псковская область	76		Республика Алтай	76		Кабардино-Балкарская Республика	76	
Калининградская область	77		Республика Калмыкия	77		Карачаево-Черкесская Республика	77	

Окончание табл. 3

ВШЭ_2014 г.			АИРР_2014 г.			НАИРИТ_2014 г.		
Карачаево-Черкесская Республика	78	группа-IV	Ямало-Ненецкий автономный округ	78	группа-V	Чукотский автономный округ	78	группа-V
Республика Калмыкия	79		Карачаево-Черкесская Республика	79		Республика Хакасия	79	
Ненецкий автономный округ	80		Республика Тыва	80		Амурская область	80	
Чеченская Республика	81		Ненецкий автономный округ	81		Еврейская автономная область	81	
Республика Ингушетия	82		Республика Ингушетия	82		Республика Ингушетия	82	
Еврейская автономная область	83		Чеченская Республика	83		Ненецкий автономный округ	83	
всего 4 группы группа I (3 региона) группа II (29 регионов) группа III (40 регионов) группа IV (11 регионов)			всего 5 групп группа I-сильные инноваторы (>130% от среднего, 11 регионов) группа II – средне-сильные инноваторы (от 110% до 130% от среднего, 17 регионов) группа III-средние инноваторы (от 90 до 110%, 27 регионов) группа IV средне-слабые инноваторы (от 69 до 90% от среднего, 22 региона) группа V-слабые инноваторы (<60% от среднего, 6 регионов)			всего 5 групп группа I – очень высокая инновационная активность (2 региона) группа II – высокая инновационная активность (21 регион) группа III – средняя инновационная активность (20 регионов) группа IV – умеренная инновационная активность (23 региона) группа V – низкая инновационная активность (19 регионов) * г. Севастополь (25) , Республика Крым (30) – группа III – средняя инновационная активность		

Источник: составлено автором по: официальные отчеты рейтингов «АИРР», «ВШЭ», «ВШЭ» и «НАИРИТ».

в целом рассматриваемые рейтинги довольно похожи, даже несмотря на выявленные различия в целях и наборах показателей. Для подтверждения данного тезиса были сравнены и проанализированы результаты трех рейтингов за 2014 г. В 2014 г. по причине присоединения к России Республики Крым и г. Севастополя количество субъектов России увеличилось до 85, что отразилось на результатах представленных рейтингов. Для корректности сравнения мы убирали два региона из общей выборки и пересчитывали ранговые позиции других субъектов без их учета. В табл. 3 приведена десятка лидеров и десятка аутсайдеров по результатам рейтингов «ВШЭ», «АИРР» и «НАИРИТ». Жирной заливкой выделены регионы, входящие в десятку по всем трем рейтингам, *курсивом* – по любым двум рейтингам.

Также мы сравнили результаты рейтингов «ВШЭ» и «АИРР» за последний, доступный для них 2017 г. (табл. 4).

По итогам сравнения в явном виде прослеживается взаимосвязь результатов рейтингов «ВШЭ», «АИРР», «НАИРИТ» на уровне экстремальных значений. По мнению Н.В. Зубаревич [5], такой результат связан с тем, что независимо от выбранной методологии и используемых статистических показателей, если они более-менее приближены к действительности, результаты рейтингования по уровню инновационности предопределены. Безусловно, места регионов в некоторой степени отличаются, что особенно касается «середняков» (регионы, находящиеся в середине рейтингового списка). Но лидеры и аутсайдеры практически во всех рейтингах схожи. Аналогичный тезис подтверждается расчетами в работе А.А. Френкель, Н.Н. Волковой, Э.И. Романюк. В работе показано, что при расчете рейтингов с учетом весовых коэффициентов и без их учета можно отметить некоторое изменение позиций регионов, однако субъекты, занимающие лидирующие позиции в рейтингах, совпадают [16].

Вместе с тем для сравнения общей картины, а также для подтверждения или опровержения данного мнения нами был использован корреляционный анализ. Данный подход применялся для сопоставления результатов рейтингования в работах В.А. Коцюбинского и В.А. Еремкина [11], А.А. Мальцевой [17], С.П. Земцова [8] и др. По результатам корреляционного анализа было выявлено, что рейтинги незначительно отличаются друг от друга с течением времени. Более того, интересно отметить, что степень согласованности между рейтингами «АИРР» и «ВШЭ» с каждым годом становится сильнее (табл. 5). Множественный коэффициент конкордации Кендалла, позволяющий оценить близость оценок одновременно по всем рейтингам, также дает однозначный вывод: результаты действующих рейтингов тесно взаимосвязаны между собой на анализируемом временном отрезке (табл. 6).

Таблица 4

Результаты рейтингования «ВШЭ» и «АИРР» за 2017 г.

ВШЭ_2017 г.			АИРР_2017 г.		
г. Москва	1	группа-I	г. Санкт-Петербург	1	группа-I
Республика Татарстан	2		г. Москва	2	
г. Санкт-Петербург	3		Республика Татарстан	3	
Томская область	4		Томская область	4	
Нижегородская область	5		Новосибирская область	5	
Московская область	6		Калужская область	6	
Свердловская область	7		Московская область	7	
Новосибирская область	8		Ульяновская область	8	
Челябинская область	9	группа-II	Самарская область	9	группа-II
Калужская область	10		Тульская область	10	
Республика Северная Осетия – Алания	76		Кабардино-Балкар-ская Республика	76	
Республика Алтай	77		Карачаево-Черкесская Республика	77	
Республика Тыва	78		Амурская область	78	
Чеченская Республика	79	группа-V	Еврейская автономная область	79	группа-V
Республика Калмыкия	80		Республика Дагестан	80	
Еврейская автономная область	81		Республика Тыва	81	
Республика Дагестан	82		Ненецкий автоном-ный округ	82	
Республика Ингуше-тия	83		Чеченская Республика	83	
Ненецкий автоном-ный округ	84		Республика Ингуше-тия	84	
Чукотский автоном-ный округ	85		Чукотский автоном-ный округ	85	

Источник: составлено автором по: официальные отчеты рейтингов «АИРР» и «ВШЭ».

Можно сказать, что вышеуказанные рейтинги представляют собой различную форму подачи одного и того же материала. Сказать, что они дублируют друг друга, было бы некорректно, но и однозначно утверждать, что они позволяют объективно и с разных точек зрения оценить и понять истинный уровень инновационности, было бы некоторым преувеличением.

Таблица 5

**Корреляционный анализ (ранговый коэффициент Спирмена)
между результатами рейтинга инновационного развития регионов
«АИРР», «НАИРИТ» и «ВШЭ».**

	АИРР_2013	АИРР_2014	АИРР_2015	АИРР_2016	АИРР_2017	АИРР_2018	НАИРИТ_2013	НАИРИТ_2014	ВШЭ_2013	ВШЭ_2014	ВШЭ_2015	ВШЭ_2017
АИРР_2013	1,00	0,94	0,94	0,92	0,91	0,91	0,76	0,78	0,78	0,78	0,77	0,88
АИРР_2014	0,94	1,00	0,93	0,91	0,90	0,89	0,75	0,79	0,80	0,80	0,80	0,88
АИРР_2015	0,94	0,93	1,00	0,96	0,95	0,95	0,77	0,80	0,79	0,85	0,84	0,93
АИРР_2016	0,92	0,91	0,96	1,00	0,96	0,96	0,82	0,84	0,78	0,83	0,86	0,96
АИРР_2017	0,91	0,90	0,95	0,96	1,00	0,96	0,79	0,82	0,77	0,81	0,83	0,92
АИРР_2018	0,91	0,89	0,95	0,96	0,96	1,00	0,82	0,83	0,80	0,83	0,84	0,93
НАИРИТ_2013	0,76	0,75	0,77	0,82	0,79	0,82	1,00	0,97	0,77	0,74	0,78	0,84
НАИРИТ_2014	0,78	0,79	0,80	0,84	0,82	0,83	0,97	1,00	0,80	0,78	0,82	0,86
ВШЭ_2013	0,78	0,80	0,79	0,78	0,77	0,80	0,77	0,80	1,00	0,92	0,92	0,82
ВШЭ_2014	0,78	0,80	0,85	0,83	0,81	0,83	0,74	0,78	0,92	1,00	0,96	0,87
ВШЭ_2015	0,77	0,80	0,84	0,86	0,83	0,84	0,78	0,82	0,92	0,96	1,00	0,89
ВШЭ_2017	0,88	0,88	0,93	0,96	0,92	0,93	0,84	0,86	0,82	0,87	0,89	1,00

ВШЭ – рейтинг инновационного развития регионов «ВШЭ» (ранговое место), АИРР – рейтинг инновационного развития регионов «АИРР» (ранговое место), НАИРИТ – рейтинг инновационного развития регионов «НАИРИТ» (ранговое место)
Все показатели значимы на 1% уровне. Количество наблюдений: 83.

Источник: рассчитано автором в статистическом пакете «EViews» на основе официальных отчетов рейтингов «АИРР», «ВШЭ» и «НАИРИТ».

Таблица 6

**Коэффициент конкордации Кендалла между результатами рейтингов
инновационного развития регионов «АИРР», «НАИРИТ» и «ВШЭ».**

	АИРР_2013, ВШЭ_2013 и НАИРИТ_2013	АИРР_2014, ВШЭ_2014 и НАИРИТ_2014
Коэффициент конкордации Кендалла	0,85	0,86

Все показатели значимы на 1% уровне. Количество наблюдений: 83.

Источник: рассчитано автором в статистическом пакете «SPSS» на основе официальных отчетов рейтингов «АИРР», «ВШЭ» и «НАИРИТ».

Необходимо отметить, что, несмотря на важность изучения методологических особенностей рейтинговых оценок, поиска оптимального набора показателей и статистических взаимосвязей результатов рейтингования, наиболее актуальным вопросом остается практическая применимость рейтингов, так как если рейтинги не используются ни региональными правительствами, ни бизнесом, то анализ их особенностей может потерять свою значимость, оставаясь не более чем методологическими изысканиями.

В целях подтверждения важности рейтингов инновационного развития на уровне региональных властей мы проанализировали стратегии развития отдельно взятых регионов, являющихся членами «Ассоциации инновационных регионов России» (Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Томская область, Калужская область, Новгородская область и т.п.). Эти документы должны предопределять приоритетные направления региональной политики. Результаты показали, что данные регионы не безразличны к рейтингам: регионы оценивают свои места в рейтингах социально-экономического положения субъектов Российской Федерации, в рейтингах инвестиционного климата, в рейтинге Doing Business. При этом отдельные заявленные стратегические цели касаются достижения или сохранения позиций в конкретных рейтингах. Однако широкого использования инновационные рейтинги не получили, а упоминание рейтингов «ВШЭ», «АИРР» и «НАИРИТ» более чем точно, либо отсутствует вовсе. Это весьма интересно с учетом того, что курс на инновации в региональном развитии прослеживается довольно отчетливо: в стратегиях указываются инновационные инициативы, формируются дорожные карты и перечни мероприятий по поддержке инновационных предприятий, постулируются цели по достижению определенных значений в инновационной сфере (с акцентом на доле инновационной продукции в структуре выпуска).

К сожалению, вышеуказанный подход не годится для анализа степени использования рейтинговых оценок бизнесом. Поэтому нами был проведен корреляционный анализ между рейтинговыми оценками «АИРР», «ВШЭ», «НАИРИТ» и объемом инвестиций в основной капитал в базовых ценах 2010 г. (с допущением, что данный показатель отражает поведение бизнеса, стремящегося к переводу капитала в инновационные отрасли и регионы, обладающие наибольшей отдачей). Анализ показал, что статистически значимые связи отсутствуют на 5%-ном уровне значимости: так, коэффициент по рейтингу «НАИРИТ» составил 0,139, «АИРР» – 0,138, «ВШЭ» – 0,293. Анализ по годам также показал сопоставимые результаты: значения коэффициентов находятся в окрестности вышеуказанных общесредних значений с незначительными необъясняемыми флуктуациями, близкими к ста-

тистическим погрешностям. Таким образом, определить взаимосвязи между рейтингами инновационного развития и инвестиционными потоками, в том числе на разных порядках лагирования, не удалось. Безусловно, данная проблематика требует дальнейшего исследования и моделирования с учетом других факторов. Однако даже без проведения моделирования очевидно, что одной из причин невозможности использования рейтингов в качестве инструментов поддержки принятия инвестиционных решений является публикационный лаг. Инновационные рейтинги ввиду их «задержки» могут быть использованы как оценка ранее реализованных мероприятий, что для бизнеса, в отличие от региональных властей, может быть менее важно.

* * *

По итогам обзора имеющихся наработок в области рейтингования, рассмотрения и сравнения рейтингов с методологической точки зрения, а также по результатам проведенного статистического анализа мы считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Существующие в России рейтинги уровня инновационного развития регионов, включенные в рассмотрение, отличаются друг от друга наборами показателей, однако ввиду единой заимствованной методологии показывают близкие друг другу результаты, что подтверждается в том числе статистическими методами.

2. Включенные в рейтинги наборы показателей являются довольно дискуссионными, так как их степень влияния на уровень инновационного развития значительно разнится между собой. Поэтому более чем очевидным становится вывод о необходимости присвоения весов отдельным показателям (группам показателей). Кроме того, используемые макроэкономические показатели имеют различный и зачастую существенный лаг в части влияния на инновационное развитие, в связи с чем оценка факторов, реально внесших вклад в повышение/снижение уровня инновационности, достаточно размыта.

3. Публикационный лаг превращает анализ рейтингов в аналог ретроспективного обзора, в связи с чем использование рейтингов в качестве инструмента стратегического управления представляется крайне затруднительным. При этом использование разрозненных во времени показателей (использование в одном расчетном индексе макроэкономических показателей за разные отчетные периоды ввиду ограничений статистики) искажает расчеты, дезориентируя в поисках истинных механизмов повышения инновационности.

4. Изменение с течением времени состава показателей, на базе которых рассчитывается рейтинг, хотя и является неотъемлемым этапом развития рейтингования, но все же приводит к невозможности межвременной динамической оценки регионов в инновационном пространстве.

5. Вопрос практической применимости рейтингов инновационного развития остается открытым, так как использование их результатов в стратегиях социально-экономического развития регионов носит точечный характер, а для бизнеса требуется информация, способная описать будущее состояние среды для принятия инвестиционных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hollanders H., Tarantola S., Loschky A.* Regional innovation scoreboard (RIS) 2009 // Pro Inno Europe, 2009.
2. *Голдякова Т.В.* Понятие и классификация инноваций // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2.
3. *Сорокина А.В.* Построение индекса инновационного развития регионов России // М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2013. Т. 230.
4. *Вальтер Ж.* Конкурентоспособность: общий подход // М.: Российско-Европейский Центр Экономической Политики (РЕЦЭП). 2005.
5. *Зубаревич Н.В.* Региональные индексы инновационности. PR-игрушки или инструменты оценки. www.talk-s.ru/projects/iiifrr/files/presentations/0_zubarevich.ppt. 2012.
6. *Барина В.А., Земцов С.П.* Рейтинги инновационного развития регионов: Зачем нужна новая методика в России? // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6. С. 110–116.
7. *Земцов С.П., Барина В.А., Семенова Р.И.* Некоторые методологические подходы к рейтингованию регионов по результатам инновационной деятельности, 2017.
8. *Земцов С.П., Бабурин В.Л., Барина В.А.* Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 1.
9. *Бортник И. М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В.* Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. 2013. № 11 (181).
10. *Бортник И. М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В.* Вопросы достоверности статистической информации об инновационной деятельности в России // Инновации. 2013. № 10 (180).
11. *Еремкин В.А., Коцюбинский В.А.* Измерение уровня инновационного развития: мировая практика и Российский опыт, 2014.
12. Региональная инновационная политика: приоритеты и механизмы развития: монография / Под ред. Е.Б. Ленчук. М.: Нестор-История, 2013.
13. *Жихарева А.К.* Возможные проблемы применения региональных рейтингов // Управленческое консультирование. 2019. № 10 (130).
14. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2015.
15. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2019.
16. *Френкель А. А., Волкова Н. Н., Романюк Э. И.* Влияние весовых коэффициентов на рейтинг регионов по уровню инновационного потенциала // Регион: экономика и социология. 2013. № 1. С. 144–172.

17. Мальцева А. А., Серов А.А., Ключникова Е.В., Барсукова Н.Е. Статистический анализ методических подходов к рейтинговой оценке регионов в инновационной сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–1.

ABOUT THE AUTHOR

Zhikhareva Alina Konstantinovna – Senior Lecturer of the Department of General Economic Theory of the Moscow School of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University (MSE of M.V. Lomonosov Moscow State University)

INNOVATIVE RATINGS OF RUSSIAN REGIONS: METHODOLOGICAL FEATURES OF THEIR FORMATION AND PRACTICE OF APPLICATION

The article gives a description and comparative analysis of the existing practices in Russia in forming ratings of innovative development of regions, which are becoming increasingly important in connection with the course on innovative development of the Russian economy. The methodological problems of rating, as well as the choice and number of indicators of the information-statistical base, used in determining of ratings, are considered. The existing ratings, despite considerable study, leave a number of doubts about the need to borrow foreign practices and the sets of regional statistics included in the analysis, and therefore, the question of the practical applicability of the results of regional ratings by level of innovation, remains open.

Keywords: *innovative development, ratings, regions, rating methodologies.*

JEL: O30, P48, R11.

Л.Р. МАГОМАЕВА

кандидат экономических наук, доцент,
и. о. директора Института цифровой экономики и технологического
предпринимательства Грозненского государственного нефтяного
технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова

ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СФЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ И ЭФФЕКТЫ¹

В статье изложены результаты изучения практик применения цифровых инноваций в рамках таких сфер деятельности, как сбор, хранение, обработка и передача данных, производственные технологии и коммуникационные технологии. Рассмотрены экономические эффекты цифровых инноваций. Показано, что в современных условиях эти эффекты проявляются прежде всего в снижении издержек, возникающих при работе с цифровой информацией, при поиске, репликации, передаче, отслеживании и верификации данных. Раскрыт механизм получения цифровыми технологиями и продуктами конкурентных преимуществ на рынке. Проанализированы эффекты использования систем электронных денежных средств и децентрализованной технологии блокчейн в контексте развития финансового рынка.

Ключевые слова: *цифровые инновации, цифровая экономика, информация, конкуренция, цифровая трансформация.*

JEL: L81, L86, O30.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10021

В настоящее время во всей социально-экономической системе происходят существенные изменения, под влиянием цифровых инноваций трансформируются и ускоряются устоявшиеся бизнес-процессы, расширяются возможности технологической модернизации. Цифровые инновации, как правило, предшествуют цифровой трансформации – непрерывному процессу преобразования и повышения эффективности бизнеса путем изменения менталитета, принципов и моделей работы компании (касается это не только технологий, но и людей и процессов).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (в рамках научного проекта № 20-010-00101\20).

Выделяя основные сферы и направления внедрения цифровых инноваций, автор солидаризируется с позициями, уже представленными в ряде исследований по цифровой экономике. К ним отнесены сбор, хранение, обработка и передача данных; производственные технологии; изменение взаимодействия с окружающей средой². При этом эффекты от внедрения цифровых инноваций в этих сферах, как уже проявившиеся, так и потенциальные, многообразны и пока недостаточно изучены. В статье проанализированы результаты применения цифровых инноваций в рамках трех вышеуказанных направлений (при понимании, что такое деление достаточно условное), возникающие вследствие этого основные экономические эффекты, а также трансформация самих механизмов функционирования рынков в условиях цифровизации экономики.

Работа с данными – одно из наиболее значимых направлений внедрения цифровых инноваций. Очевидно, что цифровизация в первую очередь снижает стоимость работы с информацией – ее хранения, вычислений и передачи, а снижение затрат влечет необходимость пересмотра стандартных экономических моделей [2].

Применительно к работе с данными, во-первых, нужно указать на снижение затрат на поиск информации. Цифровые инновации позволяют в режиме онлайн найти информацию о потенциальных экономических транзакциях значительно легче и быстрее, чем при работе в автономном режиме. Низкие затраты на поиск информации дают возможность потребителям сравнивать цены на аналогичные товары, способствуя их снижению, в том числе и уменьшению разброса цен. При этом ряд исследователей отмечают, что из-за большого количества продавцов и представленных в интернете товаров потребители сталкиваются с возникновением определенных поисковых сложностей [3; 4]. Но в этой ситуации дизайн-платформы помогают потенциальным покупателям ориентироваться на продукт, который они хотят приобрести, что играет решающую роль в сокращении издержек на поиск и покупку продуктов, в том числе редких [5]. Это, в свою очередь, может увеличить доли продаж, приходящихся на товары, которые покупаются относительно редко. При этом разнообразие доступных и приобретаемых онлайн продуктов шире, чем в автономном режиме [6]. Низкие затраты на поиск позволяют обнаруживать новые и малоизвестные продукты. Кроме того, онлайн-доступ позволяет приобрести нестандартные продукты, которые сложно покупать оффлайн. Еще один эффект от снижения затрат на поиск связан с увеличением частоты совпадения потребностей покупателя с предложением продавца. Причем это относится к разным видам деятельности.

² См., например: [1].

Например, некоторые авиакомпании лучше обеспечивают загрузку самолетов [7], а специалисты, ищущие работу с помощью Интернета, с большей вероятностью будут соответствовать требованиям работодателя [8].

Во-вторых, важно учитывать, что стоимость тиражирования цифровых товаров равна или стремится к нулю. Они могут потребляться одним индивидом, не уменьшая при этом количество или доступное качество для других. Экономика продаж неконкурентных товаров с нулевой стоимостью показывает, что целесообразно объединять в пакет разные товары и продавать по единой цене [9]. Доступность цифровой информации позволяет фактически стереть границы между странами в области сотрудничества и сетевого взаимодействия в различных областях, в первую очередь в торговле, а также при удаленном режиме работы. Отдельно отметим возможность предоставления бесплатного общественного блага. Примером этого является программное обеспечение с открытым кодом. С одной стороны, авторы таких программ показывают потенциальным работодателям свои компетенции, а, с другой, – дополнительные услуги, связанные с бесплатным программным обеспечением, могут продаваться отдельно. Хотя очевидно, что облегчение репликации актуализирует вопросы авторского права, а размещенный в сети контент может быть полезен многим потребителям и потенциально заменять продажи [10].

В-третьих, укажем, что деятельность в сфере цифровых технологий легко регистрируется, ее результаты сохраняются автоматически. Фирмы и потребители сокращают затраты на отслеживание необходимой информации и получают возможность персонализировать и создавать индивидуальные рынки, что приводит к известным экономическим моделям с асимметричной информацией и дифференцированными продуктами, такими как ценовая дискриминация, аукционы и модели рекламы [2].

Низкая стоимость сбора цифровой информации позволяет компаниям устанавливать цены на основе прошлого поведения человека. Также возникает возможность так называемого управления версиями. Например, продажа авиабилетов и бронирование отелей предлагаются как версии своих продуктов по более низкой цене на определенном сайте, и в итоге покупатель не знает, на каком именно продукте он при покупке сэкономил или, наоборот, переплатил. Возможности создания версий цифровых продуктов и ценообразования на них позволяют увеличить прибыль за счет сегментирования потребителей с предпочтениями относительно высокой и низкой стоимости продукта. Значительно облегчается отслеживание таргетирования рекламы для конкретного потребителя в случае, когда он находится

онлайн. Продажа рекламы осуществляется на аукционах с учетом дополнительных характеристик – посещаемости сайта и т. п.

Цифровые технологии упростили проверку личности пользователя и позволили создать его цифровую репутацию. Простейшим механизмом обеспечения покупки у фактически неизвестных продавцов в сети является онлайн-рейтинг, составленный на основе опыта покупок и продаж в прошлом. При этом продавцы с высоким рейтингом могут устанавливать более высокие цены, а продавцы с низким рейтингом вынуждены уходить с такого рынка [11]. Очевидно, что достаточно легко можно создать положительную репутацию в сети. Но также легко можно нанести ей ущерб, поскольку распространение отрицательных отзывов в социальных сетях или на специализированных сайтах и т.п. быстро снижает общую оценку.

В сфере производственных технологий основные цифровые инновации, обеспечивающие прорывное экономическое развитие, сопряжены с Интернетом вещей (Internet of Things, IoT), включая промышленный интернет. Они все шире применяются в технологиях робототехники, 3D печати, дополненной и виртуальной реальности. По влиянию на бизнес-процессы и по инвестиционной привлекательности первое место занимает промышленный интернет, за которыми следуют искусственный интеллект и робототехнические инструменты³. Главными трудностями при применении указанных технологий в России являются проблемы их интеграции в бизнес-процессы компаний, в первую очередь в информационную инфраструктуру, а также длительное время принятия решений при коротком горизонте планирования.

Основными бизнес-моделями IoT являются различные виды контроля и диагностики: нормативный контроль, превентивный контроль, дистанционная диагностика, контроль операций, автоматизация операций⁴. Особенности использования технологий варьируются по видам экономической деятельности, которые, однако, имеют и некоторые общие черты. Современные технические устройства позволяют создавать цифровые двойники реальных объектов, изучение которых сокращает количество возможных проблем, а вычислительные системы интеллектуальной обработки данных, которые анализируют поведение объектов, в том числе посредством электронных датчиков, создают возможности сервисного обслуживания, сокращая вероятность сбоя в работе объектов. Применение указанных устройств позволяет получать экономические эффекты на разных стадиях жизненного цикла изделия или услуги. В производстве сокращается время

³ Интернет вещей в России: Технология будущего, доступная уже сейчас. РwC. 2017.

⁴ Бизнес-модели для внедрения IoT. [www.tadviser.ru/index.php/Интернет_вещей_Internet_of_Things_\(IoT\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Интернет_вещей_Internet_of_Things_(IoT)).

простая, в логистике – обеспечиваются своевременные поставки при минимизации ненужных товаров, в торговле – налаживается оперативная подготовка предложений с учетом интересов потребителей. По мнению экспертов PwC, кумулятивный эффект от внедрения IoT в России к 2025 г. в таких видах экономической деятельности, как электроэнергетика, здравоохранение, транспортировка/хранение грузов, сельское хозяйство, сегменты «умный город»/«умный дом», может составить около 2,8 трлн руб.

Цифровые инновации также снижают затраты на изобретения, увеличивая возможности для процесса, посредством которого новые продукты заменяют существующие продукты. Причем вход новых производителей на рынок происходит при более низких барьерах для входа. Потребность в капитале для разработки программного обеспечения, являющегося ядром цифровых инноваций, намного ниже, чем для других видов инновационной деятельности, требующих специфических условий или значительных затрат для разработки (например, лабораторий в фармацевтике и т. п.). Экономика программного приложения фактически позволяет отдельным разработчикам или небольшим компаниям предлагать свои продукты в сети без прямых затрат.

Для рынков, на которых «победитель получает все», характерен более высокий риск и значительная волатильность доходов. Более высокий риск ведет к тому, что инвесторы требуют премию за риск, увеличивая среднюю доходность капитала. Увеличение риска частично объясняет причину роста средней доходности капитала и его разброса по фирмам в процессе развития цифровизации экономики. С другой стороны, динамика инноваций и выход на рынок могут привести к снижению концентрации рынка, обусловленному экономией от масштаба, которое допускают цифровые инновации. Какая из двух противоположных тенденций станет доминирующей в итоге будет зависеть от технологий, бизнес-стратегий и институциональных ограничений (антимонопольное и предпринимательское законодательство).

Новые технологии и радикальные изменения в базовых технологиях уменьшают преимущество тех сотрудников, которые в данный момент работают на предприятии, и способствуют появлению новых сотрудников, владеющих IT-технологиями, а также росту конкуренции. Стабильность технологии благоприятствует действующим производителям и концентрированным рыночным структурам. С точки зрения бизнес-стратегий топ-менеджмент может выявлять и внедрять новые, более эффективные способы защиты позиции фирмы на рынке в цифровой экономике. Это связано с сетевыми эффектами: чем больше клиентов у продукта, тем он более ценен для клиентов; с техническими стандартами – крупные игроки выступают за стандарты, которые увеличивают стоимость входа на рынок; с блокирова-

нием доступа конкурентов к данным – в цифровой экономике именно данные являются основой для входа для многих инноваций и услуг; а также с ролью крупных фирм как «интеграторов», которые приобретают стартапы, успешно продвигающие новые продукты (здесь двойное преимущество: разнообразие продуктовой линейки и предотвращение потенциальной конкуренции).

Цифровые инновации в сфере взаимодействия с окружающей средой в целом и с бизнес-средой (коммуникационные цифровые инновации) развиваются прежде всего как интерфейсы на основе нейрокомпьютеров, беспилотных устройств, биометрии, мобильных девайсов. Часть из таких инноваций (биометрия, мобильные приложения) в настоящее время уже широко применяются в разных секторах экономики. Например, нейронный интерфейс активно используется в медицинском секторе.

Эффект от внедрения, например, самоуправляемых автомобилей распространяется как на города, так и на страны, но его результаты разнонаправлены. Так, наряду с положительными – снижением загруженности дорог и вероятности дорожно-транспортных происшествий (по ряду оценок на 70%), негативное воздействие автопилотов просматривается в уменьшении занятости на рынке перевозок, налогооблагаемой базы и т. п. Тем не менее потенциал такого рынка к 2050 г., по данным Intel, оценивается в 7 трлн долл.⁵, включая рынок коммерческих перевозок.

Цифровые инновации оказывают все более существенное влияние на механизмы функционирования рынков. Здесь особо выделим механизмы рыночной конкуренции. Согласно Й. Шумпетеру, инновации генерируют рыночную ренту и наделяют авторов инноваций эксклюзивностью, которая позволяет им устанавливать цены выше предельных издержек и получать прибыль [12]. Если следовать этому подходу, то в сфере цифровых инноваций сложилась ситуация, которую Д. Геллек и С. Паунов определили как «цифровое неконкурирование» [13].

«Неконкурентный» характер цифровых инноваций обусловлен тем, что затраты в основном связаны с их разработкой, с проектированием и исследованием рынка, в то время как затраты на реализацию и распространение незначительны. Это приводит к большой отдаче от масштаба: чем больше инновация находит применение, тем ниже ее средняя стоимость. Возрастающая отдача от масштаба способствует созданию высококонцентрированных рыночных структур, в которых небольшое количество компаний занимают большую часть рынка (объем продаж при этом приводит к снижению себестоимости единицы продукции).

⁵ 3dnews.ru/953350.

Развитие цифровых технологий привело к тому, что предельные издержки производства стали крайне низкими, а все большую часть стоимости продукции составляет нематериальный компонент. Это касается таких полностью нематериальных продуктов, как программное обеспечение. Все чаще на рынках складывается ситуация, когда «победитель получает все». Рынки становятся похожими на турниры, в которых лучшее предложение выигрывает и захватывает большую часть рынка. Более того, глобализация позволила успешным фирмам доминировать не только на национальном, но и на глобальном рынках.

Еще одним рыночным эффектом цифровых инноваций является влияние полученной от них ренты на неравенство по доходам. Снижение входных рыночных барьеров, конечно, способствует повышению трудовой и социальной мобильности. Доля работников с высоким доходом, например, в США, увеличилась в последние десятилетия, что коррелирует с интенсивностью инновационной активности [14]. В то же время наблюдается тенденция, когда распределение доходов осуществляется прежде всего между акционерами и инвесторами, топ-менеджерами и ключевыми сотрудниками компаний-победителей, которые уже имеют высокий уровень доходов, что в итоге приводит к увеличению неравенства. Доходы остальных работников зависят от их участия в цифровых инновациях и от того, насколько их профессия и имеющиеся у них навыки дополняют или заменяют имеющиеся технологии.

В перспективе на механизмы функционирования рынков в целом, в первую очередь финансовых рынков, рассматриваемые в контексте передачи информации и ее верификации, а также и конкуренции, активно будет воздействовать использование систем электронных денежных средств. Здесь выделим одноранговую систему биткоин, основанную на криптографии, а не на доверии, и позволяющую любым двум заинтересованным сторонам напрямую взаимодействовать друг с другом без посредничества доверенной третьей стороны. Такая технология существенно снижает риски и экономит время, поскольку цифровая информация надежно передается между двумя сторонами без посредника.

Биткоин был первой цифровой платформой, запущенной децентрализованно, без привлечения расчетного центра. Первые пользователи и инвесторы экспериментировали с криптовалютой в надежде на то, что в сети увеличится количество пользователей путем генерации циклов положительной обратной связи. Процесс распространения имел мощные стимулы, которые аналогичны модели венчурного капитала для вознаграждения первых пользователей за риск, время, усилия и финансовые вложения в новую платформу. Такая же система стимулирования в настоящее время используется в стартапах для уве-

личения капитала и снижения затрат на взаимодействие пользователей и сообществ разработчиков цифровых инкубаторов. Это позволяет им конкурировать в условиях, когда сети в значительной мере ориентированы на авторитетных игроков.

Платформа регулирует передачу прав собственности цифровой валюты, объединяя общий реестр и систему безопасности. С экономической точки зрения такое решение для рынка предоставляет преимущества централизованной цифровой платформы (как, например, выгода от сетевого эффекта) без последствий, связанных с присутствием посредника. Однако оно может привести к увеличению рыночной власти, отказу от обязательств перед участниками системы, контролю над данными участников, наличию одной точки отказа и т. п.

По отношению к существующим финансовым сетям криптовалюта типа биткоин обеспечивает низкие барьеры входа для новых поставщиков услуг и разработчиков приложений, а также альтернативную денежную политику для лиц, которые не живут в странах с заслуживающими доверия институтами: ключевые обязательства, закодированные в протоколе биткоин, являются его фиксированным предложением с заранее определенным графиком выпуска, а правила могут быть изменены только большинством участников сети. В странах с надежным и независимым центральным банком преимущества биткоина ограничены [15]. Биткоин может быть использован для нелегальной деятельности, а ценность криптовалюты может колебаться в связи с изменениями ожиданий относительно ее будущего, ограничивая ее использование в качестве эффективного средства обмена.

Расширение использования систем электронных денежных средств связано с технологией блокчейн. Данная технология в виде распределенного публичного реестра может использоваться любым участником сети для проверки и расчетов, в том числе в криптовалюте. Ее успех определяется величиной двух ключевых издержек: стоимостью верификации и стоимостью сетевого взаимодействия [15]. Эти затраты определяют устройство и эффективность цифровых платформ. Снижение стоимости верификации имеет экономические последствия в основном для увеличения интенсивности продаж (улучшение имеющихся приложений). Для экстенсивного развития (создание новых приложений) более важным является снижение стоимости взаимодействия в сети.

Блокчейн представляет собой технологию общего назначения, так как имеет возможность отслеживать атрибуты транзакции и расчеты по сделке и обеспечивать исполнение контрактов. Записи в распределенном реестре представляют факт владения в валюте, цифровом контенте, интеллектуальной собственности, капитале, информации, контрактах, финансовых и физических активах. В результате модель

масштабирования, впервые примененная в биткоине, используется в проектах с открытым исходным кодом и в стартапах, заинтересованных в создании платформ для обмена дефицитными цифровыми товарами. Новые типы сетей, которые могут быть созданы с использованием этой технологии, бросают вызов бизнес-моделям существовавших цифровых платформ и финансовых учреждений и открывают возможности для новых подходов к обмену цифровыми активами, владению данными и монетизации, лицензированию информации и конфиденциальности.

В заключение отметим, что увеличение масштабов внедрения цифровых инноваций, особенности их воздействия на рынки обязательно должны учитываться при проведении экономической политики. Многие инструменты этой политики, способствующие формированию инноваций, были разработаны для экономики, в которой преобладали нецифровые виды деятельности. Поэтому рента, основанная на использовании цифровых инноваций, практически не принималась во внимание. Инструменты экономической политики должны быть скорректированы с учетом необходимости активизации цифровых инноваций, но при обеспечении возможностей выхода на рынки цифровых технологий новых участников. Защита рыночной конкуренции должна стать императивом экономической политики в условиях цифровизации рынков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мыльникова Л.А. Инновации и цифровизация российской экономики // Экономический журнал. 2019. № 1. С. 107–119.
2. Goldfarb A., Tucker C. Digital Economics // Journal of Economic Literature. 2019. Vol. 57, № 1. Pp. 3–43.
3. Dinerstein M., Einav L., Levin J., Sundaresan N. Consumer price search and platform design in internet commerce. WP, Stanford University, 2017. web.stanford.edu/~jdlevin/Papers/PriceSearch.pdf.
4. Waldfogel, J., Chen L. Does information undermine brand? Information intermediary use and preference for branded web retailers // Journal of Industrial Economics. 2006. 54(4). Pp. 425–449.
5. Yang H. Targeted search and the long tail effect // The RAND Journal of Economics. 2013. 44(4). Pp. 733–756.
6. Brynjolfsson E., Hu Y., D. Simester D. Goodbye Pareto principle, hello long tail: The effect of search costs on the concentration of product sales // Management Science. 2011. 57(8). Pp. 1373–1386.
7. Dana J.D., Orlov J., Orlov E. Internet penetration and capacity utilization in the US Airline industry // American Economic Journal: Microeconomics. 2014. 6(4). Pp. 106–37.
8. Kuhn P., Mansour H. Is internet job search still ineffective? // Economic Journal. 2014. 124(581). Pp. 1213–1233.

9. Bakos, Y., Brynjolfsson E. Bundling and competition on the internet // Marketing Science. 2000. 19(1). Pp. 63–82.
10. Waldfogel J. Copyright research in the digital age: Moving from piracy to the supply of new products // American Economic Review. 2012. 102(3). Pp. 337–342.
11. Einav L., Klenow P., Klopach B., Levin J., Levin L., Best W. Assessing the gains from e-commerce // Working paper. Stanford University, 2017.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
13. Guellec D., Paunov C. Digital Innovation and the Distribution of Income. In: Measuring and Accounting for Innovation in the 21st Century, Corrado, Haskel, Miranda, and Sichel, 2019.
14. Aghion P., Akcigit U., Bergeaud A., Blundell R., & Hémous D. Innovation and Top Income Inequality // NBER Working Paper. 2015. No. 2124.
15. Catalini C., Gans J. Some simple economics of the blockchain // NBER Working Paper. 2019. No. 22952.

ABOUT THE AUTHOR

Magomaeva Leyla Rumanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Acting Director of the Institute of Digital Economics and Technological Entrepreneurship of the Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionschikov, Grozny, Russia
rumanovna@gmail.com

DIGITAL INNOVATION IN THE MODERN ECONOMY: AREAS OF IMPLEMENTATION AND EFFECTS

The article presented the results of a study of the practice of application of digital innovations within the framework of such areas of activity as the collection, storage, processing and transmission of data, production technologies and communication technologies. The economic effects of digital innovation are examined. It was shown that, in modern conditions, these effects were manifested primarily in the reduction of costs, which had arisen during work with digital information, in the search, replication, transmission, tracking and verification of data. The mechanism of obtaining of competitive advantages in the market by digital technologies and products, was disclosed. The effects of using electronic monetary systems and decentralized blockchain technology, in the context of the development of the financial market, was analyzed.

Key words: *digital innovation, digital economy, information, competition, digital transformation.*

JEL: L81, L86, O30.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

К НОВОМУ КАЧЕСТВУ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

Государственная программа «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» является центральным звеном перестройки бюджетно-финансовой политики на началах программно-целевого подхода. В то же время при разработке Программы и внесенных в нее на сегодняшний день изменений не удалось обеспечить необходимую согласованность ее целей, ожидаемых результатов, целевых показателей, в том числе в отношении формирования и использования Фонда национального благосостояния, с важнейшими задачами социально-экономического развития Российской Федерации. В статье обосновывается вывод о целесообразности серьезной доработки Программы.

Ключевые слова: *программно-целевой подход, существенные угрозы и риски, государственная программа, стратегическое планирование, Федеральный бюджет, Фонд национального благосостояния.*

JEL: E60, H50, H53, H61.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10022

Перспективы перелома ряда негативных тенденций в развитии экономики Российской Федерации и перехода к динамичному и сбалансированному экономическому росту, повышение уровня жизни широких слоев населения в настоящее время обоснованно связываются с реализацией национальных проектов и государственных программ, которые призваны воплотить на практике программно-целевой подход к управлению социально-экономическими процессами. Эффективность программно-целевого подхода на макроэкономическом уровне определяется способностью всех управленческих структур, вовлеченных в процессы принятия, исполнения и контроля решений, ориентироваться на конечные цели социально-экономического развития. Эти цели должны достигаться в результате последователь-

ной реализации комплекса социальных, экономических и организационных мероприятий, включающего в себя обоснование и постановку конкретных задач на всех уровнях управления, а также действия по их выполнению в намеченные сроки. Необходимыми элементами программно-целевого подхода являются мониторинг и контроль выполнения предусмотренных мероприятий. Целевые показатели (индикаторы) должны отражать системные характеристики результатов реализации программно-целевого подхода. Цели, задачи, методы исполнения программ должны быть относительно стабильными, не декларативными, транспарентными и взаимно непротиворечивыми. Способность национальных проектов и государственных программ обеспечивать динамичный и сбалансированный экономический рост, а также позитивные социальные изменения в значительной мере зависят от соблюдения указанных условий эффективности программно-целевого подхода. Соответствующие положения законодательно закреплены Федеральным законом РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ от 28.06.2014 (далее – Закон №172-ФЗ)¹.

Эти общие требования диктуют целесообразность постоянной оценки результатов выполнения национальных проектов и государственных программ, правильности и своевременности постановки общих целей и конкретных задач, в том числе и степени достижения целевых показателей и индикаторов.

Основная часть расходов Федерального бюджета в 2020 г. и последующих годах, согласно Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов», будет осуществляться в виде расходов на реализацию государственных программ и национальных проектов Российской Федерации. Доля данных расходов в федеральном бюджете в 2020–2022 годах будет превышать 85%, что, по крайней мере с формальной стороны, свидетельствует о переходе планирования и исполнения Федерального бюджета на принципы программно-целевого управления. Расходы на государственные программы составят в 2020 г. 75,1% всех расходов федерального бюджета². Предполагается, что в 2024 г. расходы на государственные программы превысят 70% расходов федерального бюджета³. С учетом задач, поставленных Президентом РФ в Послании Федеральному

¹ base.garant.ru/70684666.

² Федеральный Закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912030041 (дата обращения: 21.02.2020).

³ Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года. government.ru/docs/36232. (дата обращения: 21.02.2020).

Собранию от 15.01.2020⁴, в том числе увеличения бюджетных мест в вузах, развертывания ФАП, помощь семьям с детьми и другие, эта доля, вероятно, будет еще более значительной.

Государственной программе «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 320 (далее – Программа)⁵, принадлежит ведущая роль в совокупности национальных проектов и государственных программ. Согласно Бюджетному прогнозу Российской Федерации на период до 2036 г. от 09.04.2019 (далее – Бюджетный прогноз), доля расходов на выполнение Программы за период с 2017 по 2024 гг. превысит 11% общей суммы расходов на государственные программы федерального бюджета. По объему расходов Программа в этот период будет сопоставима с расходами на государственные программы «Социальная поддержка граждан», «Развитие транспортной системы». Разработка Бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период была предусмотрена Программой (Подпрограмма 1, показатель 1.1) еще в 2014 г. Сформирован Бюджетный прогноз был в 2019 г. Также Программой предусмотрено представление в Госдуму изменений, внесенных в бюджетный прогноз (Подпрограмма 1, контрольное событие 1.1)⁶.

Данная статья не преследует цель дать комплексную оценку результатов исполнения Программы. Эта оценка происходит на базе ежегодных Отчетов Минфина РФ об исполнении Программы и ежегодного Сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, Правила подготовки которого утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903. Для решения указанных задач есть мощный аппарат Администрации Президента, Правительства, Счетной палаты, Минфина. Цель статьи – рассмотреть ряд проблем, с которыми связаны потенциальные риски снижения результативности Программы и отдачи средств федерального бюджета, выделяемых для ее реализации. Это особенно важно в связи с тем, что Программа

⁴ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 15.01.2020 rulaws.ru/president/Poslanie-Prezidenta-RF-Federalnomu-Sobraniyu-ot-15.01.2020 (дата обращения: 21.02.2020).

⁵ Государственная программа «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»; утверждена Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 320, в редакции Постановления Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 370. programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.sspport/39) и в редакции Постановления Правительства РФ от 30 марта 2017 г. № 349. www.garant.ru.

⁶ См.: Правила формирования Сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации (Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 903). www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72201742 (дата обращения: 21.02.2020).

действует уже 5 лет, т.е. истекла половина срока, отведенного на ее исполнение, согласно Постановлению Правительства РФ от 15.04.2014 № 320, в котором срок исполнения Программы установлен в 2024 г.

Значение Программы определяется не только и не столько ее долей в общем объеме расходов на реализацию государственных программ (открытой части). Значение Программы в первую очередь в том, что ее реализация во многом определяет возможности эффективной организации финансового обеспечения национальных проектов и государственных программ. Согласно упомянутым выше Правилам⁷ (п. 12 абз. 2), Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ, сформированный на основе уточненных годовых отчетов и окончательной информации о кассовом исполнении федерального бюджета (бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ) за отчетный год, рассматривается на заседании Правительства РФ одновременно с годовой отчетностью об исполнении федерального бюджета. Более того, в рамках Программы в соответствии с Планом-графиком реализации Программы на 2019 и на плановый период 2020 и 2021 гг. (Приказ Минфина от 17.04.2019) мероприятием 2.3.1. предусмотрено формирование предложений по оптимизации системы государственного управления – состава, численности и расходов федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений. Таким образом, в силу логики вещей и непосредственных задач Программы, принципы и методы ее формирования и исполнения должны стать образцом для федеральных органов исполнительной власти в отношении реализации национальных проектов и государственных программ, а также и всей их деятельности.

При этом исполнение Программы предполагает перестройку управления государственными финансами, в рамках которой должна быть достигнута высокая степень согласованности с решаемыми финансовыми, экономическими и социальными задачами:

- целевого, функционального, ведомственного, предметного (в разрезе статей и параграфов бюджетной классификации) подходов при планировании и исполнении бюджетных назначений;
- методов и видов казначейского сопровождения средств федерального бюджета, в том числе интеграция казначейского сопровождения средств, предоставляемых юридическим лицам на основании государственных контрактов и банковского сопровождения указанных контрактов.

Такая перестройка требует высокой организационной и управленческой культуры на базе использования современных информа-

⁷ Там же.

ционных технологий. С другой стороны, хорошо известно, что хаос в финансировании и, соответственно, в ресурсном обеспечении, неизбежно продуцирует дополнительные риски в исполнении любого дела. Этими обстоятельствами определяется приоритетное внимание к Программе.

Цели, задачи и ожидаемые результаты Программы

Важнейшие ожидаемые результаты Программы (в действующей редакции, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. №370) сформулированы в первом абзаце соответствующего раздела Программы следующим образом – «создание условий для устойчивого, динамичного и сбалансированного развития экономики, повышение качества управления государственными финансами и правового регулирования финансового рынка, содействие цифровизации финансовой системы»⁸. В предыдущей редакции, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 30 марта 2017 г. №349, важнейшие ожидаемые результаты сформулированы более широко – «создание стабильных финансовых условий для устойчивого экономического роста, повышения уровня и качества жизни, обеспечения национальной безопасности ...»⁹

Отметим, что вопросы повышения уровня и качества жизни «выпали» не только из раздела «Ожидаемые результаты» – их присутствие не заметно и в других разделах действующей редакции Программы. Таким образом, Программа, исходя из ее текста в последней редакции, ориентирована на создание условий экономического роста, который может и не обеспечивать повышение уровня и качества жизни. С учетом реальных результатов периода 2017–2018 гг., когда произошло снижение реальных доходов населения, такая корректировка закономерна. Однако это не снимает с повестки дня вопрос о том, надо ли выдвигать такой результат как ориентир государственной бюджетно-финансовой политики как минимум до 2024 г.?

Вызывает сомнения также корректность постановки самих целей Программы с точки зрения достижения ожидаемых результатов в виде условий для устойчивого, динамичного и сбалансированного развития экономики. Долгосрочная сбалансированность и устойчивость бюджетной системы – лишь одно из условий экономического роста, который возможен и во многих случаях происходил в реальности при отсутствии бюджетной стабильности. Программа, по сути, предполагает определенную последовательность приоритетов макро-

⁸ [programs.gov.ru/Portal/ programs/paprograms.ssport/39](https://programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39).

⁹ www.garant.ru.

экономической политики: сначала бюджетная стабильность, причем в далеко не бесспорном варианте, который принят в Программе (см. ниже), затем экономический рост. С точки зрения приобретения и повышения инвестиционного рейтинга такая последовательность обоснована. Но в условиях режима санкций, задачи повышения инвестиционного рейтинга РФ не могут быть приоритетными. Понимание этого обстоятельства, по-видимому, стало причиной исключения в 2019 г. показателя 4 «Долгосрочный кредитный рейтинг Российской Федерации по международной шкале ведущих международных рейтинговых агентств (Standard&Poor's, Fitch Ratings, Moody's) (место)» из перечня основных индикаторов Программы. Мера эта несколько запоздала (санкциям уже немало лет).

Вопрос о том, в какой мере бюджетная стабильность сама по себе способна инициировать экономический рост, – как минимум дискуссионный. Не говоря уже о вопросе, насколько отмеченная выше последовательность приоритетов макроэкономической и бюджетно-финансовой политики соответствует реальным условиям РФ. Хорошо известно, что бюджетная стабильность может достигаться и поддерживаться и в условиях нулевого и «отрицательного» роста. Неясно также, какая модель экономического роста должна быть обеспечена в результате реализации Программы, а без ясности в этом вопросе невозможно определить количественные и качественные параметры ожидаемых результатов Программы.

Между тем Программа является, как отмечено выше, ключевым звеном в совокупности национальных проектов и государственных программ, нацеленных на решение задач социально-экономического развития. В качестве таковой Программа должна соответствовать требованиям Закона №172-ФЗ, а именно: в Программе должны быть указаны результаты социально-экономического развития, т.е. состояние экономики и социальной сферы, которое «характеризуется количественными и/или качественными показателями» (гл. 1, ст. 3, п. 15). В данном случае эти ожидаемые результаты, по названным выше причинам, сложно отразить конкретными показателями. Фактически частично это признали составители Программы, исключив «повышение уровня и качества жизни» из числа ожидаемых результатов.

Таким образом, в процессе реализации Программы цели, задачи и ожидаемые результаты были переформулированы так, что их масштаб сократился, как по сравнению с общими целями государственной финансово-бюджетной политики, так и по сравнению с первоначально установленными целями, задачами и ожидаемыми результатами. Так, редакция, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 30 марта 2017 г. №349, предусматривала в числе ожидаемых результатов повышение устойчивости и транспарентности банковской

системы, обеспечение эффективного функционирования системы формирования и инвестирования пенсионных накоплений и повышение роли негосударственных пенсионных фондов как институциональных инвесторов на финансовом рынке. В действующей редакции в числе ожидаемых результатов Программы отсутствуют упоминания о банковской системе, об инвестировании пенсионных накоплений и о негосударственных пенсионных фондах. Эти «ожидаемые результаты» перешли в состав задач подпрограммы 5 «Развитие законодательства Российской Федерации в сфере финансовых рынков, валютного регулирования и валютного контроля, отрасли драгоценных металлов и драгоценных камней»¹⁰.

Исходя из установленных задач программно-целевого подхода, целей и ожидаемых результатов, Программа призвана быть инструментом координации действий Минфина РФ, Банка России, а также Минэкономразвития РФ. Такая координация предусмотрена Положением о Министерстве финансов РФ, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. №329¹¹. Это Положение определяет, что Минфин РФ во взаимодействии с ЦБ РФ разрабатывает «основные направления развития финансового рынка» (п. 1 абз. 2). Но и задачи, которые указаны в действующей редакции Программы, в том числе «эффективное управление государственным долгом и государственными финансовыми активами Российской Федерации, формирование долгосрочных финансовых ресурсов для развития экономики, повышение доверия к финансовому сектору и защита прав потребителей финансовых услуг»¹², без непосредственного участия Банка России не могут быть решены. Как отмечено в подготовленных Банком России «Основных направлениях развития финансового рынка РФ на период 2019–2020 годов», максимальный эффект от исполнения этих направлений «может быть достигнут только при комплексной реализации мероприятий всеми задействованными сторонами». По этой причине «межведомственное взаимодействие» является одним из наиболее значимых факторов риска [1; 2, с. 37]. Однако Программа не предусматривает соисполнителей (с марта 2019 г. Минэкономразвития РФ является одним из участников Программы, но не соисполнителем)¹³.

Маловероятно, что может оказаться эффективным или просто подающим корректной оценке вариант реализации программно-целевого подхода, при котором важнейшие задачи исчезают в середине

¹⁰ www.garant.ru; <https://programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39>.

¹¹ base.garant.ru/12136348 (дата обращения: 21.02.2020).

¹² programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39.

¹³ programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39.

срока действия Программы, достижение целей не является необходимым и достаточным условием получения ожидаемых результатов, а сама Программа приобретает все больше отличительных особенностей ведомственного плана работы.

Подталкивает усиление ведомственного начала в Программе порядок финансирования, при котором в рамках Программы производится основная часть расходов на содержание аппарата Минфина. Как отмечено выше, аналогичный порядок (в рамках государственных программ и национальных проектов) так или иначе будет влиять на организацию деятельности других ведомств просто в силу того, что исполняются те работы, которые финансируются, и наоборот. А это значит, что перед начальником любой канцелярии (в т.ч. канцелярии Минфина) встает дилемма: либо сворачивать необходимые работы, которые по каким-либо причинам плохо вписываются в «прокрустово ложе» формулировок той или иной программы, либо канцелярскими хитростями расширить это «ложе». В результате такого рода бюрократических изысков, во многом вынужденных, выполнение должностных обязанностей переходит в разряд задач программно-целевого подхода, а также лиц, составляющих оценки его результативности. Так рождаются отчетные показатели, подобные показателям Подпрограммы 2 «Нормативно-методическое обеспечение и организация бюджетного процесса» (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 марта 2017 г. №349): показатель 2.3 «Соблюдение установленных законодательством Российской Федерации требований о составе отчетности об исполнении федерального бюджета, формируемой Федеральным казначейством» или показатель 2.4 «Соблюдение установленных законодательством Российской Федерации требований о составе отчетности об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, формируемой Федеральным казначейством». Естественно, что выполнение этих показателей всегда планировалось 100-процентным, каковое и было достигнуто. Соответственно повышалась и ежегодная количественная оценка общих итогов выполнения Программы, что стимулирует увеличение числа подобных ведомственных показателей: чем больше аналогичных позиций в Программе, тем выше итоговая оценка ее исполнения.

Действующей редакцией Программы (Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. №370) и Планом-графиком реализации Программы на 2019 и на плановый период 2020 и 2021 годов (Приказ Минфина от 17.04.2019) в рамках п.2.2 «Оптимизация бюджетного процесса» предусмотрено «принятие федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период, федерального закона об исполнении федерального бюджета».

бюджете» и соответствующие мероприятия и контрольные события¹⁴. В том числе, например, предусмотрен ожидаемый результат от реализации мероприятия 2.2.7. «Своевременное предоставление бюджетных средств в соответствии с решениями Правительства РФ, создание и поддержание необходимых финансовых резервов». Аналогичным образом Программой предусмотрено решение ряда других задач, которые являются задачами Минфина в соответствии с Положением о Министерстве финансов РФ¹⁵. Соответствующей работой Минфин занимался еще в Российской империи и, будем надеяться, продолжит заниматься в обозримой перспективе, какие бы бюрократические новации ни обрушивались на его сотрудников. О решении этих задач Минфин имеет основания отчитываться, не прибегая к бюрократическим ухищрениям.

Целевые показатели (индикаторы) Программы

Целевые показатели Программы не определяют в должной мере количественные и/или качественные характеристики не только ожидаемых результатов, но и целей Программы (что также не соответствует требованиям Закона №172-ФЗ, гл. 1, ст. 3, п. 15).

Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. №370 установлены следующие целевые показатели Программы (приводятся по состоянию на 25.11.2019):

1. Ежегодный первичный структурный дефицит федерального бюджета по отношению к валовому внутреннему продукту, не более, процент;
2. Комплексная оценка качества управления бюджетным процессом, процент;
3. Государственный долг Российской Федерации по отношению к валовому внутреннему продукту, не более, процент;
4. Собираемость налогов и сборов, не менее, процент;
5. Создание регуляторных условий для развития финансовых рынков, процент.

По сравнению с предшествующей редакцией 2017 г. набор показателей претерпел значительные изменения. Из редакции 2017 г. только два показателя остались неизменными в редакции 2019 г. – государственный долг Российской Федерации по отношению к валовому внутреннему продукту и собираемость налогов и сборов. Но и в действующей редакции сохранилась важнейшая особенность набора основных

¹⁴ [programs.gov.ru/Portal/ programs/paprograms.ssport/39](http://programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39).

¹⁵ Положение о Министерстве финансов Российской Федерации, утверждено Постановлением Правительства РФ №329 от 30 июня 2004 г. base.garant.ru/12136348 (дата обращения: 21.02.2020).

показателей (индикаторов) Программы – все вместе, а тем более по отдельности, эти показатели не обеспечивают системной характеристики целей и/или ожидаемых результатов Программы.

Так, минимизация «ежегодного первичного структурного дефицита федерального бюджета по отношению к валовому внутреннему продукту» (также как до 2019 г. «ненефтегазового дефицита») федерального бюджета (индикатор 1), как и профицит бюджета, может сочетаться (и на практике во многих случаях сочетается) с дефицитностью и острой нехваткой средств региональных и муниципальных бюджетов, с недостатком средств для обеспечения текущих расходов федеральных бюджетных учреждений и/или инвестиционных расходов на развитие организаций, находящихся в федеральной собственности.

Индикатор 3 «Государственный долг Российской Федерации по отношению к валовому внутреннему продукту» в период с 2018 по 2024 г. зафиксирован на уровне не более 20% (по состоянию на 25.11.2019 фактически составляет 12,10%). Однако этот индикатор лишь частично характеризует долговую нагрузку на экономику и бюджет. Многие развивающиеся и развитые страны имеют показатели госдолга, близкие к объему ВВП, и одновременно устойчивые темпы роста экономики и высокие инвестиционные рейтинги.

Высокая собираемость налогов (индикатор 4) может сочетаться с душающим экономику налоговым бременем. Неясно, как данный показатель корреспондирует со значительной долей теневого сектора в экономике РФ. Бюджетный прогноз констатирует низкую собираемость налогов на труд в РФ как один из источников бюджетных рисков¹⁶ (с. 40–41). В то же время показатель собираемости налогов в данных об исполнении Программы на 25.11.2019 составляет 100,36%¹⁷. То есть у разных экспертов, причастных к составлению Программы, существуют разночтения в понимании самого термина «собираемость налогов».

Очевидно, что важнейшие индикаторы Программы могут сохранять запланированные позитивные значения и при отсутствии бюджетной стабильности, и при сокращении или увеличении отношения бюджетных доходов/расходов к ВВП, и при нулевом или отрицательном экономическом росте.

Таким образом, цели, задачи и ожидаемые результаты Программы часто сформулированы так, что при любом развитии макроэкономических и социальных процессов отчетные показатели могут выглядеть (и, скорее всего, будут выглядеть) благополучно, а составить отчет об их выполнении можно будет по известному рецепту «к пуговицам претензии есть?».

¹⁶ government.ru/docs/36232.

¹⁷ base.garant.ru/70684666.

Задачи Фонда национального благосостояния

Вместе с тем некоторые цели Программы не заявлены в разделе «Цели», но реализуются при подготовке ежегодных бюджетов и предполагаются, согласно Бюджетному прогнозу, к последовательной реализации в долгосрочной перспективе. Приоритетными целями бюджетно-финансовой политики стало сокращение роли федерального бюджета и в целом бюджетов бюджетной системы РФ в экономическом и социальном развитии Российской Федерации (табл. 1). При этом показатели отношения доходов и расходов бюджетной системы (и/или федерального бюджета) к ВВП в составе целевых показателей Программы отсутствуют.

Таблица 1

Отчетные и прогнозные характеристики бюджетов бюджетной системы и Фонда национального благосостояния Российской Федерации, в % к ВВП (в период 2018–2036 гг.).

	2018 г.*	2020 г.**	2024 г.	2030 г.	2036 г.
Бюджеты бюджетной системы РФ					
Доходы	35,6	–/35,8	33,7	32,5	31,4
Расходы	32,7	–/34,8	33,7	33,0	31,9
Дефицит	2,9	–/1,0	–0,1	–0,5	–0,5
Федеральный бюджет					
Доходы	18,7	18,1/18,3	16,3	15,0	14,2
Расходы	16,1	17,3/17,2	16,3	15,6	14,8
Дефицит (профицит)	2,6	0,8 /1,1	–0,1	–0,7	–0,7
Фонд национального благосостояния					
Объем ФНБ (конец года)	3,9	9,8 /10,6	15,6	15,1	11,8

* 2018: отчет, предварительные данные; ** 2020: согласно Закону о Федеральном бюджете на 2020 год / согласно Бюджетному прогнозу.

Источник: рассчитано автором по: [2; government.ru/docs./36232; Приложения 1, 2; Социально-экономическое положение России. 2019, январь М.: Росстат, 2019. www.gks.ru, с. 171].

Такое сокращение не означает увеличения финансовых средств, которыми распоряжаются непосредственные субъекты хозяйствования и население. Приведенные данные показывают, что фактическим приоритетом является наращивание Фонда национального благосостояния (ФНБ), пополняемого ускоренными темпами, хотя и с некоторым отставанием ежегодных объемов этого роста от значений,

предусматриваемых Бюджетным прогнозом. Цели Программы (подпрограмма 4), касающиеся ФНБ, определены в действующей редакции следующим образом: «обеспечение сохранности средств Фонда национального благосостояния и стабильного уровня доходов от их размещения в долгосрочной перспективе». Среди ожидаемых результатов подпрограммы 4 «создание долгосрочного источника финансирования дефицита Федерального бюджета и поддержки пенсионной системы РФ посредством обеспечения сохранности средств ФНБ и стабильного уровня доходов от их размещения»¹⁸.

Таким образом, согласно Программе для ФНБ, цели финансирования инвестиций в развитие экономики, реализацию инфраструктурных и инновационных проектов не приоритетны, поскольку подчинены задачам обеспечения доходности и ликвидности средств Фонда как финансового резерва. Программа (в разделе «Приоритеты и цели государственной политики, в том числе общие требования к политике субъектов Российской Федерации в сфере реализации Программы») прямо указывает, что Фонд национального благосостояния является необходимым финансовым резервом.

В конце 2020 г. объем ФНБ составит около половины доходов федерального бюджета¹⁹. По состоянию на 1 ноября 2019 г. объем ФНБ составлял 7,950 трлн руб., что эквивалентно 124,5 млрд долл. Из них в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией инфраструктурных проектов, инвестировано 197,130 млрд руб. и 4,113 млрд долл., еще 138,434 млрд руб. размещено на субординированных депозитах в ВТБ и Газпромбанке в целях финансирования таких проектов [14, 05.12.2019], что в совокупности составляет около 7,3% объема средств ФНБ. В то же время, согласно Бюджетному прогнозу, после 5 лет реализации Программы только «предполагается формирование целостной системы управления средствами ФНБ»²⁰. Определение конкретных направлений расходования средств ФНБ в настоящее время происходит и, очевидно, будет происходить в дальнейшем за рамками процесса планирования и исполнения федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. «Правила размещения средств Фонда национального благосостояния в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией самокупаемых инфраструктурных проектов», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 5 ноября

¹⁸ [programs.gov.ru/Portal/ programs/paprograms.ssport/39](http://programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39).

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2013 г. №990 «Об утверждении Правил размещения средств Фонда национального благосостояния в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией самокупаемых инфраструктурных проектов». base.garant.ru/70495140 (дата обращения: 21.02.2020).

²⁰ government.ru/docs/36232.

2013 г. № 990, устанавливают порядок размещения Минфином РФ средств ФНБ в ценные бумаги российских эмитентов, связанные с реализацией самоокупаемых инфраструктурных проектов. Перечень проектов утверждается Правительством РФ²¹. Таким образом, полномочия и возможности соответствующих чиновников по управлению средствами ФНБ расширились по сравнению с порядком планирования и использования средств, предусматриваемым бюджетным законодательством в отношении средств Федерального бюджета.

Цели «формирования долгосрочных финансовых ресурсов для развития экономики» поставлены перед другой подпрограммой – 5 «Развитие законодательства Российской Федерации в сфере финансовых рынков, валютного регулирования и валютного контроля, отрасли драгоценных металлов и драгоценных камней»²². Достижение этих целей планируется путем решения задач «совершенствования нормативной правовой базы в сферах рынка ценных бумаг, страховой деятельности, банковской деятельности, формирования и инвестирования пенсионных накоплений, деятельности негосударственных пенсионных фондов, а также инвестирования временно свободных средств институтов развития»²³.

Таким образом, предполагается, что формирование долгосрочных финансовых ресурсов для развития экономики будет происходить в условиях быстрого увеличения ФНБ, которое, по сути, сопровождается ограничением роста источников этих ресурсов в экономике. Это порождает риски того, что развитие законодательства в сфере финансовых рынков (даже если таковое окажется результативным) может не стать более действенным фактором наращивания инвестиционного потенциала, чем ограничение роста источников инвестиционных ресурсов.

Остается вопрос, как наличие указанных рисков соотносится с задачами «ускорения технологического развития», «обеспечения темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности», которые определены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»²⁴, а также с задачами увеличения темпов роста ВВП выше среднемировых, поставленными Президентом РФ в Послании Федеральному собранию от 15.01.2020²⁵, и в целом с задачами инновационного роста и социального развития.

²¹ government.ru/docs/36232.

²² programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39.

²³ programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39.

²⁴ www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200.

²⁵ rulaws.ru/president/Poslanie-Prezidenta-RF-Federalnomu-Sobraniyu-ot-15.01.2020.

В то же время Программа не содержит упоминаний о существенных угрозах и рисках развитию финансового рынка в РФ и увеличению его инвестиционного потенциала, связанных с масштабами чистого вывоза капитала, инсайдерских сделок, манипулирования рынком. Из действующей редакции Программы исчезло упоминание о «деофшоризации», которое содержалось в Программе до 2019 года²⁶.

Деликатно обходя острые проблемы бюджетно-финансовой политики и задачи, решение которых предполагает тесную межведомственную координацию, Программа, как отмечено выше, претерпевает трансформацию в сугубо ведомственный план.

Риск такого рода трансформации является достаточно типичным риском при применении программно-целевого подхода, наличие которого отмечено во множестве учебных пособий. Однако учитывая значение Программы в бюджетно-финансовой политике и в совокупности национальных проектов и государственных программ, возникает угроза, что в процессе «цифровизации» может стать доминирующей тенденция превращения не только Минфина, но и прочих ведомств в своего рода «фабрики» по алгоритмизированной обработке BigData с целью изготовления отчетных форм, заполненных «правильными», наилучшим образом пригодными для отчета показателями.

Представляется, что минимизация указанных выше угроз и рисков требует серьезной переработки Программы и приведения ее в соответствие с принципами и методами программно-целевого подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2019–2020 годов. cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf (дата обращения: 21.02.2020).
2. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О Федеральном бюджете на 2020 и плановый период 2021 и 2022 годов». www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 20.12.2019).

²⁶ [programs.gov.ru/Portal/ programs/paprograms.ssport/39](http://programs.gov.ru/Portal/programs/paprograms.ssport/39).

ABOUT THE AUTHOR

Kolomiyets Andrei Grigoryevich – Doctor of Economic Sciences Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
agk1807@mail

TOWARD A NEW QUALITY OF PUBLIC FINANCE MANAGEMENT

The state program “Management of Public Finances and Regulation of Financial Markets” is the central link in the restructuring of fiscal policy on the basis of a program-targeted approach. At the same time, during the development of the revision of the Program and the amendments made to date, it was not possible to ensure the necessary consistency of its goals, expected results, targets, including with regard to the formation and use of the National Welfare Fund, with the most important tasks of the socio-economic development of the Russian Federation. The article substantiates the conclusion about the feasibility of a serious revision of the Program.

Keywords: *program-targeted approach, significant threats and risks, state program, strategic planning, Federal Budget, National Welfare Fund.*

JEL: E60, H50, H53, H61.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. МИГРАНЯН

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских стран ФГБУН Институт экономики РАН

ЭКОНОМИКА УКРАИНЫ: ВЛИЯНИЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ И ТОРГОВОГО ЭМБАРГО С РОССИЕЙ

В статье анализируются основные макроэкономические параметры экономики Украины, их динамика за последние пять лет в контексте реформ, проводимых под влиянием процессов интеграции в ЕС. Исследованы специфические черты украинской экономики, особенности проводимых экономических преобразований на разных стадиях циклического развития в условиях нестабильности внешних рынков и геополитической конфронтации с бывшими торговыми партнерами. Проведен сравнительный анализ и определены факторы, обуславливающие динамику и качество экономического роста России и Украины. Изучены основные показатели сотрудничества Украины и ЕС и их влияние на ее экономическое развитие, оценены общие макроэкономические эффекты влияния евроинтеграции.

Ключевые слова: евроинтеграция, специфика украинской экономики, влияние интеграции на экономические реформы, отраслевая структура экономики.

JEL: F15, E20, F21, F43.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10023

Особенностью затянувшегося украинского кризиса является степень и характер его влияния на международные отношения. Он стал фактором повышенного риска и турбулентности в Европе и основным фактором противостояния коллективного Запада и России. Именно «украинский кризис» явился катализатором для конфронтации России с коалицией западных стран, во главе с США, привел к политическому противостоянию, экономическим санкциям по отношению к нашей стране и создал повышенную зону риска в обеспечении ее экономической, военно-политической и геополитической безопасности [15; 16; 17].

В российской научной среде исследованию генезиса «украинского кризиса» и прогнозов его развития посвящено много работ, в большинстве из которых приведены выводы ведущих экспертов по вопросам геополитической, социальной и культурной (включая религиозные аспекты) природы и последствий этого кризиса для Украины и России, с которыми трудно не согласиться. Истоки экономического кризиса на Украине, их значимость и влияние на характер геополитической конфронтации вокруг «украинского кризиса» подверглись всесторонней оценке и системному анализу ученых. В исследованиях экономических аспектов развития украинского кризиса большое внимание уделено изучению этого феномена, повлиявшего на изменение архитектуры международных экономических отношений и формирование нового типа экономического противостояния – санкционного давления как базового инструмента конкурентной борьбы. Оно получило небывалое распространение в международных экономических отношениях в условиях повышенных геополитических и военных рисков, турбулентности мировых рынков. При этом исследованию причин кризиса, общих для всех стран постсоветского пространства, проведенному с учетом различий в подходах и процессах перехода к рыночным отношениям, институциональной и политической структуры, уделяется недостаточно внимания [6; 2]. Именно этот аспект особенно важно учитывать при сравнительной оценке рисков и проблемных зон экономических систем России и Украины в связи с высокой степенью интеграции их экономик вплоть до 2014 г.

Зависимость украинской экономики от российской, в том числе газотранспортной системы обеспечения энергоресурсами, инвестиционного сотрудничества, торгово-экономических связей в сфере технологий и промышленного сотрудничества, сохраняется и в постмайданный период, даже в условиях санкционных ограничений и экономической блокады.

В данном исследовании поставлена цель выявить факторы и риски, обусловившие экономический спад и деградацию украинской экономики, оценить влияние тех же факторов на состояние российской экономической системы, при допущении возникновения геополитических рисков и внутривнутриполитической нестабильности, подобных украинским. Также актуальным в данном контексте является моделирование условий и последствий возникновения подобных рисков для России с учетом отличий в ее потенциале, уровне развития и факторов запаса прочности.

Основными экономическими факторами в условиях системных рисков для Украины являются:

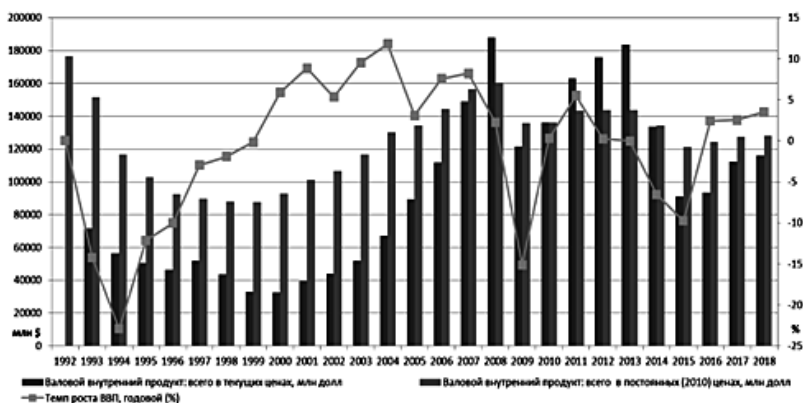
- качество и темпы развития основных макроэкономических параметров украинской экономики, как факторов риска и возможных источников заражения российской экономики;

- институциональная система (специфика государственного устройства Украины, выстроенная вертикаль административного ресурса и крупного капитала) как основного фактора, определяющего характер экономических отношений, развитие конкурентного потенциала страны и обеспечение ее экономической безопасности;
- доминирование олигополий в экспортно ориентированных сырьевых отраслях экономики, определяющее влияние крупного капитала и его интересов на экономическую политику Украины;
- влияние интеграционных эффектов на экономику в период кризиса и учет негативного опыта евроинтеграции украинской экономики при расширении и углублении евразийских интеграционных процессов.

Системные риски украинской экономической модели формировались на протяжении всего периода ее суверенного функционирования и носили хронический характер, что стало одной из причин социального напряжения, политической и экономической несостоятельности страны [4; 5; 13].

Специфика украинской экономической экономики

Исследование динамики базового макроэкономического показателя – ВВП – отчетливо показывает циклический характер экономического роста украинской экономики и факторы, его определяющие, обусловленный экономическими и политическими кризисами (см. рис. 1).

Источник: составлено автором по: данные Всемирного Банка. data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.ZS?locations=UA.

Рис. 1. ВВП Украины, 1992–2018 гг., в текущих и базовых ценах 2010 г.

Разрыв народно-хозяйственных связей с основными поставщиками и потребителями единой плановой системы в 90-е годы всеобщих

рыночных реформ на постсоветском пространстве, дуализм¹ социальной и экономической политики на Украине, формирование новых государственных институтов обусловили падение объемов производства в период первого циклического спада 1992–1995 гг., когда уровень ВВП сократился почти на 40% от базового периода 1992 г., в текущих ценах. Следующие кризисные спады экономики Украины в большей степени были обусловлены внешними факторами: влиянием мировых кризисов 1998 и 2008 гг., которые нанесли значительный урон национальной экономике в силу ее низкой конкурентоспособности. Кризис 2014–2015 гг. был сопоставим по силе своего разрушительного влияния с первым кризисом 90-х годов, но в отличие от него был вызван в большей степени геополитическим выбором Украины в ущерб национальным экономическим интересам [5] (падение ВВП в 2015 г. по сравнению с 2013 г. составило 92 млрд долл., или 50%, т. е. со 183,31 до 91 млрд долл., а в сравнении с 1992 г. в ценах 2010 г. – на 31%, или на 55,5 млрд долл.²). Сравнение показателей ВВП в текущих и базовых ценах позволяют оценить степень зависимости экономики Украины от ценовых факторов, а именно от уровня инфляции и валютных рисков, как это было в 1992–1995 гг. и 2014–2015 гг. Проблемы украинской экономики проявляются в том, что после каждого кризисного спада восстановительный рост не только не обеспечивает реальное наращивание ее объемов, но даже не покрывает потерь в период кризиса (ВВП по итогам 2018 г. составил лишь 72% ВВП 1992 г., а по сравнению с последним предкризисным уровнем 2013 г. – 89% в сопоставимых ценах 2010 г.). Таким образом, с точки зрения базового количественного параметра объемов производимого внутреннего продукта экономика Украины демонстрирует хроническое сокращение, что обусловлено влиянием инфляционного роста цен и падением валютного курса гривны (дефлятор ВВП в 2011г. составлял 114,2%, в 2015 г. он

¹ Стратегия реформ на Украине в начале 90-х предполагала эволюционный переход к рыночным отношениям, когда большинство стран с плановой экономикой стало переходить на рыночные рельсы, используя шоковую терапию. Отложенные реформы экономики в 90-е годы с сохранением высокого уровня социального обеспечения населения сопровождались активной передачей права собственности в частные руки, что привело к концентрации собственности в руках олигопольных кланов, сохранению контроля цен на государственном уровне (главное противоречие рыночным институтам) и компенсацией потерь частного сектора из государственных ресурсов.

² Собственные расчеты автора проведены на основе данных статистической базы Всемирного Банка. Использованы данные за вычетом показателей ВВП Крыма, общие расчеты скорректированы на эту величину. data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.ZS?locations=UA.

уже достиг 206%, в 2018 г. – 341% к базисному уровню 2010 г.³, а уровень инфляции 7,95%, 48,7% и 11% соответственно по годам по сравнению с предыдущим периодом⁴). Очевидно, что причины затяжного кризиса обусловлены спецификой экономической модели украинской экономики, которая характеризуется следующими основными параметрами:

- экономическая модель Украины – это система с низким уровнем темпов роста экономики, что ведет к увеличению разрыва по доходам на душу населения (разница по уровню благосостояния населения страны) по сравнению со среднемировыми значениями [13]. Этот фактор, обуславливающий потенциал роста эффекта дивергенции в региональной интеграции, вызван не только объективными факторами развития экономического потенциала, но и субъективными причинами⁵;
- умеренный экономический рост в восстановительные периоды обеспечивается наращиванием экспорта (причем с характерной деградацией его структуры в пользу увеличения доли сырьевой продукции), доходов от транзита газа, инфляционным ростом внутреннего объема потребления при одновременном сжатии доли реального сектора;
- экстенсивное воспроизводство, основанное на умеренном росте дефлятора и использовании внешних финансовых ресурсов (заимствований и перечислений мигрантов);
- потеря основных рынков экспорта высокотехнологичной продукции привела к значительному сжатию собственного инвестиционного потенциала, переориентировав экономику страны на развитие сервисных отраслей и производство, обработку сырьевой продукции.

Тенденции развития экономики Украины в восстановительный период 2016-2019 гг. после достижения дна в 2015 г. (–9,8%) в полной мере отражали перечисленные специфические особенности украинской экономической системы [10]: темп роста ВВП достигал значений 2,4–3,3%⁶, при одновременном замедлении темпов роста валовых пря-

³ По данным статистической базы Всемирного Банка (The World Bank). data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.ZS?locations=UA.

⁴ Там же. data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=UA.

⁵ По условиям соглашения о реструктуризации внешнего долга от 27.08.2015 г. платежи по процентам и выплаты основного долга напрямую увязаны с темпами экономического роста, что не стимулирует власти Украины стремиться к высоким темпам роста ВВП, со всеми вытекающими последствиями.

⁶ По данным Государственной службы статистики. ukrstat.gov.ua.

мых инвестиций (111, 79,2 и 90,5%⁷ соответственно по годам), ускоренном росте внешнего долга (с 65,51 до 78,32⁸ млрд долл. за тот же период), при сокращении объемов промышленного производства технологичной продукции (с 34% экспорта технологичной и наукоемкой продукции в 2013 г. до 5% в 2018 г.) и снижении уровня благосостояния населения и его покупательной способности. Несмотря на рост валовых показателей в стоимостном измерении (рост ВВП, объемов экспорта, снижение отрицательного сальдо торгового баланса) качественные параметра экономики Украины (уровень жизни, инвестиционная привлекательность, конкурентоспособность отраслей и отдельных производств, эффективность рыночной модели т. п.) все в большей степени ухудшаются, способствуя разрыву по уровню развития экономики и благосостояния населения по сравнению с другими странами (особенно по сравнению с партнерами по ассоциативному соглашению ЕС) [1].

Сравнительная оценка макроэкономических параметров экономики России и Украины

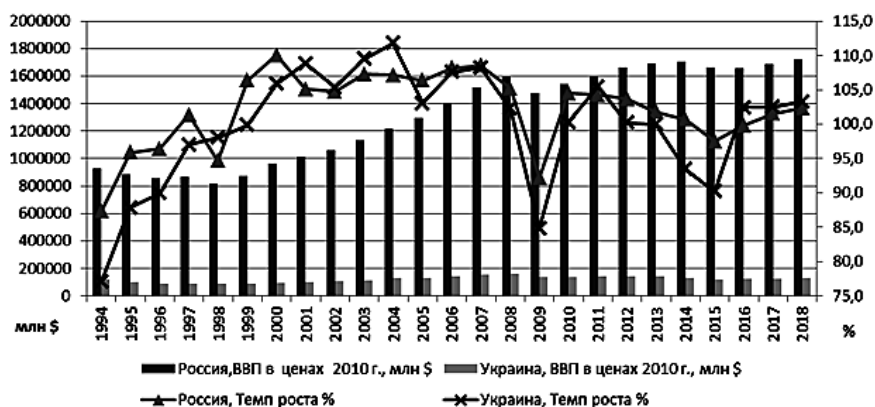
При сравнении основных параметров экономического роста Украины и России вызывает интерес ускорение темпов роста ВВП Украины до 3,3% против 2,3% роста российского ВВП в 2018 г. (рис. 2). Этот факт можно было бы расценивать как подтверждение успешности украинского выбора по сравнению с российским сегментом, если бы не ряд существенных отличий между ними. Прежде всего, это масштабы экономики. ВВП России многократно превышает ВВП Украины, причем в период с 2014–2016 гг. этот разрыв только увеличился: если в 2000 г. ВВП РФ составлял 261567 млн долл., а Украины – 32375 млн долл. (разница в 8 раз), в 2013 г. \$ 2297125 млн и 183310 млн долл. (разница в 12,5 раз), в 2016 г. 1284727 млн долл. и 93356 млн долл. (разница в 13,8), то в 2018 г. 1629198 млн долл. и 124586 млн долл. (разница в 13 раз) в текущих ценах в пересчете на доллары⁹. Масштабы российской экономики при минимальных темпах роста позволяют создать больший экономический эффект, что обусловлено не только объемом создаваемого валового продукта, но и его структурой, уровнем инфляции, стабильностью валютных курсов, производительностью труда, уровнем

⁷ Рассчитано на основе базы данных UNCTAD-STAD. unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx.

⁸ Рассчитано на основе статистических данных Министерства финансов Украины. mof.gov.ua/en/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavju-borg.

⁹ Расчеты автора на основе базы данных UNCTAD-STAD. unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx.

технологичности выпускаемой продукции, ресурсным потенциалом, финансовой устойчивостью, инвестиционной привлекательностью, потенциалом и структурой экспорта и т. п. В совокупности преимущества российской экономики практически по всем макроэкономическим параметрам ВВП обеспечивают ей более высокий уровень качества экономического роста по сравнению с Украиной.

Источник: составлено автором по: данные статистической базы UNCTAD. unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx.

Рис. 2. Показатели ВВП России и Украины 1994–2018 гг.

При этом пересчет значений ВВП в ценах 2010 г. не влияет на масштаб несопоставимости этих экономик по объемам ВВП (\$ 1724220 млн в России и \$ 131497 млн на Украине), превышение составляет 13 раз в 2018 г., что свидетельствует и о кратном преимуществе экономического потенциала РФ. Кроме того, сравнение этих параметров в текущих ценах с их измерением в постоянных ценах 2010 г. позволяют констатировать преобладание ценового фактора (инфляционного роста) в обеспечении высоких темпов роста украинской экономики. Прирост ВВП Украины в 2018 г. в текущих ценах составил 11,08%, а в России – 3,28% по сравнению с предыдущим годом, в то время как показатели темпов роста ВВП в постоянных ценах 2010 г. составляли всего 3,3% и 2,3% соответственно¹⁰. Сопоставление темпов инфляции показывает выраженный тренд инфляционного прироста на Украине: с 2005 г. темп инфляции выше 10% (за исключением 2013 г.)¹¹. Поэтому при анализе рисков экономических систем России и Украины необходимо учитывать их качественные параметры.

¹⁰ Собственные расчеты автора по данным статистической базы Всемирного Банка (The World Bank). data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.ZS?locations=UA.

¹¹ По базе статистических данных министерства финансов Украины. index.minfin.com.ua/economy/index/inflation.

Российская экономика относится к странам со средним темпом экономического роста, при существенном влиянии стоимостного фактора в обеспечении экономического роста до 2008 г. После двух сильнейших кризисов, в 2009 и 2014–2015 гг., значение ценового фактора устойчиво снижается (не столь значительно как необходимо, но тренд сохраняется).

Российская экономическая модель также содержит в себе стоимостной прирост в силу высокой доли экспорта сырьевой продукции. В отличие от Украины в российской экономике сохранен промышленный сектор (уровень его технологичности будет рассмотрен ниже), что создает условия для диверсификации и развития промышленного производства и частичной компенсации негативных эффектов конъюнктурных колебаний внешнего рынка. Для РФ характерен средний уровень развития предпринимательских свобод, в производственном секторе доминирует крупный бизнес, достаточно хорошо развита финансовая система, воспроизводственный цикл основан на принципе ограниченного роста (наращивание объемов в ограниченных пределах), выше склонность к накоплению. Российский экспорт энергоресурсов формирует инвестиционный потенциал и является базовым сектором экономического роста, а экстенсивный тип воспроизводства стимулируется внутренним потреблением. Несмотря на благоприятный фон внешних рынков, стабилизацию экономики России после кризисных спадов, темпы роста уровня национального благосостояния (ВВП на душу населения) остаются невысокими, что свидетельствует об исчерпании Россией экстенсивного фактора роста.

Динамика роста ВВП на душу населения в России и на Украине сопоставима с ростом валовых объемов производства (102,2 и 103,9% соответственно по странам в 2018 г.), причем после преодоления кризиса в 2015 г. сохраняется тренд опережающего роста в украинской экономике (рис. 3). При оценке эффективности украинской экономики данный факт можно было бы рассматривать как факт большей эффективности ее модели, если бы не увеличение разрыва между объемом подушевого дохода с 2,3 раз до 4 раз в пользу России (11831,3 долл. и 2971,3 долл. соответственно по странам в 2018 г.). Следовательно, опережающие темпы роста на Украине не формируют условий для качественных изменений, и ценовой фактор остается определяющим фактором роста, но и умеренный рост в российском сегменте можно было бы рассматривать как низкий уровень потенциала прорыва в экономическом развитии, если бы не учитывался фактор волатильности валютных курсов. При сравнении ВВП на душу населения в долларовом эквиваленте необходимо учитывать обесценивание украинской гривны в 3,5 раза (с 8 гривен за доллар США в 2013 г. до 28 гривен за доллар в 2018 г.) и российского рубля в 2 раза (с 30,8 до 62,0 руб. за

доллар в том же периоде) при условии сохранения стабильности российского валютного рынка на данном временном отрезке¹².

Источник: составлено автором по: данные статистической базы UNCTAD. unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx.

Рис. 3. Показатели ВВП на душу населения России и Украины, 1992–2018 гг.

Несмотря на различия в масштабах (которые в случае с Россией создают ей более высокий уровень запаса прочности и устойчивости), прослеживаются схожие факторы рисков в экономических системах РФ и Украины, которые обуславливают снижение (отсутствие роста) уровня конкурентоспособности национальных экономик. В первую очередь стоит отметить, что экономический рост в восстановительные периоды между кризисами был обеспечен за счет ускоренного роста сервисных отраслей, сырьевого экспорта, а не производства промышленной продукции. По данным национальных статистических служб России и Украины такая тенденция прослеживается по показателям удельного веса (доли) вклада отдельных отраслей в экономику. В России в период экономического роста 2002–2013 гг. выросли доли следующих отраслей: строительства – на 1,65%, транспорта и связи – на 1,52%, финансового сектора – на 7,18%, операций с недвижимостью и предоставлением услуг – на 3,04%, здравоохранения – на 0,25% и деятельности домашних хозяйств – на 0,64%¹³. При этом удельный вес вклада базовых отраслей промышленного сектора, включая высокотехнологичную продукцию (прирост 1,8%), устойчиво снижались за тот же период 2002–2013 гг. доля производства продукции сельского хозяйства – на 2,68%, добычи полезных ископаемых – на 2,61%, обрабатывающей промышленности – на 4,21%, производство и распреде-

¹² По базе данных UNCTAD-STAD. unctadstat.unctad.org/wds/.

¹³ По данным Федеральной службы государственной статистики РФ. gks.ru/accounts.

ление электроэнергии, газа и воды – на 0,59%, торговли – на 6,69%¹⁴. При этом прирост первой группы отраслей в экономике России составлял примерно $\frac{2}{3}$ прироста ВВП за тот же период, а прирост производства продукции в промышленном и сельскохозяйственном секторах хронически отставал от темпов прироста ВВП (примерно на треть). Это связано с тем, что экономический рост в России обеспечивался преимущественно за счет внутреннего спроса населения и расходов государства. Данная структура потребления ВВП стимулирует рост торговли, финансового сектора, строительства и других сервисных и локальных отраслей. Российский опыт периода ускоренного роста экономики в 2000-х годах был основан на росте экспорта минерального сырья при постоянно растущих ценах, который обеспечил рост доходов и соответственно потребления. Рост инвестиционного притока до 2014 г. не был использован для развития технологичности промышленного сектора в РФ, о чем свидетельствует доля высокотехнологичных отраслей и их продукции в экспорте (по итогам 2013 г. 21,1% и 5,3% соответственно), которая выросла по сравнению с 2000 г. лишь на 2%. Кризис 2014–2015 гг. показал проблемные зоны российской экономики, когда падение валютного курса рубля более чем в 2 раза привело к существенному сокращению внутреннего спроса из-за снижения доходов населения и падению инвестиционной привлекательности страны (не только из-за санкционных ограничений, снижения поступлений экспортной выручки, но и из-за сжатия внутреннего рынка) и спаду объемов производства. Восстановительный рост после 2015 г. показал сохранение устойчивой зависимости российской экономики от мировых сырьевых рынков при отсутствии развитой высокотехнологичной промышленности в масштабах всей страны. Таким образом, экономическая система России сохраняет традиционную структуру сырьевой экспортно ориентированной экономики, рост которой зависит от цен на мировых рынках, колебаний валютных курсов и роста внутреннего потребления. Поэтому политика импортозамещения не решает коренной проблемы ее развития, преодоления технологического разрыва по уровню развития промышленного сектора в сравнении с наиболее развитыми странами. Именно этот факт позволяет делать сравнительные оценки с украинской экономикой, которая, несмотря на различия в масштабах и потенциале, можно рассматривать как модель крайне неблагоприятного развития российской экономики в случае допущения гипотезы оказания на Россию жестких мер внешнего геополитического давления и внутренней политической дестабилизации, подобного или, возможно, более разрушительного, чем на Украине.

¹⁴ Там же.

Сопоставление отраслевой структуры украинской экономики с российской позволяют констатировать возможность подобного сценария для России. ВВП Украины в 2002–2013 гг. в отраслевом разрезе также как и в России изменился незначительно и демонстрировал аналогичные параметры. Доля производящих продукцию отраслей устойчиво сокращалась, а сервисных отраслей и сферы услуг росла.

По данным статистики, с 1992 г. по 2013 г. включительно по укрупненным отраслевым группам удельный вес промышленного сектора Украины сократился с 41 до 11,5%, сельского хозяйства – с 18% до 8%, строительства – с 6% до 2%, при этом выросла доля транспорта в ВВП – с 9 до 11%, добывающей и газотранспортной инфраструктуры – с 1 до 11%, оптовой и розничной торговли, сервисных услуг – с 5 до 19% и прочих отраслей (финансовый сектор, связь, прочие услуги) – с 20 до 38% [12].

Ускоренный темп роста торговли, финансового сектора и сервисных отраслей, также как и в России в докризисный период, был основан на растущем объеме внутреннего потребления домохозяйств (прирост доли в ВВП за тот же период – на 11% и составил 59% от ВВП). В отличие от России на Украине растущий сырьевой экспорт (металлы, сельскохозяйственное сырье, и т. п.) не покрывал объемов импорта, что обусловило отрицательное торговое и платежное сальдо украинской экономики (с 2006 г. этот тренд не менялся) [12].

Таким образом, можно констатировать, что основным драйвером экономического роста Украины до 2013 г. (также как и в России) являлся рост внутреннего потребления, который обеспечивался ростом доходов населения. Но в отличие от российской экономики рост доходов населения Украины обеспечивался не поступлением растущих объемов экспортной выручки (соответственно, доходов предприятий и государства, и их потребления в том числе), а стабильным ростом уровня государственных расходов, направленных на поддержку социальной защиты населения и его покупательной способности [9]. Это привело к существенному росту государственных расходов, которые были направлены на поддержание модели расширенного потребления населения, преимущественно за счет роста импорта. Этим объясняется значительный дисбаланс между потреблением и доходами, дефицит финансовых ресурсов в экономике Украины, который соответствует доле отрицательного значения чистого экспорта, а кругооборот финансовых и ресурсных потоков компенсируется из внешних источников финансирования.

Именно отрицательный торговый баланс, высокая доля расходов на финансирование общегосударственных функций в бюджете (при том что доля расходов на экономическое развитие в 2018 г. составила 6,5%, доля расходов по обслуживанию долга – 11%, военные расходы – 9%,

а расходы на общегосударственные функции – 16,5%¹⁵) остается дестабилизирующим фактором расшатывания противоречивой системы украинской экономики. Кризис украинской экономики также был обусловлен тем, что в отличие от российской экономики уровень развития рыночных отношений на Украине был низким [2].

Система рыночного ценообразования на Украине отличалась высокой долей спекулятивной маржи большого числа посредников, что приводило к перераспределению прибыли в пользу ретейла. Высокая доля государственных дотаций по тарифам на энергоресурсы, потребляемые населением и производственным сектором, предусматривала скрытое субсидирование государством частного сектора. Поэтому базовое требование повышения тарифов на энергоресурсы, потребляемые на Украине, обеспечили переход к рыночному ценообразованию без скрытых неконкурентных факторов формирования внешней конкурентоспособности украинской продукции [12].

Исследования ООН за 2017 г. выявили рост уровня бедности на Украине почти в три раза по сравнению с 2013 г. (60% населения), что обусловлено падением покупательной способности гривны (валютный курс просел в 3,5 раза), ростом инфляции в 2018 г., темпы которой составили 11% (ИПЦ по текущим ценам в национальной валюте, рекорд был поставлен в 2015 г. 48%). Эти параметры свидетельствуют о неготовности экономики Украины к интеграции с более развитыми странами, а отсутствие инвестиционной поддержки развития реального сектора со стороны ЕС (по примеру Польши) усугубляют последствия радикальных реформ в условиях политической турбулентности, что закрепляет периферийный статус Украины, т. к. низкий уровень доходов населения не позволит ей стимулировать экономический рост за счет внутреннего потребления [3].

По итогам 2018 г. можно констатировать формирование новой структуры украинской экономики, где также драйвером роста является внутренний спрос, обеспеченный увеличением государственных расходов и расходов домохозяйств. При этом доля домохозяйств неуклонно сокращается из-за сокращений доходов домохозяйств, а доля государства растет, несмотря на то, что официально по реформам МВФ есть существенные требования по сокращению господдержки.

Таким образом, при допущении предположения о необходимости либерализации российской экономики под патронажем внешних акторов (по примеру Украины), можно предположить аналогичный украинскому опыту вариант реформирования экономики РФ (деградация промышленного сектора, полная переориентация на сырьевой экспорт, ускоренный рост импорта готовой продукции, вытеснение

¹⁵ Официальный сайт Министерства финансов Украины. www.treasury.gov.ua/ua.

и уступка российского рынка иностранным производителям, сокращение государственных затрат на поддержку населения и его уровня жизни и т. п.) при условии потери (радикальной смене) действующей системы государственного управления и внешней экспансии. Сохранение же действующих политических, идеологических и институциональных основ государственности России в большей степени зависит от политической устойчивости нынешней системы государственного управления и ее готовности к управляемому реформированию экономики в направлении развития конкурентного потенциала реального сектора промышленного высокотехнологичного производства.

Экономические и институциональные эффекты евроинтеграции Украины

Негативные особенности украинской модели в большей степени стали проявляться после имплементации соглашений по ассоциации с ЕС в 2015 г., которая обусловила промышленную деградацию экономики страны, рост инфляции (до 40% в 2015 г.) и безработицы, падение покупательского спроса. Прежде всего, это связано с радикальной либерализацией украинской экономики по лекалам МВФ, приведшей к падению уровня жизни, дефициту инвестиционных ресурсов и росту долгового бремени.

Заключение соглашения по ассоциативному партнерству с ЕС Украина напрямую увязывала с проведением радикальных реформ по либерализации экономики. Система реформ действительно была предложена партнерами по линии международных кредитных организаций (МВФ, ЕБРР и т.п.), которые были условием получения выделения финансирования по поддержке национальной экономики Украины и собственно проведения этих реформ. Программа реформ МВФ – основного куратора их осуществления – включала ряд взаимосвязанных радикальных изменений институциональной, социальной и экономической системы, целью которых были максимальная либерализация украинской экономики, преодоление противоречий национального рынка (специфики ценообразования), борьба с коррупцией и обеспечение условий свободной торговли в соответствии с требованиями и стандартами ЕС.

В 2014 г. решение о предоставлении первого кредита МВФ в размере 16 млрд долл. было связано с проведением реформ по ряду направлений. В зависимости от их исполнения предусматривалось периодическое выделение транша по данной кредитной линии. Реформы предполагали:

- радикальное изменение пенсионной системы (увеличение пенсионного возраста, отмена льготных пенсий, а главное, заморозка пенсий вне зависимости от уровня инфляции);

- повышение цен на энергоносители для предприятий и населения (рост цен на газ, электроэнергию, коммунальные услуги¹⁶);
- повышение налогов (отмена упрощенного режима налогообложения, повышение ставок акцизов в среднем на 50 %, отмена льгот по транспортному налогу, отмена льгот по НДС для всех форм собственности и типов хозяйствующих субъектов) и ужесточение режима их администрирования (в целях борьбы с коррупцией); замена системы комплексной социальной защиты населения на адресное (точечное и разовое) субсидирование малоимущих по ограниченному кругу элементов социальной поддержки;
- включение в торговый оборот земли (мораторий не снят до сих пор);
- снижение (по ряду продукции отмена – на свинину и мясо птицы) сельскохозяйственных субсидий;
- сокращение государственного аппарата служащих и чиновников (в рамках снижения государственных расходов) и замораживание выплат по социальному обеспечению.

Базовая программа экономических и институциональных реформ МВФ увязывалась с программой имплементации евростандартов¹⁷, что обусловило радикальное изменение отраслевой структуры экономики (подробнее в следующем пункте).

Утвержденная программа EFF¹⁸ МВФ, предусматривающая несколько траншей в общей сложности на сумму 17,5 млрд долл., не была выполнена полностью и была завершена досрочно. Украина получила 4,3 млрд долл. в 2014–2015 гг. по первой кредитной линии «Stand-by», затем ее статус понизили и ее перевели на программу EFF, в рамках которой было выделено четыре транша в период с марта 2015 г. по апрель 2017 г. (5 млрд долл.; 1,7 млрд долл.; 1 млрд долл. и 1 млрд долл.; всего 8,7 млрд долл.). После президентских выборов текущего

¹⁶ Тарифы в расчете на 1 куб. м холодной воды и водоотвода увеличились на 7,9% и составили 16,716 грн (с ПДВ – 2,786 грн). Стоимость холодного водоснабжения (если сравнивать с 2013 г.) выросла к 2019 г. в 5,3 раза. Тарифы на услуги ЖКХ в Украине в среднем за 4 года выросли в 7 раз, в частности: на газ – в 9,6 раза, отопление – в 11,3 раза, электроэнергию – в 3,2 раза, холодную воду – в 5,3 раза, горячую воду – в 5,7 раза), на водоснабжение и водоотведение в 2019 г. выросли в среднем на 49,6% и составят 23,17 грн. Тарифы на газ для населения увеличились на 60–65% – до 10 000 грн за 1 тыс. куб. м. Рост прожиточного минимума до 77 грн, имеет место на фоне снижения уровня субсидирования (2 млн отказов по субсидиям).

¹⁷ Имплементация техрегламентов и ЕС началась в 2015 г. и через год практически полностью была завершена.

¹⁸ Программа EFF(Extended Fund Facility) расширенного кредитования структурных и экономических реформ обычно предоставляется МВФ странам на долгосрочной основе и предусматривает финансирование реформ по либерализации экономики, борьбе с коррупцией, институциональные реформы.

года возобновились переговоры, по результатам которых МВФ была предложена новая кредитная линия «Stand-by»¹⁹ (предполагающий кредит на сумму 4–5 млрд долл.). Общая сумма, полученных Украиной кредитов от МВФ составила 31 млрд 363 млн долл., остаток долга перед Фондом на сегодня – 12 млрд долл. [14].

Таким образом, переформатирование институциональной структуры украинской экономики под патронажем МВФ в соответствии со стандартами ЕС способствовало [8]:

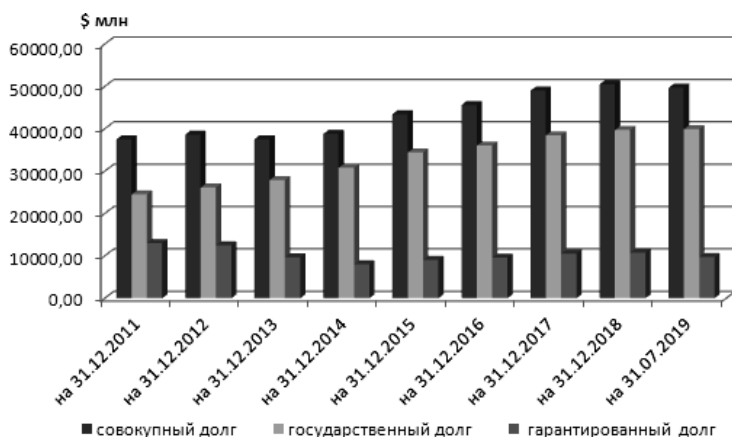
- росту долгового бремени Украины;
- изменению системы ценообразования и, как следствие, институциональной структуры рыночной модели;
- радикальному снижению уровня социальной защиты населения и ограничению функций системы социального обеспечения и падению уровня жизни;
- переделу рынка (сфер влияния) между внутренними и внешними игроками.

Рост долгового бремени Украины

До 2015 г. Украина характеризовалась умеренным ростом валовых инвестиций в страну (доля иностранных инвестиций по отношению к ВВП составляла 22,7%), которые напрямую зависели от экономического цикла, в период экономического спада объем инвестиций существенно падал. По уровню валовых сбережений к ВВП Украина относилась к странам с низким объемом накопленных инвестиций – 17,8%. Низкий уровень валовых инвестиций и сбережений к ВВП при высоком уровне внешнего долга к ВВП и низком уровне чистых заимствований к ВВП обусловили рост внешней финансовой зависимости Украины. Политическая нестабильность и экономический кризис после 2014 г. предопределили рост коммерческих и валютных рисков на Украине, потерю инвестиционной привлекательности, что существенно усложнило доступ к инвестиционным ресурсам на мировых рынках капиталов и ухудшило условия заимствования. Это привело к сокращению прямых и портфельных инвестиций, к росту кредитов под государ-

¹⁹ Программа «Stand-by» – это кредитная линия на 1,5–2 года с меньшим уровнем требований, отсутствием прямой увязки с качеством и объемом проводимых реформ, за исключением соблюдения требований по фискальным реформам и сохранению уровня платежеспособности государства. Для Украины обсуждается программа размером сроком до 1,5 лет в размере 3,9 млрд долл., которые имеют целевое назначение – погашение внешнего долга по соглашению о реструктуризации долгов от 2015 г. В случае с Украиной предъявляется обязательное требование увеличения доходов государственного бюджета за счет налоговых поступлений от экономической деятельности как минимум на 50%.

ственные гарантии и кредитов международных финансовых структур. Как известно, кредиты международных структур сопровождаются бременем потерь от экономических и институциональных реформ, а кредитование на мировых рынках капиталов обходится намного дороже, чем другим странам: евробонды размещены по 7,375%, в то время как для стран ЕС колеблется в пределах 1,5–2%. В целом с 2014 г. по 2019 г. совокупный внешний долг Украины вырос на \$ 12134,3 млн, или на 32% (см. рис. 4). Опасность этого роста заключается в том, что около 80% долга приходится на государственные обязательства и сконцентрирована на нескольких основных кредиторах – МВФ, МБРР, ЕС и США. По итогам 2018 г. внешний долг страны составлял 76–78% ВВП и 41,3% золотовалютных запасов.

Источник: составлено автором по: данные Всемирного Банка. data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.ZS?locations=UA.

Рис. 4. Показатели внешнего долга Украины

Рост доли государственного и гарантированного государством долга в структуре внешних заимствований экономики Украины обусловлен тем, что транши МВФ используются на пополнение запасов и погашение долгов, срок оплаты которых уже наступил, а также является результатом масштабной реструктуризации внешнего долга в 2015 г., позволившей списать 26% долга и отложить платежи 2019 г. на срок до 2021–2025 гг. при условии, что темп роста ВВП не будет превышать 3%. Именно это ограничение упрочило влияние инвестиционной ловушки для Украины. Отсрочка уплаты долгов в соглашении о реструктуризации внешнего долга Украины предусматривает следующие основные условия: перенос выплат основного долга напрямую увязан с темпами роста экономики: чем выше скорость экономического роста, тем быстрее наступает срок основного платежа. Критерием роста является превышение 3% роста ВВП в год. Украина в 2018 г. впервые превысила

этот барьер на 0,3%. Именно это вынудило пересмотреть прогнозы роста в сторону уменьшения. Ускоренная выплата долга приводит к тому, что положительные эффекты роста экономики практически полностью передаются кредиторам, не позволяя национальной экономике использовать эти достижения для развития. Более того, ускоренные выплаты усиливают бюджетный дефицит, что противоречит духу реформ МВФ. Возникает замкнутая цепь противоречий: чтобы выплачивать в ускоренном режиме долги и повышать свою кредитную привлекательность и потенциал развития, необходим ускоренный рост, но такой рост не позволяет экономике оставлять внутренние резервы для развития. Соответственно, для снижения сумм выплат долгов приходится оставаться в режиме умеренного роста не более 3%. Таким образом, эффект инвестиционной ловушки от реструктуризации внешних долгов обеспечивает рост финансовой зависимости от внешних игроков, дестимулирование экономического развития, что формирует условия для устойчивого снижения качества жизни населения [1].

При умеренном экономическом росте менее 3% в год, независимо от улучшения позиций в международных рейтингах инвестиционной привлекательности, Украина гарантированно отсекается от прямых инвестиций для развития реального сектора, что усиливает технологическую деградацию экономики. Необходимость пополнения бюджета за счет увеличения налогового бремени и жесткая монетарная политика (ставка кредита на внутреннем рынке колеблется от 18% до 23%) стимулируют уход в теневой сектор и сужение налогооблагаемой базы, что в итоге формирует фискальную ловушку для украинской экономической системы. При этом российско-украинское инвестиционное сотрудничество стало заложником геополитической ситуации и политики эмбарго официальных властей Украины по вопросам торгово-экономического сотрудничества с Россией. Несмотря на это, прямые российские инвестиции сохраняют лидирующие позиции среди стран, инвестирующих в украинскую экономику (к концу 2018 г. доля российских инвестиций в общем объеме прямых инвестиций снизилась до 12%, а в 2019 г. еще на 3%²⁰). При этом возросли затраты по инвестиционным заимствованиям в целом, а российским компаниям, вынужденным учитывать растущие риски по отношению к своим капиталам, приходится разрабатывать новые стратегии инвестирования с учетом оценки политических и административных рисков [7].

Таким образом, постмайданная либерализация украинской экономики способствовала радикальной смене политики внешнеэкономического сотрудничества, в которой взят курс на сокращение объемов торгового и финансового сотрудничества с Россией и переориентация

²⁰ Официальный сайт Министерства финансов Украины. www.treasury.gov.ua.

на рынки ЕС и стран Азии, Африки и Америки. Однако из-за низкого уровня конкурентоспособности украинской продукции промышленной переработки рынок ЕС останется для Украины закрытым (за исключением сырьевой продукции низкой степени переработки – металл, металлопродукция, нефтехимическое продукция, а также продукции сельского хозяйства). Соответственно, открытый доступ на еврорынок будет способствовать росту экспорта сырьевых отраслей и в большей степени росту импорта из стран ЕС, что ускорит стагнацию, а затем и развал индустриального сектора экономики Украины. То есть ожидаемый бурный экономический рост от эффекта масштаба (конвергенция в результате евроинтеграции) может распространиться только на сырьевые отрасли экономики, причем эти отрасли должны будут выдержать серьезную конкуренцию со стороны других поставщиков (в т. ч. и стран СНГ). Развитие получают и посреднические услуги, обслуживающие экспортно-импортные операции. Исключением может стать ряд продуктовой линейки сельского хозяйства Украины (зерно, подсолнечник и т. п.), что и сегодня пользуется спросом со стороны потребителей Евросоюза (именно по этой причине ЕС требует от Украины отмены квот на экспорт зерна). Такой эффект масштаба отнюдь не будет способствовать развитию промышленного сектора украинской экономики, развитию его технологичности, модернизации и конкурентоспособности. Скорее, он закрепит отрицательные эффекты экономических ловушек, в условиях которых Украине придется развиваться в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлай Т.В. Риски формирования ловушки дивергентности в процессе евроинтеграции Украины // Экономическая теория. 2018. № 3. С. 99–119.
2. Вардомский Л.Б. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности // Россия и мир в XXI веке. 2018. № 3. С. 103–117.
3. Воронов В.В. Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №6(36). С. 85–99.
4. Григорьев А.М., Агибалов С., Салихов М. Украина: раздвоение трансформации // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 125–147.
5. Григорьев А.М., Буряк Е.В., Голяшев А.В. Второй старт трансформации украинской экономики? // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 30–52.
6. Грицаенко О. Украинский кризис: взгляд изнутри // Russie. Nei. Visions. 2014. №78. С. 18–34.
7. Квашин Ю.Д. Российско-украинские инвестиционные связи после евромайдана // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 63–71.
8. Кривогуз М.И. Иностранные спонсоры украинской экономики // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2 (39). С. 154–164.

9. Кривогуз М.И. Потенциальные ресурсы развития экономики Украины // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 3 (40). С. 38–45.
10. Кривогуз М.И. Экономика Украины в 2017 году // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 3 (40). С. 97–111.
11. Кутафин Д.О. К вопросу о российско-украинском газовом конфликте // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2169–2174.
12. Мигранян А.А. Экономика Украины // Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации // Под ред. чл.-корр. Р.И. Хасбулатова. М.: Вече, 2017. Т.2. С. 419–470.
13. Мигранян А.А. Макроэкономический анализ стран СНГ и Грузии в контексте эффективности государственного управления. / Гл. 2. В кн. Постсоветский мир: итоги трансформации. В 3-х т. Т. 2. Постсоветские государства / Под ред. Л.Б. Вардомского. СПб.: Алетейя, 2017.
14. Программы финансирования EFF или Stand-by. Что лучше для Украины? // УКРАИН-инфо. www.ukrinform.ru/rubric-economy/2540596-programmy-finansirovania-eff-ili-standby-cto-lucse-dla-ukrainy.html.
15. Радзиевская С.А. Партнерство «Большая Евразия» и Украина // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-1. cyberleninka.ru/article/n/partnerstvo-bolshaya-evraziya-i-ukraina (дата обращения: 30.10.2019).
16. Симония Н.А., Торкунов А.В. Влияние геополитических факторов на состояние международных энергетических рынков (на примере США) // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 38–48.
17. Симония Н.А., Торкунов А.В. Энергобезопасность ЕС и России // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 9–19.

ABOUT THE AUTHOR

Migranyan Aza (full name Azganush) Ashotovna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate at the Center for Post-Soviet Countries of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
n.mihrianyan@yandex.ru

UKRAINE'S ECONOMY; THE IMPACT OF EUROPEAN INTERGRATION AND THE TRADE EMBARGO WITH RUSSIA

The article analyzes the main macroeconomic parameters of Ukraine's economy, their dynamics over the past five years in the context of reforms, carried out under the influence of integration processes in the EU. The specific features of the Ukrainian economy, the features of ongoing economic transformations at different stages of cyclical development, in the face of instability of foreign markets and geopolitical confrontation with former trading partners, were examined. A comparative analysis was carried out and factors, determining the dynamics and quality of the economic growth of Russia and Ukraine, were determined. The basic indicators of cooperation between Ukraine and the EU and their impact on its economic development were studied, the general macroeconomic effects of the impact of European integration were assessed.

Keywords: *European integration, the specifics of the Ukrainian economy, the impact of integration on economic reforms, the sectoral structure of the economy.*

JEL: F15, E20, F21, F4.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.А. ВИНОГРАДОВ

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СМЯГЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА НА ПОКАЗАТЕЛИ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В ЗОНЕ ЕВРО

В данной статье исследуется взаимосвязь между политикой количественного смягчения Европейского центрального банка и показателями рынка недвижимости зоны евро. Исследование рынка недвижимости проводилось с использованием таких показателей, как объемы строительства, задолженность по ипотеке, ставки ипотечных кредитов и стоимость аренды. Для оценки влияния политики количественного смягчения на рынок недвижимости была использована структурная векторная авторегрессионная модель (VAR-модель) с краткосрочными ограничениями. Было выявлено положительное воздействие шока политики количественного смягчения на динамику строительства и задолженности по ипотеке, а на ставку по ипотечным кредитам и стоимость аренды – отрицательное.

Ключевые слова: макроэкономика; экономическая политика; нестандартная денежно-кредитная политика; ЕЦБ; политика количественного смягчения; зона евро; строительство; ипотечное кредитование; стоимость аренды; ставки по ипотеке; SVAR-модель.

JEL: E52, E43, E47, R38.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10024

Введение

Денежно-кредитная политика играет важную роль в регулировании экономического роста и динамики цен в экономике. Кроме того, она влияет на финансовые рынки и на рынок недвижимости. В современном мире во многих развитых странах, таких как США, Япония, Франция и Германия, преобладает низкая инфляция или дефляция на фоне замедления экономического роста. Краткосрочные процентные ставки и доходности государственных облигаций в этих странах уже находятся вблизи или ниже нуля, поэтому пространство для дальнейшего снижения ставок ограничено. В таких ситуациях отрицатель-

ные и нулевые процентные ставки часто сопровождаются другими нестандартными мерами денежно-кредитной политики, такими как политика количественного смягчения [Bernanke and Reinhart (2004)]¹. Стандартные меры денежно-кредитной политики в достаточной мере изучены в современной литературе. Нестандартная денежно-кредитная политика использовалась реже, поэтому ее влияние на различные сегменты экономики, включая рынок недвижимости, представляет интерес для изучения.

Европейский центральный банк (ЕЦБ) начал использовать меры нестандартной денежно-кредитной политики относительно недавно. Вследствие низких темпов экономического роста и инфляции ниже целевого уровня ЕЦБ с июня 2014 г. он поочередно ввел несколько нестандартных мер: отрицательные процентные ставки по депозитам на межбанковском рынке; программу по покупке активов (политику количественного смягчения); программу долгосрочного рефинансирования и заявления о намерениях. Политика количественного смягчения зоны евро включала существенные объемы покупок ценных бумаг на рынке в 2015–2018 гг., достигавших 80 млрд евро в месяц. Программа покупки активов ЕЦБ состояла из четырех составляющих: покупки государственных облигаций; покупки корпоративных облигаций; покупки обеспеченных облигаций; покупки ценных бумаг, выпущенных под залог активов (программа покупки активов США в 2008–2013 гг. распространялась на ипотечные и государственные ценные бумаги). Государственные облигации составляли большую часть купленных ЕЦБ ценных бумаг. Целью политики количественного смягчения было усиление влияния стандартных мер денежно-кредитной политики, при сохранении финансовой стабильности [Draghi (2017)]². После завершения Программы в декабре 2018 г. ЕЦБ принял решение о ее возобновлении с ноября 2019 г. с темпами около 20 млрд евро в месяц.

Изучение общего состояния рынка недвижимости в зоне евро на фоне проводимой ЕЦБ политики представляет очевидный интерес. Динамика некоторых показателей рынка жилой недвижимости, таких как объем ипотечных кредитов и уровень цен на недвижимость в странах зоны евро, начали восстанавливаться в период проведения политики количественного смягчения, однако другие показатели остались на низком уровне (стоимость аренды и строительная активность). Умеренное ускорение динамики отдельных показателей могло быть связано как с эффектом низкой базы во время кризиса, так и с влиянием нестандартных мер денежно-кредитной политики. Тем не менее

¹ Подробнее см.: [1].

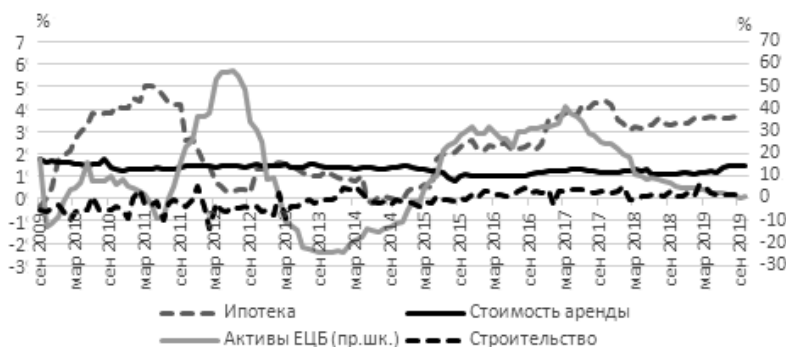
² См.: [2].

такая динамика пока не позволяет сделать выводы об устойчивом тренде роста цен и наличии «пузыря» на этом рынке.

В настоящее время в литературе нет однозначного ответа на вопрос о влиянии нестандартных мер денежно-кредитной политики, введенных с 2014 г., на строительную активность и рынок недвижимости. Цель данной работы – заполнить этот пробел. Влияние политики количественного смягчения на рынок недвижимости пока изучено мало, в то же время сектор недвижимости является важным структурным элементом экономики зоны евро (его вклад в ВВП стран зоны евро, включая строительство, в 2018 г. составлял около 15%).

Обзор литературы

Рынок недвижимости тесно связан с общим состоянием экономики, что было продемонстрировано, в частности, в работе Battistini et al. (2018) [3]. Экономический рост и рост благосостояния населения создает дополнительный спрос на недвижимость, что отражается в росте цен на этом рынке и увеличении строительной активности. В зоне евро последние несколько лет экономический рост оставался на низком уровне. На это повлиял мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и долговой кризис зоны евро, продолжающийся с 2010 г. В результате за последние несколько лет индикаторы рынка недвижимости, такие как цены на аренду, объемы ипотечного кредитования и строительства показывали вялую динамику, но темпы роста задолженности по ипотечным кредитам с 2015 г. выросли (рис. 1).

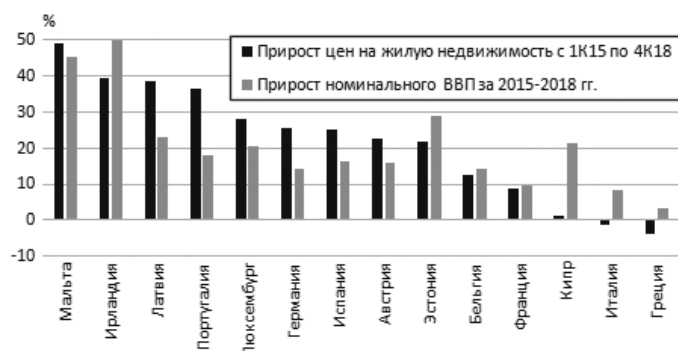

Источник: составлено автором по: данные ЕЦБ. sdw.ecb.europa.eu/browse.do?node=bbn3347; данные Евростата. ec.europa.eu/eurostat/data/database; данные Федеральной резервной системы США. fred.stlouisfed.org/series/ECBASSETS.

Рис. 1. Показатели рынка недвижимости, строительство и активы ЕЦБ, г./г.

Тенденции рынка жилой недвижимости различались по странам зоны евро в период проведения политики количественного смягчения в 2015–2018 гг. (рис. 2). Так, быстрее всего цены на жилую недви-

жимость выросли на Мальте, в Ирландии и Латвии, а в Греции цены даже снизились. Рост цен на недвижимость во многих странах сопровождался и экономическим ростом (ростом номинального ВВП), что может говорить о некоторой обоснованности спроса и пока не позволяет говорить о наличии «пузырей» на этом рынке. Но при чрезмерном спекулятивном росте спроса, стабильно опережающем номинальный рост ВВП, на рынке может образоваться «пузырь».

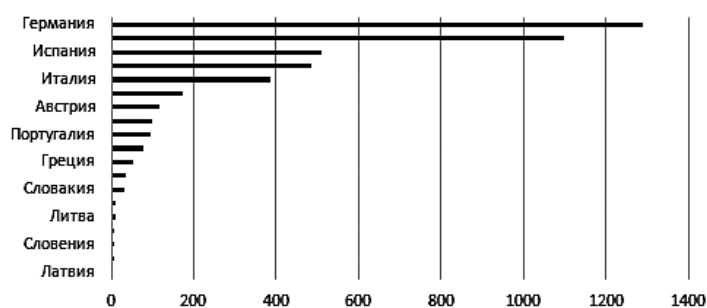

Примечание: рост цен для Кипра с 1-го квартала 2015 г. по 3-й квартал 2018 г.

Источник: составлено автором по: данные ЕЦБ. sdw.ecb.europa.eu/browse.do?node=9689359.

Рис. 2. Темп прироста индекса цен на жилую недвижимость и номинального ВВП с 1-го квартала 2015 г. по 4-й квартал 2018 г.

Зона евро является одним из крупнейших мировых рынков жилищного кредитования. Объем задолженности по жилищным кредитам в зоне евро в октябре 2019 г. составил около 4,5 трлн евро, а основной объем кредитов приходился на Германию и Францию (рис. 3).

Источник: составлено автором по: данные ЕЦБ. sdw.ecb.europa.eu/browse.do?node=bbn3347.

Рис. 3. Задолженность по жилищным кредитам в зоне евро, октябрь 2019 г., млрд евро.

Стандартная ДКП оказывает существенное влияние на рынок недвижимости. Снижение ключевой ставки ЕЦБ приводит к общему снижению ставок в экономике и снижению ставки капитализации, что важно для оценки недвижимости. Это может привести к усилению

спроса и росту цен на недвижимость. Напротив, ужесточение ДКП может ограничить спрос на этом рынке, что приведет к снижению цен. Изменение ключевой ставки также влияет на ипотечное кредитование. Снижение ставок по ипотечным кредитам приводит к росту спроса и на кредиты, и на недвижимость. Повышенный спрос на недвижимость, в свою очередь, активизирует строительство. Нестандартная ДКП может оказывать схожее воздействие на эти рынки (ипотечного кредитования, недвижимости и строительства).

Существующие работы исследуют в основном влияние стандартных мер ДКП на рынок недвижимости. В работе Nocera and Roma (2018) [4] было выявлено положительное воздействие шока снижения ключевой ставки в зоне евро на цены на недвижимость. Musso et al. (2011) [5] обнаружили схожесть влияния ДКП, спроса населения и кредитования на цены на недвижимость в США и зоне евро. Значимость влияния ДКП на ставки и задолженность по ипотеке показана в работе Garriga et al. (2017) [6].

Количественное подтверждение положительного воздействия смягчения стандартной ДКП на рынок недвижимости приводится в работе Zhu et al. (2017) [7]. В статье Agnello et al. (2018) [8] была подчеркнута важность роли этой политики для цикла развития (роста и спада) рынка недвижимости в Европе.

Однако существуют работы, исследующие нестандартную ДКП. В работе Amzallag et al. (2019) [9] анализ влияния отрицательных процентных ставок на межбанковском рынке не выявил искажения в действии трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики на выборке итальянских банков. Введение отрицательных процентных ставок слабо отразилось на объеме выданных кредитов.

В работе Gambacorta et al. (2014) [10] был выявлен положительный эффект стимулирующих нестандартных мер ДКП ЕЦБ на инфляцию, ВВП, и отрицательный – на ставку по кредитам и на курс евро за весь период проведения программы покупки активов ЕЦБ. На базе выборки по группе стран авторы сделали вывод о положительном влиянии нестандартных мер ДКП на кредитование, не взирая на снижение маржи банков из-за отрицательных процентных ставок.

Тем не менее результаты исследований влияния нестандартных мер ДКП на экономику не однозначны. Одни исследования говорят в ее пользу (см. Hausken et al. (2013) [11]), а другие выявили лишь небольшой эффект от нее (см. Elbourne et al. (2018)) [12].

Прямым результатом количественного смягчения является повышение цен покупаемых в рамках этой политики ценных бумаг. Например, в США, зоне евро, в Японии и Великобритании – это были государственные облигации. Во многих работах было выявлено отрицательное влияние политики количественного смягчения на доход-

ность ценных бумаг, которые приобретались в рамках соответствующей программы, например, в работах Hausken et al. (2013) [11]; Joyce et al. (2011) [13]. Однако сопутствующее воздействие на экономическую активность, рынок недвижимости и строительство был не столь очевиден. Отдельной задачей является выбор подхода для точной оценки воздействия на макроэкономические показатели (см. П. Трунин и Н. Ващелюк (2018)) [14].

Идентификация шоков нестандартной ДКП представляет отдельный вопрос. Во многих современных работах влияние политики количественного смягчения на цены на недвижимость оценивается с помощью структурных VAR-моделей. Эффект нестандартной ДКП часто оценивается при помощи ограничений на импульсные отклики VAR-модели. Например, в работе Gambacorta et al. (2014) [10] авторы накладывают ограничения в панельной структурной VAR-модели на краткосрочные отклики ВВП, инфляции, активов центральных банков и индекса волатильности VIX на шоки нетрадиционной ДКП.

Влияние на ипотеку оказывают спрос со стороны населения, финансовые условия и предложение со стороны банков. Нестандартная денежно-кредитная политика может оказать влияние на финансовые условия и предложение кредитов. Дополнительные средства в виде избыточных резервов, полученные от продажи активов, купленных по программе количественного смягчения, остаются на балансе банков. Однако отрицательные процентные ставки по депозитам на межбанковском рынке могут стимулировать банки не хранить излишние резервы на депозитах, а направлять их на дополнительные кредиты для компаний и населения. Таким образом, ставки по кредитам могут снизиться, а спрос на кредиты со стороны покупателей недвижимости вырасти.

Модель для показателей рынка недвижимости

В данной работе для оценки влияния политики количественного смягчения на рынок недвижимости используется структурная VAR-модель. Данная модель дает возможность оценить влияние неожиданных шоков одних переменных на другие, что позволяет сделать выводы о влиянии политики количественного смягчения на экономические параметры. В качестве показателей рынка недвижимости зоны евро были отобраны:

- объем задолженности по ипотечным кредитам, который отражает потребительскую активность и спрос (помесячный прирост);
- изменение ставки по ипотечным кредитам, которая отражает финансовые условия для населения;

- объем строительных работ, отражающий строительную активность в экономике (помесичный прирост);
- индекс стоимости аренды жилья в зоне евро (помесичный прирост).

Данные показатели помимо спроса на недвижимость отражают также изменение объема недвижимости. Динамика объема недвижимости является важным каналом влияния ДКП на экономику, что было показано в работе Milcheva and Sebastian (2016) [15].

В данной работе используются месячные данные с 2008 г. по 2018 г. Влияние политики количественного смягчения в модели характеризуется переменной объема активов ЕЦБ (помесичный прирост), которая отражает динамику активов за период проведения программы их покупки с марта 2015 г. по 2018 г. (в остальной период переменная принимает нулевое значение). Политика количественного смягчения за рассматриваемый период предопределила существенную часть изменений баланса ЕЦБ, и именно поэтому данная переменная (объем активов) может быть использована для характеристики эффекта проводимой политики.

Помимо этого, идентифицировать эффект непосредственно от политики количественного смягчения позволяют краткосрочные ограничения на отклик переменных. Эффект стандартной политики количественного смягчения выражается в изменении трехмесячных ставок на межбанковском рынке, которое используется в качестве контрольной переменной.

Контрольными переменными выступают реальный эффективный курс евро, сезонно сглаженные индексы производства промышленности и оборота розничной торговли, которые отражают спрос в экономике, изменение трехмесячной ставки на межбанковском рынке в зоне евро, цену нефти Brent и сезонно сглаженный гармонизированный индекс цен. В модели используется месячный прирост для всех сезонно сглаженных индексов, реального эффективного курса и цены на нефть Brent. Данные получены из нескольких источников: Eurostat, база данных ЕЦБ, ЕИА, база данных ФРС.

По Байесовскому критерию был выбран один лаг для VAR-модели. В работе используется следующая спецификация структурной VAR модели

$$Y_t = AY_{t-1} + B\varepsilon_t,$$

где Y_t – набор переменных, A , B – матрицы коэффициентов, ε_t – случайные шоки.

Результаты расширенного теста Дики-Фуллера не выявили наличие единичных корней на 5%-ном уровне значимости для всех переменных в модели. Идентификация шоков в модели производилась с помощью

разложения Холецкого, а переменные расположены в следующем порядке: цена на нефть Brent, активы ЕЦБ, индекс промышленного производства, индекс потребительских цен, изменение трехмесячной ставки на межбанковском рынке в зоне евро, реальный эффективный курс евро, изменение ставки по ипотеке, индекс оборота розничной торговли, индекс объема строительства, объем задолженности по ипотеке, стоимость аренды. При идентификации переменных были использованы краткосрочные ограничения на шоки политики количественного смягчения. Аналогично работе Gambacorta et al. (2014) [10] нулевые краткосрочные ограничения накладываются на отклики выпуска и инфляции на шоки нестандартной ДКП (на матрицу B).

Результаты оценки модели

Оценка VAR-модели для индикаторов рынка недвижимости показала положительное влияние переменной прироста активов ЕЦБ на прирост объемов строительства и задолженности по ипотеке. Однако прирост активов оказывал отрицательное влияние на ставку по ипотечным кредитам и стоимость аренды (табл.).

Таблица

Результаты оценки коэффициентов VAR-модели для индикаторов рынка недвижимости

	Строительство, м/м		Ипотека, м/м		Ставка по ипотеке		Стоимость аренды, м/м	
Брент, м/м	0,003		-0,003		0,000		0,000	
	(0,025)		(0,003)		(0,000)		(0,001)	
Активы ЕЦБ, м/м	0,153		0,015		-0,001		-0,005	
	(0,153)		(0,019)		(0,002)		(0,008)	
Промышленное производство, м/м	0,328		0,092	***	-0,002		-0,008	
	(0,230)		(0,028)		(0,003)		(0,013)	
ИПЦ, м/м	0,577		0,343	*	0,034	*	-0,027	
	(1,556)		(0,192)		(0,020)		(0,086)	
Трехмесячные ставки, м/м (разность)	-0,657		0,291		0,106	***	-0,010	
	(1,637)		(0,202)		(0,021)		(0,090)	
Реальный эффективный курс, м/м	0,058		0,018		-0,002		0,001	
	(0,131)		(0,016)		(0,002)		(0,007)	

	Строительство, м/м		Ипотека, м/м		Ставка по ипотеке		Стоимость аренды, м/м	
Ставки по ипотеке, м/м (разность)	1,286		–0,938		0,151	*	–0,121	
	(6,958)		(0,857)		(0,088)		(0,384)	
Оборот розничной торговли, м/м	0,194		0,020		–0,004		0,006	
	(0,264)		(0,033)		(0,003)		(0,015)	
Строительство, м/м	–0,455	***	–0,018		0,000		0,003	
	(0,097)		(0,012)		(0,001)		(0,005)	
Ипотека, м/м	–0,306		–0,026		–0,008		0,060	
	(0,748)		(0,092)		(0,009)		(0,041)	
Стоимость аренды, м/м	–0,628		–0,047		0,007		0,102	
	(1,730)		(0,213)		(0,022)		(0,096)	
константа	–0,106		0,143	***	–0,019	***	0,091	***
	(0,384)		(0,047)		(0,005)		(0,021)	
Скорректированный R-квадрат	0,109		0,133		0,321		–0,055	
Число наблюдений	129		129		129		129	

Примечание: в скобках указаны стандартные ошибки. * – значимость переменной на 10%-ном уровне, ** – значимость на 5%-ном уровне, *** – значимость на 1%-ном уровне. В качестве объясняющих переменных используются лаги.

Источник: рассчитано автором.

Экономическую интерпретацию результатов можно получить с помощью импульсных откликов на неожиданные шоки политики количественного смягчения (мер нестандартной ДКП). В результате оценки структурной VAR-модели, импульсные отклики переменных, отражающих состояние рынка недвижимости и строительство, демонстрируют в целом положительный эффект от шока политики количественного смягчения (нестандартной денежно-кредитной политики). Наибольший эффект данной политики наблюдается в строительстве (рис. 4). Положительный импульсный отклик на шок активов ЕЦБ выражается в ускорении строительной активности. Это может быть связано с общим ростом спроса в экономике на фоне ускорения экономической активности.

Импульсный отклик ставки по ипотеке был отрицательным (рис. 5). Это означает, что положительный шок политики количественного смягчения (нестандартной ДКП) оказывал отрицательное влияние на

Источник: рассчитано автором.

Рис. 4. Ортогонализированный импульсный отклик строительства на шок политики количественного смягчения

Источник: рассчитано автором.

Рис. 5. Ортогонализированный импульсный отклик изменения ставок по ипотеке на шок политики количественного смягчения

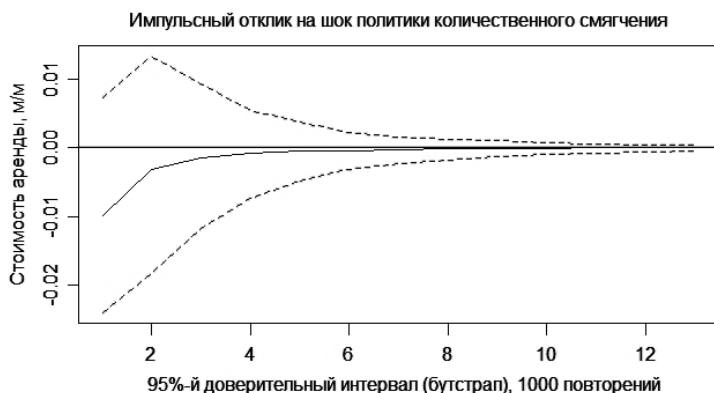

Источник: рассчитано автором.

Рис. 6. Ортогонализированный импульсный отклик задолженности по ипотеке на шок политики количественного смягчения

ставку по ипотеке. Результат сопоставим с влиянием мер стандартной политики. Покупка государственных ценных бумаг снижает их доходность и увеличивает цену, что может сказываться на долгосрочных ставках во всей экономике. Импульсный отклик ипотечного кредитования показал лишь небольшой положительный эффект (см. рис. 6).

Импульсный отклик помесячного роста цен на аренду оказался отрицательным (рис. 7). Данный результат означает, что положительный шок политики количественного смягчения, который отражается на балансе ЕЦБ, оказывает отрицательное влияние на рост цен на аренду недвижимости. Этот результат не очевиден, так как политика количественного смягчения может оказывать положительное влияние на спрос в экономике. Тем не менее рынок аренды лишь косвенно связан с рынком недвижимости, поэтому отсутствие связи между стоимостью аренды и повышенным спросом на недвижимость не противоречит теории, а может быть следствием специфики рынка аренды.

Источник: рассчитано автором.

Рис. 7. Ортогонализированный импульсный отклик изменения цены на аренду на шок политики количественного смягчения

Заключение

В данной работе была исследована взаимосвязь между политикой количественного смягчения в зоне евро и показателями рынка недвижимости. Политика количественного смягчения (программа покупки активов) использовалась ЕЦБ в 2015–2018 гг. и с ноября 2019 г. для усиления влияния мер стандартной ДКП. Для оценки влияния политики количественного смягчения на рынок недвижимости была использована структурная VAR-модель, на основе которой была получена положительная оценка влияния шока политики количественного смягчения на динамику строительства и объемы ипотеки и отрицательная – на ставку по ипотечным кредитам и стоимость аренды жилья.

Положительное влияние политики количественного смягчения (нестандартной ДКП) на активность в строительстве и на рост объемов ипотечного кредитования может быть результатом расширения спроса в экономике. Об эффективности нестандартной ДКП говорит отрицательное влияние на ставки по ипотечным кредитам. Однако шок нестандартной ДКП оказывал отрицательное влияние на динамику цен на аренду жилой недвижимости, что могло быть связано со спецификой рынка аренды.

Полученные результаты важны как для возможных решений относительно проводимой ДКП, так и для участников рынка недвижимости и кредитных организаций.

Возможным продолжением данного исследования может быть оценка влияния политики количественного смягчения на цены на недвижимость. Сложность данного исследования связана с различными интервалами публикуемых данных. Так, недвижимость оценивается довольно редко из-за ее относительно низкой ликвидности. Поэтому, индексы цен на недвижимость публикуются ежеквартально, а динамика остальных переменных доступна с месячной частотой. Такое исследование потребует использование моделей, которые могут учесть различающиеся временные интервалы показателей.

В то же время использование в качестве показателя политики количественного смягчения данных баланса ЕЦБ, само по себе проблематично, хотя и имеет место в работах Nocera and Roma (2018) [4]; Jarociński and Smets (2008) [16]. Тем не менее данный подход подвергся критике в статье Elbourne et al. (2019) [17], где продемонстрировано, что шоки при использовании VAR не отличались от случайно сгенерированных шоков.

Еще одним направлением может быть исследование косвенных эффектов политики количественного смягчения, затрагивающих другие страны. Например, в работе Horvath and Voslarova (2017) [18] был оценен эффект политики количественного смягчения ЕЦБ для экономики стран Центральной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bernanke B.S., Reinhart V.R.* Conducting monetary policy at very low short-term interest rates // *American Economic Review*. 2004. T. 94. № 2. С. 85–90.
2. *Draghi M.* The interaction between monetary policy and financial stability in the euro area // Keynote speech at the First Conference on Financial Stability organised by the Banco de España and Centro de Estudios Monetarios y Financieros. Madrid, 2017. T. 24.
3. *Battistini N., Le Roux J., Roma M., Vourdas J.* The state of the housing market in the euro area // *Economic Bulletin Articles*. 2018. T. 7.
4. *Nocera A., Roma M.* House prices and monetary policy in the euro area: evidence from structural VARs // *USC-INET Research Paper*. 2018. № 18–13.
5. *Musso A., Neri S., Stracca L.* Housing, consumption and monetary policy: How different are the US and the euro area? // *Journal of Banking & Finance*. 2011. T. 35. №11. С. 301–93041.
6. *Garriga C., Kydland F.E., Šustek R.* Mortgages and monetary policy // *The Review of Financial Studies*. 2017. T. 30. № 10. С. 3337–3375.
7. *Zhu B., Betzinger M., Sebastian S.* Housing market stability, mortgage market structure, and monetary policy: Evidence from the euro area // *Journal of Housing Economics*. 2017. T. 37. С. 1–21.
8. *Agnello L., Castro V., Sousa R.M.* Economic activity, credit market conditions, and the housing market // *Macroeconomic Dynamics*. 2018. T. 22. № 7. С. 1769–1789.
9. *Amzallag A., Calza A., Georgarakos D., Sousa J.* Monetary policy transmission to mortgages in a negative interest rate environment, 2019.
10. *Gambacorta L., Hofmann B., Peersman G.* The effectiveness of unconventional monetary policy at the zero lower bound: A cross-country analysis // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2014. T. 46. № 4. С. 615–642.
11. *Hausken K., Ncube M.* Quantitative easing and its impact in the US, Japan, the UK and Europe, 2013.
12. *Elbourne A., Ji K., Duijndam S.* The effects of unconventional monetary policy in the euro area // *EUROFRAME Conference*, 2018.
13. *Joyce M., Lasoosa A., Stevens I., Tong M.* The financial market impact of quantitative easing in the United Kingdom // *International Journal of Central Banking*. 2011. T. 7. № 3. С. 113–161.
14. *Трунин П., Ващелюк Н.* Нестандартные меры монетарной политики: Международный опыт и российская практика. М., 2018.
15. *Milcheva S., Sebastian S.* The housing market channel of monetary policy transmission in the Euro area // *Journal of European Real Estate Research*. 2016.
16. *Jarociński M., Smets F.* House Prices and the stance of Monetary Policy // *Working Paper Series*, European Central Bank. 2008. № 891.
17. *Elbourne A., Ji K.* Do zero and sign restricted SVARs identify unconventional monetary policy shocks in the euro area?. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. 2019. № 391.
18. *Horvath R., Voslarova K.* International spillovers of ECB's unconventional monetary policy: the effect on Central Europe // *Applied Economics*. 2017. T. 49. № 24. С. 2352–2364.

ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Artem Aleksandrovich – Graduate Student of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
artem.a.vinogradov@gmail.com

THE INFLUENCE OF THE QUANTITATIVE EASING POLICY OF THE EUROPEAN CENTRAL BANK ON RESIDENTIAL REAL ESTATE MARKET INDICATORS IN THE EURO ZONE

This article explores the relationship between the quantitative easing policy of the European Central Bank and the performance of the Euro Zone's real estate market. A study of the real estate market was carried out, using indicators such as construction volumes, mortgage debt, mortgage rates and rental costs. To assess the impact of the quantitative easing policy on the real estate market, a structural vector autoregressive model (VAR-model) with short-term restrictions was used. A positive impact of the shock of the quantitative easing policy on the dynamics of construction and mortgage debt was revealed, and on the mortgage rate and rental cost it was negative. The effect was significant for mortgage rates.

Key words: *macroeconomics; economic policy; non-standard monetary policy; ECB; quantitative easing policy; Euro Zone; construction; mortgage credit lending; rent price; mortgage rates; SVAR model.*

JEL: E43, E47, R38.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук,
ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН В 2019 ГОДУ

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10025

В 2019 г. Институт экономики осуществлял научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук (ПФНИ ГАН) на 2013–2020 гг. по трем направлениям: 167. *Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции*; 168. *Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)*; 171. *Развитие методологии макроэкономических измерений*.

Научные исследования велись по 13 темам в рамках базового бюджетного финансирования, а также по грантам РФФИ. Институт экономики принимал участие в фундаментальных программах Президиума РАН («Научные основы развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций», «Многофакторные вызовы и риски перехода к новому этапу научно-технологического и экономического развития России: фундаментальные и прикладные проблемы»).

Основные результаты научной деятельности

167. *Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции*

В коллективной монографии «Евразийская интеграция в турбулентном мире» (Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2019) подведены итоги реализации евразийского интеграционного проекта, проанализиро-

ваны возникающие проблемы, ограничения, возможности и эффекты ЕАЭС в сопоставлении с ожиданиями от процесса интеграции. Дана оценка перспектив евразийской интеграции и ее влияния на формат и ход реализации продвигаемого Россией проекта Большого евразийского партнерства, а также на формат участия в китайском мегапроекте «Один пояс – один путь».

Проблеме формирования многовекторной внешнеэкономической политики стран Центрально-Восточной Европы, одним из приоритетов которой выступает расширение торгового и инвестиционного сотрудничества с динамично развивающимися и развитыми странами Азии, посвящена коллективная монография «Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы» (Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019). Авторами выявлены проблемы, возникающие для стран ЦВЕ на фоне роста объемов торговли с азиатскими странами и реализации некоторых инвестиционных проектов, отражено отношение Европейского союза к нарастающей активности Китая в Центрально-Восточной Европе.

В коллективной монографии «Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике» (Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019) исследуются факторы, обеспечившие выход Центрально-Восточной Европы на траекторию экономического роста после глубокого спада в период мирового экономического кризиса, а также изменения в экономической политике, источниках экономического роста, внешнеэкономических связях стран региона. Делается попытка оценить способность произошедшей корректировки экономического курса обеспечить долгосрочное устойчивое развитие стран ЦВЕ, дано видение необходимых для этого мер экономической политики.

Коллективная монография «Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде» (Под ред. Г.Д. Толорая. М.: ИТК «Дашков и К», 2019) является первым научным исследованием в России, основанным на выводах современной транзитологии. В данной работе рассмотрены итоги и тенденции использования Россией потенциала постсоциалистических азиатских стран в контексте их встраивания в новую глобальную реальность, дан очерк трендов развития азиатского регионализма, дополненный анализом отношений России и с другими сопредельными странами.

168. Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)

В сборнике научных трудов «Экономическая безопасность России: методы оценки и управления» (Под ред. И.В. Караваевой, А.Г. Коломийца, М.Ю. Льва // М.: ИЭ РАН, 2019) представлены материалы научно-практической конференции «Третьи Сенчаговские чтения», в которых обо-

сновываются новые подходы в теории и практике различных аспектов экономической безопасности. В сборнике рассмотрены проблемы совершенствования механизмов управления для обеспечения экономической безопасности в системах федерального и субфедерального уровней управления, а также методы оценки, контроля и мониторинга экономической и социальной безопасности и др.

В сборнике научных трудов «Развитие сферы труда в России: истоки проблем, современные тренды и вызовы глобализации» (Под ред. И.В. Соболевой, А.П. Седлова. М.: ИЭ РАН, 2019) проанализированы особенности и проблемы развития сферы труда в России в условиях глобализации и цифровизации экономики. Рассмотрены демографические и социально-экономические вызовы развитию национального трудового потенциала и системы трудовых отношений. Особое внимание уделено проблеме оптимизации потоков трудовой миграции и институциональным механизмам ее регулирования.

171. Развитие методологии макроэкономических измерений

Теоретические подходы к формированию новой модели экономического роста рассматриваются в сборнике научных трудов «Приоритеты и институциональные факторы модернизации российской экономики» (Под ред. Н.Ю. Ахапкина. М.: ИЭ РАН, 2019). Авторами предложены стратегические решения, сопряженные с корректировкой приоритетов развития и масштабной модернизацией российской экономики, исследованы макроэкономические условия проведения структурных и институциональных реформ, раскрыты вопросы стимулирования и поддержки модернизации за счет совершенствования налоговых инструментов, повышения эффективности деятельности финансовых институтов развития и использования новых подходов к наращиванию инновационного потенциала организаций.

В сборнике научных трудов «Институциональные аспекты повышения качества государственного управления в контексте новых стратегических вызовов» (Под ред. И.И. Смотрицкой, С.В. Козловой. М.: ИЭ РАН, 2019) дан анализ институциональных аспектов трансформации управленческих подходов, раскрыты проблемы и тенденции развития институтов и инструментов управления государственным имуществом. Особое внимание уделено контрактной системе публичных закупок, специфике управления компаниями с государственным участием. Исследованы возможности и потенциал государственно-частного партнерства для повышения эффективности управления инвестиционными ресурсами.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику

Институтом экономики в 2019 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Научно-практическая конференция «Третьи Сенчаговские чтения. Экономическая безопасность России: методы оценки и управления» (Москва, 9–10 апреля);
- Международная научно-практическая конференция «Современные вызовы и будущие контуры валютной системы, монетарной политики и финансовой архитектуры Европы и России» (Москва, 15–16 апреля);
- Международная научная конференция «Российско-вьетнамское сотрудничество в условиях экономической глобализации» (Москва, 4 июня);
- Шестая международная научная российско-китайская конференция «Глобальные вызовы для экономик России и Китая: поиск ответов» (Москва, 5 июля, совместно с Отделением общественных наук РАН);
- XIII Международный симпозиум по эволюционной экономике «Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост» (Пушкино, 6–7 сентября);
- Первая октябрьская международная научная конференция по проблемам теоретической экономики «Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории» (Москва, 3–5 октября);
- VIII Кронродовские чтения «Город и село: где жить человеку? Парадигма Л.В. Никифорова» (Москва, 14 ноября);
- Ежегодная научная конференция молодых ученых «Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы» (Москва, 21 ноября, совместно с Отделением общественных наук РАН).

Круглые столы:

- Пенсионная реформа: «за» и «против» непопулярного решения (Москва, февраль);
- Перспективы российско-украинских отношений после президентских выборов на Украине (Москва, 23 апреля);
- Будущее сферы труда: российская повестка дня (Москва, май);
- Научное наследие А.А. Громыко: экспорт капитала и роль национальных валют в современной глобальной экономике (Москва, октябрь, совместно с Институтом Европы РАН и Ассоциацией внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко);
- Государственно-частное партнерство как механизм управления процессом привлечения инвестиций в инфраструктурные проекты (Москва, ноябрь).

Научные семинары:

- Россия и ее соседи (Москва, май);

- Работающие пенсионеры: проблемы человека и государства (Москва, ноябрь).

В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. – д.ф.н. А.Я. Рубинштейн, международный семинар ИЭ РАН и Новой экономической ассоциации); «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» (рук. – академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер); «Институциональные изменения и экономическое развитие» (рук. – д.э.н. Г.Д. Гловели); «Институциональная теория и ее приложения» (рук. – д.э.н. О.С. Сухарев), «Альтернативы развития мировой экономики» (рук. – член-корреспондент РАН М.Ю. Головин) – международный семинар совместно с Центром международных экономических исследований при экономическом факультете РУДН и Московской школой экономики МГУ имени М.В. Ломоносова).

Экспертная деятельность

В 2019 г. Институт экономики продолжал сотрудничество в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, с министерствами и ведомствами: Советом Федерации ФС РФ, Государственной Думой ФС РФ, Администрацией Президента РФ, Советом безопасности РФ, Министерством иностранных дел РФ, Министерством экономического развития РФ, Министерством науки и образования РФ и др.

Экспертный совет ИЭ РАН по проблемам корпоративного управления компаниями с государственным участием в 2019 г. провел два заседания.

Издательская деятельность

В 2019 г. Институтом экономики издано более 25 научных трудов (монографий, брошюр, сборников научных трудов, докладов). В серии «Научные доклады Института экономики РАН» изданы доклады:

- Е.М. Бухвальд, А.В. Кольчугина «Малые и моногорода в стратегии пространственного развития Российской Федерации»;
- Р.И. Капелюшников «Феномен старения населения: экономические эффекты»;
- О.А. Кислицына, Т.В. Чубарова «Комплексная оценка деятельности системы здравоохранения в России: опыт построения индекса»;
- Ю.К. Князев «Индивидуализм и коллективизм в современной науке»;
- О.Б. Кошовец «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технойаукой»;
- С.В. Козлова, С.А. Братченко, П.С. Звягинцев «Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов»;

- М.М. Лобанов «Проблемы развития Сербии: как «удержаться на гребне» новой волны экономического роста?»;
- В.Ю. Музычук «Провалы государства в сфере культуры»;
- П.А. Ореховский «Структуры когнитивности и российские реформы»;
- Н.М. Плискевич «Патернализм и процессы постсоциалистической трансформации»;
- «Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации»;
- О.А. Славинская «О теории и методологии общественных расходов»;
- Л.Н. Слуцкий «Моделирование причинных зависимостей в экономике»;
- Б.А. Хейфец «Как модернизировать Евразийский экономический союз»;
- Э.Я. Шейнин «Инвестиционный процесс в странах Центрально-Восточной Европы»;
- А.Ю. Яковлев «Управление российскими компаниями с государственным участием: методологические и практические аспекты».

Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен».

Международное сотрудничество

В 2019 г. Институт экономики продолжал работу на основе двусторонних долгосрочных соглашений о международном сотрудничестве с партнерами из зарубежных стран (Белоруссия, Индия, Казахстан, Китай, Корея, Куба, Польша, Узбекистан, Таджикистан, Грузия).

Ученые ИЭ РАН участвовали в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных научными центрами и организациями зарубежных стран.